

Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета, открытые въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

(отчетъ о командировкѣ).

Д. И. Багалъя.

Окончивъ 1-й томъ своего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ и приступая ко 2-му, я долженъ былъ предпринять поѣздку въ Петербургъ, чтобы извлечь необходимые для меня матеріалы изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, и съ этою цѣлью испросилъ себѣ туда ученую командировку на Рождественскіе праздники. Еще работая надъ первымъ томомъ, я внесъ въ него значительное число документальныхъ данныхъ изъ этого архива, а пересматривая описи его, убѣдился въ томъ, что и для слѣдующаго періода въ исторіи Харьковскаго университета (съ 1815 г. по 1835, т. е. до введенія новаго университетскаго устава) тамъ хранится не менѣе богатый матеріалъ.

Получивъ доступъ ко *всѣмъ* документамъ по занимающему меня вопросу, я ознакомился съ ними и воспользовался преимущественно въ цѣльномъ видѣ и только отчасти въ извлеченіяхъ. Достаточно сказать, что мною привезено въ Харьковъ 180 листовъ выписокъ изъ архивныхъ дѣлъ.

Вотъ краткія данныя объ этихъ матеріалахъ. На первомъ планѣ по объему и значенію нужно поставимъ два огромныхъ дѣла—1) о высылкѣ за границу извѣстнаго профессора философіи И. Е. Шада и 2) доносъ на Харьковскій университетъ профессора анатоміи Венедиктова. Надѣлавшее столько шуму не только въ Харьковѣ и Петербургѣ, а и въ Германіи дѣло объ удаленіи Шада изъ Харьковскаго университета, не смотря на значительный интересъ его, было мало извѣстно въ подробностяхъ, конечно, потому что велось все время конфиденціально, секретно. Въ нашемъ университетскомъ архивѣ о Шадѣ не сохранилось даже тѣхъ

подлинныхъ документовъ, которые составляли текущее производство и касались не самого удаленія его, а предшествовавшихъ ему обстоятельствъ; это объясняется отсылкою ихъ въ Петербургъ въ министерство народнаго просвѣщенія, которому приходилось не разъ возвращаться къ этому злополучному процессу и постоянно пересматривать его, потому что Шадъ ни за что не хотѣлъ примириться со своею участію изгнанника и постоянно стремился къ своей реабилитаціи. Составъ документовъ этого дѣла обширный и разносторонній: въ немъ мы находимъ съ одной стороны подлинныя бумаги самого Шада—его многочисленныя просьбы, ходатайства, объясненія, оправданія, жалобы — а съ другой доносы и обвиненія его враговъ, приговоры и рѣшенія правительства; все это оставалось неизвѣстнымъ тогдашнему обществу. Такимъ образомъ, на основаніи этого всесторонняго документальнаго матеріала является возможность представить эту замѣчательную страничку изъ исторіи стараго университетскаго быта во всѣхъ ея характерныхъ подробностяхъ, со всѣми ея перипетіями. Кромѣ того, въ объясненіяхъ и оправданіяхъ самого Шада заключается цѣнный матеріалъ для характеристики его философскаго міросозерцанія и, слѣдовательно, для исторіи философіи въ Россіи въ эпоху реакціи, которая оказала сильное вліяніе на самый исходъ этого печальнаго дѣла.

Такимъ же печальнымъ эпизодомъ въ исторіи Харьковскаго университета является и доносъ на него проф. Венедиктова. Профессоръ анатоміи Венедиктовъ былъ въ то же время инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ. Въ 1833 г. онъ послалъ извѣтъ министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову и въ немъ крайне мрачными красками рисовалъ распушенность и безнравственность харьковскаго студенчества, выставляя виновникомъ всего университетское начальство. Венедиктова, по Высочайшему повелѣнію, вызвали для объясненій въ Петербургъ; произведено было тщательное разслѣдованіе, по которому оказалось, что онъ слишкомъ преувеличилъ, раздулъ все дѣло. Это былъ, очевидно, не совсѣмъ нормальный человѣкъ, болѣзненно подозрительный, всюду видѣвшій угрозы существующему порядку вещей и принявшій на себя добровольно роль охранителя этого порядка, которому однако ничто не угрожало; однимъ словомъ, на него можно смотрѣть какъ на жертву реакціи, но только реакціи, расцвѣтшей въ самой профессорской коллегіи. Его доносъ не оправдался, но его послѣ нѣкотораго колебанія снова вернули въ Харьковскій университетъ. Понятно, что положеніе его здѣсь оказалось очень неловкимъ и тяжелымъ; пребываніе его въ Харьковѣ сдѣлалось невыносимымъ и для него самого, и для его товарищей. Неудивительно, поэтому, что на почвѣ такихъ

обостренныхъ отношеній его къ профессорамъ, начальству и особенно студентамъ разыгрался новый прискорбный инцидентъ — его столкновеніе съ однимъ студентомъ, предложившимъ ему въ подарокъ золотую табакерку. Враждебно настроенный къ нему (за его доносъ) попечитель, другъ государя Николая Павловича, гр. Головкинъ рѣшилъ воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы освободить университетъ отъ такого непріятнаго человѣка, но сдѣлалъ это очень рѣзко и его предложеніе объ увольненіи Венедиктова встрѣтило оппозицію со стороны министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова. Оба эти дѣятеля стояли твердо на своемъ и дѣло дошло до государя, который положилъ свою резолюцію. Подлинныя письма гр. Уварова и Головкина (на французскомъ языкѣ) и *собственноручная* резолюція императора Николая Павловича сохранились въ архивѣ и цѣликомъ списаны мною.

Видное мѣсто среди найденныхъ мною документовъ занимаютъ матеріалы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о служебной дѣятельности попечителей и ихъ отношеніи къ Харьковскому университету. Мнѣ удалось отыскать данныя о службѣ и дѣятельности всѣхъ попечителей, бывшихъ въ этотъ періодъ времени въ Харьковѣ — гр. Северина Осиповича Потоцкаго, Захарія Яковлевича Карнѣева, его племянника Егора Васильевича Карнѣева, Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, Владимира Ивановича Филатьева, гр. Юрія Александровича Головкина, помощника попечителя гр. А. Н. Панина. Нашлись формулярные списки ихъ, инструкціи, даваемые имъ министрами народнаго просвѣщенія, ихъ отчеты объ осмотрѣ университета и замѣченныхъ въ немъ не порядкахъ, проекты разныхъ реформъ касательно университета и т. п.; таковъ, наприимѣръ, проектъ реформъ для Харьковскаго университета попечителя Е. Карнѣева, рассмотрѣнный въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и направленный къ сокращенію университетской автономіи, проектъ попечителя А. А. Перовскаго объ уничтоженіи выборныхъ должностей ректора и профессоровъ, инструкціи министра попечителямъ, Е. Карнѣеву и А. Перовскому, отчеты объ осмотрѣ университета попечителя Е. Карнѣева и гр. Ю. Головкина, анонимный доносъ на попечителя В. Филатьева и объясненія этого послѣдняго.

Весьма важное значеніе для исторіи университетскаго самоуправленія имѣютъ также документы, касающіеся ректорства Осиповскаго, Джунковскаго, Еллинскаго и Кронеберга; они разъясняютъ намъ между прочимъ темный эпизодъ вынужденной отставки Осиповскаго и даютъ не мало данныхъ для характеристики Еллинскаго, Кронеберга и отчасти Джунковскаго, занимавшихъ ректорскую должность въ изучае-

мый нами періодъ времени; весьма любопытны ходатайства Осиповскаго передъ министерствомъ объ изданіи его сочиненій для училищъ. Проектъ Магницкаго о вызовѣ профессоровъ изъ славянскихъ земель, предложенія попечителя Е. Каріѣва объ изданіи профессорскихъ лекцій и о раздѣленіи физико-математическаго факультета на два отдѣленія (физико-математическое и естественно-историческое), дѣла о приглашеніи на кафедру проф. Даниловича и увольненіи за пьянство проф. Нельдехена, прошеніе профессоровъ, поданное ими на Высочайшее имя въ 1816 г. о прибавкѣ жалованья, заключаютъ въ себѣ любопытныя данныя для вопроса о положеніи профессоровъ; два дѣла о диссертацияхъ Ковалевскаго и Гриневича находятся въ тѣсной связи съ удаленіемъ Шада изъ Харьковскаго университета и выѣстѣ съ тѣмъ являются матеріаломъ для характеристики научнаго уровня молодыхъ людей, стремившихся къ достиженію ученыхъ степеней; сюда же должно быть отнесено дѣло объ ученой командировкѣ въ Англію доктора Гиѣдича, для главы о матеріальныхъ средствахъ университета и его учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ имѣютъ значеніе документы о постройкѣ университетскихъ зданій и о покупкѣ нумизматической коллекціи Шпревитца, а для главы о студентахъ — два дѣла о буйствѣ ихъ въ театрѣ, о жалобѣ ихъ на ординатора Кригера, о пасквилѣ, написанномъ ими на Харьковскаго вице-губернатора Гежелинскаго, и о составленіи ими библейскаго общества. Наконецъ, для вопроса объ училищахъ, находившихся въ вѣдѣніи университета, имѣетъ значеніе проектъ новой инструкціи для визитаторовъ, представленный проф. Успенскимъ. Особнякомъ должны быть поставлены документальныя свѣдѣнія о посѣщеніи университета Императоромъ Александромъ I и Николаемъ Павловичемъ, о находкѣ древностей въ Кіевѣ и Керчи, объ открытіи первой Воскресной школы въ Харьковѣ въ 1859 г., о постановкѣ, по мысли проф. Дегурова, памятника извѣстному Говарду.

Найденными матеріалами я воспользуюсь главнымъ образомъ для 2-го тома „Опыта исторіи Харьковскаго университета“, частію же для отдѣльныхъ статей и замѣтокъ.

Д. Багалъй.

Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго университета.

I.

Предварительныя замѣчанія.

Устраненіе проф. философіи Ивана Егоровича Шада отъ должности и высылка его изъ предѣловъ Россіи за границу въ 1816 году является однимъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ въ первоначальной исторіи Харьковскаго университета, какъ по личности этого крупнаго, выдающагося дѣятеля, рекомендованнаго нѣкогда на кафедру въ Харьковъ знаменитымъ Гете и Шиллеромъ, такъ и по превратностямъ его судьбы, такъ, наконецъ, и по тому шуму, которое подняло это дѣло въ Германіи, гдѣ въ изгнанникѣ видѣли жертву политическихъ интригъ русскихъ поклонниковъ Наполеона. Но помимо этого, такъ сказать, спеціальнаго интереса эпизодъ этотъ заслуживаетъ вниманія еще и съ другой стороны: онъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ той реакціей, которая началась у насъ во вторую половину царствованія Императора Александра I-го и выразилась въ Казанскомъ университетѣ погромомъ Магницкаго и въ Петербургскомъ — извѣстной исторіей профессоровъ, подвергнутыхъ Шемякину суду Рунича. Высылка Шада — была однимъ изъ проявленій реакціи въ Харьковскомъ университетѣ.

До сихъ поръ мы знали объ этой исторіи очень мало — то, что напечатано Н. А. Лавровскимъ въ его монографіи о Шадѣ, въ основу которой положены официальные документы университетскаго архива и тѣ два печатныя сочиненія, которыя и послужили главною причиною его высылки. Важною заслугой автора нужно признать, что онъ привелъ въ русскомъ переводѣ тѣ мѣста изъ книги Шада о естественномъ правѣ, которыя были поставлены этому профессору въ вину министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но свѣдѣній о причинахъ высылки у Н. А. Лавровскаго приведено мало; недостаточность ихъ объясняется тѣмъ, что дѣло Шада велось конфиденціально и потому въ университетскомъ архивѣ сохранилось немного слѣдовъ его. Изъ бумагъ самого Шада въ распоряженіи Н. А. Лавровскаго былъ только

одинъ документъ — это письмо его къ русскому посланнику въ Веймарѣ, въ которомъ Шадъ выставляетъ виновникомъ своихъ бѣдствій попечителя округа графа С. О. Потоцкаго и профессора Дегурова. Но письмо это въ свою очередь нуждается еще въ критической провѣркѣ. Является невольно вопросъ—могъ-ли извѣстный своимъ благородствомъ гр. С. О. Потоцкій совершить приписываемый ему некрасивый поступокъ; откуда Шадъ имѣлъ возможность получить послѣ высылки своей за границу точныя свѣдѣнія о дѣлѣ, которое велось секретно. Для уясненія данныхъ, заключающихся въ этомъ письмѣ и для освѣщенія всего этого эпизода, очевидно, нужны другіе источники. И такіе источники, къ счастью, нашлись: въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранилось огромное дѣло, или точнѣе говоря, цѣлый рядъ дѣлъ, соединенныхъ воедино, о высылкѣ Шада за границу; это полное производство дѣла со всѣми его перипетіями, основанное на подлинныхъ собственноручныхъ документахъ. Его цѣнность усугубляется тѣмъ, что матеріалъ въ немъ не односторонній, а, если такъ можно выразиться, двусторонній: тутъ мы находимъ съ одной стороны полную коллекцію обвиненій противъ Шада—какъ явныхъ, такъ и тайныхъ, а съ другой еще болѣе обширную коллекцію его оправдательныхъ писемъ и записокъ. Оказывается, что Шадъ не успокоился въ изгнаніи; считая себя невинно потерпѣвшимъ, онъ долгое время, почти до самой своей смерти—старался оправдаться во взведенныхъ на него обвиненіяхъ съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ русское правительство вознаградило его за понесенный имъ благодаря внезапной высылкѣ ущербъ. Матеріальное положеніе его было настолько неудовлетворительно, что само по себѣ уже какъ бы толкало его на этотъ путь; затѣмъ, несомнѣнно, здѣсь дѣйствовали и другіе мотивы—и между прочимъ важную роль игралъ его неугомонный характеръ и огромный запасъ жизненной энергіи, которую онъ затрачивалъ на эту тяжелую и неблагоприятную попытку самооправданія. Защищая свои сочиненія, онъ попутно излагаетъ и сущность, и отдѣльныя черты своего философскаго міросозерцанія—и эта часть документовъ должна быть признана весьма важной для исторіи философіи и философскихъ каедръ въ Россіи. Философія, какъ извѣстно, въ это время начала подвергаться настойчивому преслѣдованію со стороны христіанскихъ піетистовъ и мистиковъ—а Шаду казалось—и онъ былъ искренно убѣжденъ въ этомъ—что ему удалось разрѣшить ту задачу, надъ которою доселѣ не перестаютъ, да вѣроятно и никогда не перестанутъ трудиться мыслители—а именно—примирить разумъ съ вѣрою. Весьма любопытно слѣдить, какъ онъ отстаиваетъ свою философскую попытку въ объясненіяхъ, адресован-

ныхъ главъ русскихъ пѣтистовъ того времени — министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну.

Указываемое нами дѣло о высылкѣ Шада изъ Харькова было извѣстно акад. М. И. Сухомлинову: онъ ссылается на него въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи образованія въ царствованіе Императора Александра I-го“; но почти совѣтъ не пользуется имъ для своихъ цѣлей, конечно, потому, что оно выходило изъ рамокъ его очерковъ ¹⁾. Такимъ образомъ, намъ предстоитъ, можно сказать, впервые познакомиться съ нимъ читающую публику и ввести его въ научный обиходъ. Въ полномъ своемъ объемѣ оно не вмѣщается въ рамки нашего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ и потому мы посвящаемъ ему отдѣльный этюдъ.

II.

Обстоятельства, предшествовавшія высылкѣ Шада изъ Харькова.

Лишеніе профессуры и высылка Шада изъ Харькова были вызваны двумя главнѣйшими причинами — учеными промоціями Ковалевскаго и Гриневича, которымъ онъ будто помогъ сочинить ихъ диссертациі, и его собственными сочиненіями, которыя были признаны вредными для русскаго юношества. Вотъ каковы были обстоятельства этого дѣла, по краткимъ извлеченіямъ изъ протоколовъ совѣта, правленія и факультета, сохранившимся въ „дѣлѣ о Шадѣ“.

Въ засѣданіи совѣта 22 декабря 1815 года профессоръ Дегуровъ предложилъ, чтобы диссертацию, написанную кандидатомъ Гриневичемъ для полученія степери доктора, сличить съ манускриптами лекцій профессора Шада, причемъ представилъ записки студента Сорочинскаго и учителя Харьковской гимназіи Колядина, говоря, что диссертациа Гриневича, кажется, выписана изъ этихъ записокъ. По этому представленію совѣтъ назначилъ комиссію изъ профессоровъ — Шумлянскаго, Нельдехена и Успенскаго, присовокупивъ къ ней адъюнкта Комлишинскаго въ качествѣ секретаря—для сличенія диссертациі Гриневича съ записками лекцій профессора Шада; и сверхъ того положилъ пріостановить выдачу докторскаго диплома Гриневичу. Въ засѣданіи 5 января 1816 г. профессоръ Дегуровъ замѣтилъ, что диссертациа доктора Ковалевскаго сходна во всемъ (*iisdem verbis conspecta*) съ диссертациею профессора Шада, *прежде* написанною; и потому просилъ совѣтъ изслѣдовать это дѣло, а дотолѣ пріостановить выдачу ему диплома. Вслѣд-

¹⁾ Не извлеченія изъ дѣла, а скорѣе краткія данныя о немъ помѣщены на двухъ страницахъ его труда (Исл. и статьи, т. 1-й, стр. 102 – 104).

ствіе этого было поручено вышеупомянутой комиссіи сличить обѣ диссертациі. Въ засѣданіи 9 февраля комиссія представила свои выводы о результатахъ сличенія диссертациі Гриневича съ записками Сорочинскаго и Колядина и диссертациі Ковалевскаго съ сочиненіемъ профессора Шада; оказалось по ея наблюденію, что послѣднія книги представляютъ одно и то же сочиненіе, съ тою только разницею, что изслѣдованіе Шада гораздо обширнѣе работы Ковалевскаго. При этомъ комиссія присовокупила, что по качеству измѣненія выраженій, порядка расположенія диссертациі можно заключить, что здѣсь требовалось такое познаніе и самого предмета, и латинскаго языка, какого нельзя предполагать въ лицѣ, выдавшемъ эту диссертацию за свою собственную. По прочтеніи этого донесенія совѣтъ опредѣлилъ истребовать чрезъ комиссію объясненія отъ докторантовъ Гриневича и Ковалевскаго. Въ томъ же засѣданіи ректоръ представилъ повѣстку, въ которой предлагалъ Дегурову и Шаду выйти изъ присутствія при чтеніи донесенія комиссіи. На этой повѣсткѣ проф. Шадъ написалъ жалобу, что совѣтъ уже три раза не внималъ его протесту противъ нѣкоторыхъ опредѣленій и не хотѣлъ слушать и вносить въ журналъ мнѣній его и декана нравственно-политическаго факультета профессора Рейта. При этомъ профессоръ Рейтъ замѣтилъ, что онъ, какъ деканъ, просилъ позволенія сдѣлать донесеніе совѣту на основаніи дѣлъ факультета о заблужденіи профессора Дегурова касательно диссертациі Ковалевскаго. Ректоръ отвѣчалъ, что объясненія профессоровъ Шада и Рейта не были приняты потому, что еще не доставлены были донесенія комиссіи, а теперь слѣдуетъ еще предварительно выслушать докторантовъ. Въ засѣданіи 16 февраля прочитано было предписаніе министра народнаго просвѣщенія о доставленіи ему диссертациі Гриневича и Ковалевскаго и подлинныхъ тетрадей, по которымъ преподавалъ философію проф. Шадъ. Во исполненіе этого предписанія препровождены были къ министру эти диссертациі, и такъ какъ профессоръ Шадъ объявилъ, что онъ манускриптовъ лекцій не имѣетъ, то вмѣсто нихъ отпращены были записки кандидата Райдаровскаго, студента Сорочинскаго и учителя Колядина, съ извлеченіями, представленными совѣту комиссіею. Манускрипты эти потомъ были возвращены въ университетъ, какъ о томъ объявилъ секретарь совѣта профессоръ Рейтъ въ засѣданіи 5 апрѣля. Въ засѣданіи 22 марта были представлены объясненія Ковалевскаго и Гриневича, написанныя въ присутствіи членовъ комиссіи. Совѣтъ опредѣлилъ сообщить ихъ циркулярно для разсмотрѣнія профессорамъ. 5-го апрѣля прочитано было предложеніе попечителя, коимъ онъ давалъ знать, что министръ препроводилъ къ

нему на разсмотрѣніе прошеніе магистра Ковалевскаго касательно выдачи диплома и предлагалъ сообщить о мѣрахъ, принятыхъ къ изслѣдованію дѣла. При этомъ ректоръ объявилъ, что объясненія докторантовъ Гриневича и Ковалевскаго всѣми профессорами были уже разсмотрѣны. Совѣтъ положилъ истребовать изъ нравственно-политическаго факультета дѣла его по этому предмету. Въ засѣданіи 26 апрѣля читаны были выписки изъ журналовъ этого факультета, относящіяся къ экзамену Ковалевскаго. При чтеніи статьи о диссертациі ректоръ спросилъ у членовъ факультета: подписана ли была ими диссертациія Ковалевскаго прежде напечатанія ея. На это профессоръ Успенскій отвѣчалъ, что диссертациія имъ не была подписана, а проф. Швейкартъ объявилъ, что онъ не помнитъ, подписалъ ли ее или нѣтъ. Тогда принесенъ былъ манускриптъ изъ типографіи, который оказался подписаннымъ только деканомъ факультета профессоромъ Рейтомъ; по этому постановлено было предписать секретарю факультета представить совѣту рукопись, подписанную членами факультета, если таковая отыщется. Въ слѣдующее засѣданіе секретарь факультета Дудровичъ объявилъ въ совѣтѣ, что онъ читалъ и одобрилъ диссертацию Ковалевскаго и засвидѣтельствовалъ это своею подписью на бумагѣ, на которой подписался проф. Шадъ; но съ тѣхъ поръ этой диссертациі онъ не видѣлъ и не знаетъ, эта ли рукопись передана въ типографію; при дѣлахъ факультета находится печатная диссертациія Ковалевскаго. 29-го апрѣля продолжалось чтеніе выписокъ изъ журналовъ нравственно-политическаго факультета, причемъ изъ статьи 3 открылось, что въ письменномъ рѣшеніи докторантомъ Ковалевскимъ вопроса на русскомъ языкѣ находились, по замѣчанію проф. Успенскаго, орфографическія ошибки; по этому совѣтъ постановилъ истребовать отъ факультета объясненія, почему онъ допустилъ Ковалевскаго къ дальнѣйшему экзамену, не сообщивъ о замѣчаніи проф. Успенскаго. Изъ 4-й же статьи этихъ выписокъ оказалось, что факультетъ позволилъ проф. Шаду обработать основательнѣе и изложить яснѣе имъ одобренную диссертацию Ковалевскаго. При этомъ предложенъ былъ вопросъ, можетъ ли факультетъ позволить, чтобы диссертациія кандидата, по одобреніи ея, изложена была профессоромъ яснѣе, а диссертациія докторанта оставалась такою-же, какъ была одобрена. Профессора Шумлянскій и Успенскій объявили, что, по мнѣнію ихъ, такое обработываніе диссертациі можетъ быть допущено по защищеніи ея и по окончаніи производства дѣла, но не прежде этого. Проф. Книгинъ утверждалъ, что по одобреніи факультетомъ диссертациі, тотъ же предметъ, если онъ весьма важенъ и полезенъ, можетъ быть обработанъ основательнѣе и профессоромъ.

Съ его мнѣніемъ согласились профессора—Швейкартъ, Делявинъ, Оси-повскій, Каменскій и Нельдехенъ. На запросъ по первому пункту фа-культетъ отвѣчалъ, что онъ не считалъ нужнымъ приостанавливать экзамена и доносить совѣту о замѣчаніи проф. Успенскаго, ибо, во-первыхъ, вышеупомянутое письменное рѣшеніе вопроса профессоръ російской словесности Срезневскій призналъ совершенно удовлетво-рительнымъ, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, а во-вторыхъ, нѣкоторыя ореографическія ошибки въ предметѣ философскомъ, для котораго терминологія и русскій слогъ еще не выработаны—не могли явиться достаточнымъ основаніемъ для временнаго прекращенія экза-мена. 3-го мая заслушано было вторично предложеніе попечителя отъ 13-го марта и приложенное къ нему прошеніе магистра Ковалевскаго на имя министра народнаго просвѣщенія о выдачѣ ему диплома на званіе доктора. По прочтеніи прошенія совѣтъ замѣтилъ, а) что въ началѣ его находится галицизмъ, противный свойствамъ русскаго язы-ка, б) что магистръ Ковалевскій не слушалъ публичныхъ лекцій про-фессоровъ — Швейкарта, Рейта и Успенскаго; кромѣ того изъ дѣлъ нравственно-политическаго факультета открылось, что магистръ Кова-левскій при испытаніи на степень доктора философіи изъ философіи, русской и латинской словесности отвѣчалъ хорошо, письменныя рѣше-нія его на латинскомъ языкѣ одобрены были деканомъ Рейтомъ, про-фессорами—Швейкартомъ и Шадоу и адъюнктами Павловичемъ и Дудровичемъ, а на русскомъ проф. Срезневскимъ, какъ относительно содержанія, такъ и изложенія; по замѣчанію же проф. Успенскаго тамъ были ореографическія ошибки. Публичныя лекціи его были одобрены проф. Шадоу, Рейтомъ и Срезневскимъ. Проф. Рейтъ, Шадъ, адъюнкты Павловичъ и Дудровичъ, ознакомившись съ диссертацией, признали ее удовлетворительною, и такъ какъ проф. Шадъ объявилъ, что онъ хочетъ этотъ важный предметъ обработать основательнѣе и полнѣе, то факуль-тетъ и на это согласился и опредѣлилъ напечатать диссертацию Ковалев-скаго. Въ журналахъ факультета не было опредѣленія, чтобы магистръ Ковалевскій защищалъ диссертацию, обработанную проф. Шадоу, по-слѣ же защиты было рѣшено, въ присутствіи декана Рейта, профес-сора Шада и адъюнктовъ Павловича и Дудровича, что Ковалевскій достоинъ степени доктора. При этомъ проф. Дегуровъ замѣтилъ, что диссертация магистра Ковалевскаго не всѣми членами факультета была одобрена, ибо профессора Швейкартъ, Лангъ и Успенскій не присут-ствовали и что Ковалевскій экзаменованъ былъ только проф. Шадоу и не экзаменованъ адъюнктомъ Дудровичемъ, преподающимъ логику; въ засѣданіи 22 декабря 1815 г. не было опредѣленія о производствѣ

магистра Ковалевского въ доктора философіи; а въ засѣданіи 5-го января 1816 г., по поводу донесенія профессора Дегурова, поручено было коммисіи сличить диссертацию Ковалевского съ диссертациею Шада прежде написанною. Совѣтъ не обратилъ вниманія на обидныя выраженія магистра Ковалевского о недоброжелательствѣ нѣкоторыхъ профессоровъ къ проф. Шаду, ибо они опровергались изслѣдованіемъ дѣла. Изъ донесенія факультета отъ 21 декабря 1811 г. явствуетъ, что студентъ Ковалевскій, при экзаменѣ на степень кандидата изъ философіи и естественнаго права отвѣчалъ *очень хорошо*; изъ исторіи, статистики и русской словесности *хорошо*; изъ физики, чистой математики и всеобщей исторіи *посредственно*. Магистръ Ковалевскій не состоялъ въ спискѣ студентовъ и какъ студентъ не былъ никогда экзаменованъ. Всѣ эти справки изъ протоколовъ факультета представлены были совѣту исправлявшимъ должность секретаря его проф. Каменскимъ и, по опредѣленію совѣта разсмотрѣны порознь его членами. Въ засѣданіи 5 іюля проф. Рейтъ представилъ замѣчанія на эту справку. Эти замѣчанія сообщены были для разсмотрѣнія членамъ совѣта, съ тѣмъ, чтобы они дали письменное мнѣніе дѣла о Ковалевскомъ, но таковое сообщилъ только профессоръ Книгинъ; въ засѣданіи 12 іюля, большинствомъ голосовъ постановили донести обо всемъ этомъ предварительно попечителю, а потомъ выдать Ковалевскому дипломъ на степень доктора. 18 октября ректоръ представилъ предложеніе попечителя, въ которомъ, вслѣдствіе предписанія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына, предлагалъ пріостановить исполненіе опредѣленія совѣта о выдачѣ Ковалевскому диплома на степень доктора, предоставивъ ему право, на основаніи § 100 устава университета, подвергнуться новому испытанію. О дѣлѣ докторанта Гриневича также разсуждали въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, а 11-го октября большинствомъ голосовъ рѣшено, чтобы онъ сочинилъ и напечаталъ другую диссертацию, а въ засѣданіи 18 октября къ этому опредѣленію прибавлено, чтобы до исполненія его донести объ этомъ попечителю. Наконецъ, въ засѣданіи 22 ноября прочитано было предложеніе попечителя о томъ, чтобы магистру Ковалевскому, сверхъ времени, истекшаго для экзамена, назначить еще годъ для усовершенствованія въ наукахъ, а по прошествіи его, онъ буде пожелаетъ долженъ подвергнуться строгому испытанію, съ соблюденіемъ въ точности устава университета,—равно и о томъ, что если и дѣло Гриневича въ такомъ же положеніи, то и на него распространить это предписаніе. Совѣтъ опредѣлилъ: такъ какъ кандидатъ Гриневичъ находится въ такихъ же условіяхъ, какъ и магистръ Ковалевскій, то по-

ступить и съ нимъ на основаніи предложенія попечителя, о чемъ и сообщено нравственно-политическому факультету. Въ засѣданіи совѣта 5-го января 1816 г. были представлены цензурнымъ комитетомъ замѣчанія проф. Дегурова на книгу, изданную проф. Шадомъ „*De viris illustribus urbis Romae*“. Совѣтъ опредѣлилъ сообщить ихъ проф. Шаду. Въ засѣданіи 3-го марта прочитано было предписаніе министра народнаго просвѣщенія о разсмотрѣніи этой послѣдней книги и представленіи о ней мнѣнія, равно и о томъ, на чемъ основывался совѣтъ при изданіи ея на счетъ университета. Совѣтъ постановилъ донести министру то, что изъ дѣлъ его открылось, именно: проф. Дегуровъ представилъ училищному комитету книгу „*De viris illustribus urbis Romae*“ съ тѣмъ, чтобы она напечатана была для школъ. Комитетъ препроводилъ эту книгу для разсмотрѣнія въ словесный факультетъ; но прежде чѣмъ послѣдовало донесеніе факультета, проф. Шадъ предложилъ совѣту принять на себя изданіе этой книги съ прибавленіемъ примѣчаній, не требуя себѣ за этотъ трудъ никакого вознагражденія. Совѣтъ вслѣдствіе этого поручилъ изданіе ея проф. Шаду, основываясь на предписаніи министра народнаго просвѣщенія отъ 22 іюня 1811 г., которымъ позволялось печатаніе на счетъ университета латинскихъ классиковъ, какъ-то,—Юлія Цезаря, Саллюстія, Виргилія, Корнелія Непота и проч. Донесеніе цензурнаго комитета постановлено было сообщить членамъ совѣта для разсмотрѣнія. Но въ слѣдующихъ засѣданіяхъ не было сужденія объ этомъ предметѣ и когда получено было предложеніе попечителя относительно доставленія свѣдѣнія объ этой книгѣ, то въ засѣданіи 22 ноября положено сдѣлать справку объ этомъ изъ дѣлъ совѣта. Но была ли въ совѣтѣ разсматриваема эта справка, изъ журналовъ не видно, а только въ журналѣ 13-го декабря упоминается, что секретаремъ совѣта читано и одобрено было донесеніе попечителю о книгѣ „*De viris illustribus urbis Romae*“, изданной профессоромъ Шадомъ. Изъ дѣлъ же правленія открылось, что имъ получено было предписаніе министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го января 1816 года, въ которомъ онъ давалъ знать, что находитъ нужнымъ видѣть до выхода въ свѣтъ издаваемую проф. Шадомъ книгу *L'Honorable De viris illustribus urbis Romae* и предлагалъ университету съ первою почтою доставить ему по экземпляру каждого напечатаннаго листа, и если еще не вся книга вышла изъ печати, то также прислать и неотпечатанную часть рукописи, самое же печатаніе остановить и отпечатанныхъ листовъ никому не выдавать. Вслѣдствіе этого по журналу правленія 17 февраля 1816 г. положено: донести министру народнаго просвѣщенія, что эта книга совсѣмъ уже отпечатана, но по причинѣ

протеста против нея проф. Дегурова (о чемъ совѣтъ университета имѣлъ свое сужденіе) въ свѣтъ еще не выходила; по требованію же департамента министерства народнаго просвѣщенія два экземпляра ея были отправлены въ Петербургъ, а одинъ отосланъ къ попечителю. Что касается до изданнаго профессоромъ Шадамъ „Естественнаго права“, то до полученія предписанія объ удаленіи проф. Шада въ дѣлахъ совѣта упоминалось о немъ только въ засѣданіи 5-го апрѣля, а именно читалось предложеніе попечителя и замѣчанія министра народнаго просвѣщенія на эту книгу. Тогда же было рѣшено — копію замѣчаній министра сообщить въ училищный комитетъ и проф. Шаду, которому внушить, чтобы исполнилъ предписаніе начальства.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ходъ дѣла о дарованіи ученыхъ степеней Гриневичу и Ковалевскому. Но мы должны теперь остановиться подробнѣе на самомъ существенномъ вопросѣ: дѣйствительно ли диссертациі ихъ были списаны съ лекцій и сочиненій Шада. Разрѣшеніе этого вопроса, какъ мы видѣли, было поручено особой комиссіи изъ четырехъ профессоровъ — и вотъ ея отчетъ, сохранившейся въ подлинныхъ протоколахъ совѣта за 1816 г. ¹⁾. Относительно диссертациі Гриневича она пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Весь 1-й § текста лекцій Шада, записанныхъ Сорочинскимъ и Колядинымъ, исключая перваго періода, содержится дословно во 2-мъ параграфѣ диссертациі Гриневича, съ незначительнымъ измѣненіемъ словъ. 3-й и 4-й §§ диссертациі съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ порядкѣ словъ, исключая одного предложенія, совершенно сходны со 2-мъ § обоихъ рукописей; только конецъ 2-го § рукописи Колядина выраженъ иначе. 3-й § обоихъ рукописей, съ незначительными измѣненіями словъ, содержится въ 5-мъ и 6-мъ § диссертациі. 7, 8, 9, 10 и 11-й §§ диссертациі соответствуютъ, за исключеніемъ двухъ предложеній, 4, 5, 6, 7 и 8 §§ записокъ. 12, 13 и 14 §§ диссертациі, исключая одного періода, сходны съ 9, 10 и 11 §§ записокъ Колядина, въ которыхъ иными словами выражено только начало текста. 15-й § диссертациі буквально сходенъ съ 12-мъ § рукописи Сорочинскаго и съ 10 § рукописи Колядина, исключая нѣкоторыхъ выраженій, не мѣняющихъ однако смысла. 16-й § диссертациі, исключая конца, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ, содержится въ 13 § рукописи Сорочинскаго и въ началѣ 11-го § рукописи Колядина. 17, 18, 19, 20, 21 §§ диссертациі сходны съ 14, 15, 16, 17 и 18 §§ рукописи Сорочинскаго и 11 § записокъ Колядина. 22, 23, 24, 25 и 26 §§ диссертациі содержатся въ 19, 20, 21, 22 и 23 §§ записокъ Сорочинскаго и 12, 13, 14 и началѣ 15 рукописи Колядина. Хо-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. *Diaria senatus academici 1816, sessio 22 Januarii.*

тя въ 22, 25 и 26 §§ диссертациі и находятся нѣкоторые періоды, которые отличаются отъ записокъ, но смыслъ одинаковый. 28, 39 §§ соотвѣтствуютъ, исключая нѣкоторыхъ измѣненій и прибавленій 16, 17 и 18 §§ рукописи Колядина. Далѣе прерываются обѣ рукописи.

Сравнивъ диссертацию Ковалевскаго съ сочиненіемъ Шада, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ. 1, 2, 3 и 4-й §§ диссертациі Ковалевскаго содержатся буквально въ 1, 2, 3, 4 и 5 §§ изслѣдованія Шада; съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ серединѣ послѣдняго; 5-й § диссертациі Ковалевскаго соотвѣтствуетъ 6-му и 7-му §§ сочиненія Шада; только начало 6-го § измѣнено и выпущено нѣсколько періодовъ изъ 7-го §. 6-й § диссертациі Ковалевскаго совершенно сходенъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, съ 8, 9 и 10 §§ сочиненія Шада; только начало 9-го и вторая половина 10-го § не найдены въ немъ. 7 и 8 §§ диссертациі Ковалевскаго соотвѣтствуютъ 11 и 12 §§ монографіи Шада, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ концѣ 12 § въ языкѣ, но не смыслѣ. 9 и 10-й §§ диссертациі Ковалевскаго сходны съ 13 и 14 §§ книги Шада, но есть и такіе періоды, какихъ нѣтъ въ послѣдней; съ другой стороны не имѣется конца 15-го §. Начало 11-го § диссертациі Ковалевскаго можетъ быть сопоставлено съ началомъ 16-го § сочиненія Шада; средней части этого § не найдено, но конецъ его дословно содержится въ 17 §, исключая перваго періода. Въ книгѣ проф. Шада комиссія не могла найти 12 § диссертациі Ковалевскаго. 13-й § этой послѣдней содержится, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ, въ первой половинѣ 97 § сочиненія проф. Шада; то же нужно сказать о 15-мъ §, который соотвѣтствуетъ 98 §; 16-й § содержится въ 99 и 105 §§ книги Шада; двухъ послѣднихъ параграфовъ комиссія не могла найти. Изъ всего этого видно, что оба эти сочиненія въ сущности одно и то же, съ тою только разницею, что книга проф. Шада гораздо обширнѣе.

Итакъ, комиссія произвела детальное сравненіе диссертаций Гриневича и Ковалевскаго съ лекціями проф. Шада и его печатнымъ сочиненіемъ и пришла къ убѣжденію, что они послужили почти единственнымъ перво-источникомъ для авторовъ не только въ смыслѣ содержанія, но даже изложенія; заимствованы были не однѣ мысли, а и фразы, слова; правда въ диссертацияхъ оказалось и кое-что оригинальное, но его было немного; латинскій языкъ обѣихъ диссертаций былъ на столько удовлетворителенъ, что не могъ, по мнѣнію комиссіи, принадлежать юнымъ авторамъ, недавно оставившимъ студенческую скамью. Изъ всего доклада комиссіи самъ собою напрашивается выводъ, котораго она изъ деликатности не сдѣлала, что проф. Шадъ прекрасно зналъ, что диссертациі эти представляютъ почти буквальное переложеніе его лекцій и печатнаго сочиненія.

III.

Об'ясненія Ковалевскаго и проф. Шада относительно докторскихъ промоцій.

Магистръ Харьковскаго университета Петръ Андреевичъ Ковалевскій, сынъ мѣстнаго помѣщика, обратился съ жалобою на незаконныя дѣйствія совѣта къ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому и въ своемъ прошеніи писалъ. „Оказываемая мнѣ совѣтомъ несправедливость заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему сіятельству; приѣмлю дерзновеніе обратить начальническое вниманіе ваше на слѣдующія обстоятельства. Получивъ магистерскій дипломъ 27 мая 1814 г., продолжая слушать публичныя и приватныя лекціи у профессоровъ этико-политическаго отдѣленія и неуспыно упражняться по этой части и будучи подвинутъ примѣрами многихъ своихъ товарищей, я, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, просилъ въ 1815 г. 28 іюля университетъ о допущеніи меня къ докторскому экзамену. Вслѣдствіе этой просьбы и согласно опредѣленію факультета, я, выдержавъ всѣ уставомъ предписанныя испытанія, представилъ 15 октября диссертацию „*De libertate mentis humanae*“, которая и одобрена была факультетомъ. Но при чтеніи ея профессоръ философіи Шадъ нашелъ избранную мною тему столь важной и близкой къ главнѣйшему предмету его ученія, что рѣшился лично обработать мою диссертацию, чтобы дать ей такой объемъ, который могъ бы вмѣстить всю его систему. Онъ объявилъ объ этомъ въ засѣданіи факультета и, получивъ официально согласіе своихъ сочленовъ, занялся этимъ трудомъ. Въ половинѣ ноябрю мѣсяца эта диссертация, вновь обработанная уже соотвѣтственно глубокимъ знаніямъ и многолѣтнему упражненію профессора, изъ 17-ти страницъ распространена до 112-ти, отдана имъ въ печать съ предисловіемъ, въ которомъ проф. Шадъ объясняетъ и ея происхожденіе. Послѣ напечатанія ея 17 декабря, по желанію проф. Шада и всего факультета, я защищалъ эту диссертацию въ новомъ ея видѣ. Сверхъ того я счелъ долгомъ отдать въ печать и свою собственную, какъ одобренную факультетомъ. Въ этомъ не могъ я видѣть ничего предосудительнаго, такъ какъ содержаніе обѣихъ было одно и тоже: но я подношу при этомъ вашему сіятельству оба эти изданія.

По окончаніи публичной защиты, представленъ я былъ факультетомъ къ полученію докторскаго диплома и въ засѣданіи полнаго совѣта, именно 22 декабря единогласно утвержденъ въ званіи доктора, о чемъ свидѣтельствуетъ подписанный всѣми профессорами протоколъ.

Но въ засѣданіи совѣта отъ 5 января настоящаго года проф. Дегуровъ, по неизвѣстнымъ мнѣ личнымъ его побужденіямъ, предложилъ пріостановить выдачу мнѣ диплома, утверждая, якобы моя диссертація есть ничто иное, какъ выписка съ Шадовой, и доказывая это сходствомъ обоихъ первыхъ параграфовъ и позднѣйшимъ напечатаніемъ моей собственной. Ваше сіятельство изволите видѣть изъ вышепредставленнаго,—и это все актами можетъ быть засвидѣтельствовано—сколь безосновательно такое предложеніе Дегурова. Оно однакоже по извѣстному здѣсь въ Харьковѣ недоброжелательству нѣкоторыхъ гг. профессоровъ къ пр. Шаду уважено. Между тѣмъ съ теченіемъ времени все это дѣло отъ личностей и ссоръ запуталось до послѣдней степени и нѣтъ кажется другого средства разрѣшить его, какъ собственнымъ разсмотрѣніемъ вашего сіятельства. Въ виду этого съ глубокимъ чувствомъ обиды, оказываемой достойнѣйшему моему наставнику въ философіи и мнѣ лично, осмѣливаюсь представить нижеслѣдующія доказательства, могущія убѣдить васъ, милостивый государь, что я не недостойнъ просимой и уже назначенной мнѣ степени.

Послѣ домашняго ученія, приличнаго моей фамиліи и ея достоинству, отданъ я былъ родителемъ моимъ въ 1800 г. въ пансіонъ, славившійся тогда въ здѣшнихъ губерніяхъ и извѣстный даже Государю Императору, отца протоіерея Василя Фотіева, у котораго я былъ не изъ послѣднихъ учениковъ. Въ 1802 г. поступилъ я въ Харьковское главное народное училище, въ которомъ получилъ два одобрительные листа, а о нахожденіи моемъ въ гимназій свидѣтельствуешь прилагаемый при семъ аттестатъ. Въ 1807 году опредѣлился я въ пансіонъ Императорскаго Московскаго университета, гдѣ произведенъ въ студенты, и на это имѣю аттестатъ отъ Московскаго университета. Съ 1809 года въ качествѣ студента Харьковскаго университета слушалъ лекціи у разныхъ профессоровъ. Въ 1812 году по испытанію въ силу устава произведенъ въ кандидаты. Въ 1814 г., какъ ваше сіятельство изволили выше видѣть, произведенъ въ магистры и противъ обоихъ производствъ ни отъ кого никакихъ возраженій не было. Лѣшусь, милостивый государь, что ваше сіятельство почтете неестественнымъ, чтобы всѣ эти свидѣтельства были ложны. Цѣлый рядъ ихъ по крайней мѣрѣ можетъ сдѣлать сомнительнымъ обидное для меня предположеніе проф. Дегурова, у котораго (признаю вину мою) я лекцій не слушалъ. Остальную часть моего оправданія вслѣдствіе долгаго моего уваженія къ Императорскому Университету, которому я принадлежу, долженъ я представить собственной провицательности Вашего Сіятельства и Вашей всѣмъ извѣстной справедливости“. 15-го февраля 1816 г.

Удаленіе профессора Шада изъ Харьковского университета.

Д. И. Багалъя.

(Продолженіе).

Съ своей стороны и Шадъ также обратился въ министерство съ жалобою на Дегурова и съ разъясненіями по дѣлу о диссертацияхъ.

„Дѣла университета, писалъ онъ министру, приняли съ нѣкотораго времени противное существующимъ правиламъ направленіе, благодаря безпорядкамъ, производимымъ проф. Дегуровымъ. Онъ своими каверзами довель въ совѣтъ дѣло до того, что голоса лицъ, настаивающихъ на соблюденіи постановленій, вовсе не принимаются во вниманіе. По этому случаю я объяснилъ совѣту, что въ такомъ непріятномъ положеніи буду вынужденъ отнестись къ вашему сіятельству и до тѣхъ поръ не буду засѣдать въ совѣтъ, пока не будутъ выполнены требованія устава, съ намѣреніемъ нарушенныя. Такимъ образомъ, чтобы избѣжать отвѣтственности, я въ трехъ засѣданіяхъ представлялъ совѣту въ силу 55 § устава свое особое мнѣніе, прося внести его въ протоколъ, но тщетно. Слѣдовательно, для защиты невинности своей мнѣ не остается иного средства, какъ избѣгать собранія, въ которомъ продолжаются еще противозаконія, до тѣхъ поръ пока властію вашего сіятельства не возстановится прежній порядокъ и законныя постановленія не возымѣютъ своего дѣйствія. Двѣ причины побуждаютъ проф. Дегурова все привести въ разстройство; первая касается моей книги „De viris illustribus urbis Romae“. При этомъ имѣю честь представить вашему сіятельству свое оправданіе (приложеніе 1-е) противъ доноса проф. Дегурова; въ немъ я доказываю двѣ вещи, во-первыхъ, что доносъ этотъ по разнымъ видамъ несправедливъ, а во-вторыхъ, что заключается въ немъ множество такихъ доказательствъ, которыя показываютъ невѣжество этого профессора. По этому осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство, какъ опороченную мою книгу, такъ и самое возраженіе мое предложить всему ученому свѣту, въ твердой надеждѣ, что то и другое будутъ приняты съ отличнымъ одобреніемъ.

Вторая причина, почему проф. Дегуровъ старается возбудить только раздоръ въ университетѣ къ неудовольствію цѣлаго города Харькова, заключается въ томъ, что двое молодыхъ людей съ отличными способностями изъ этико-политическаго факультета, по выдержаніи надлежащихъ испытаній, статутомъ предписанныхъ, заслуживъ всеобщее одобреніе, признаны достойными докторской степени. Первый изъ этихъ молодыхъ людей — Петръ Ковалевскій, который въ

1809 г., окончивъ курсъ ученія своего въ Московскомъ университетѣ, проживалъ до сихъ поръ на собственномъ иждивеніи въ Харьковѣ и въ продолженіи этого прѣмѣи занимался съ большимъ прилежаніемъ юридическими, политическими, философскими и филологическими науками съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ своему отечеству.

Другой молодой человѣкъ—Илья Гриневичъ, который въ продолженіе пятилѣтняго ученія своего въ Харьковскомъ университетѣ проходилъ лекціи всѣхъ факультетовъ, не исключая и медицинскаго, для приобрѣтенія всеобщаго понятія о всѣхъ наукахъ. Но главный его предметъ составляли философія и латинская словесность. Когда оба они съ полнымъ одобреніемъ выдержали диспутъ, то этико-политическій факультетъ призналъ ихъ достойными докторской степени. Определеніе это предложено совѣту чрезъ декана проф. Рейта 22 декабря 1815 года. Въ этомъ засѣданіи возсталъ проф. Дегуровъ, утверждая, что диссертация Гриневича вся будто бы выписана изъ моихъ манускриптовъ, диктованныхъ мною студентамъ, и настаивалъ при этомъ на назначеніи особенной комиссіи для изслѣдованія этого дѣла. Большая часть профессоровъ, будучи настроена профессоромъ Дегуровымъ, опредѣлила выдачу диплома Гриневича приостановить, пока дѣло это не будетъ изслѣдовано комиссіею и представлено совѣту; Петру же Ковалевскому выдать дипломъ на докторское званіе.

Члены этой комиссіи открыли первое засѣданіе свое 23 декабря совѣмъ противозаконно; ибо, гдѣ есть хотя нѣкоторое понятіе о правѣ, вездѣ для членовъ комиссіи обязательны два непрѣмѣнные условія, а именно: никакой членъ комиссіи не можетъ прежде приступить къ дѣлу, пока не будетъ ему на то дано полномочіе, коимъ и власть его опредѣляется, 2-е, что никакой членъ комиссіи не можетъ преступить границъ даннаго ему полномочія. Но члены настоящей комиссіи оба эти общепринятые правила нарушили уже первымъ своимъ засѣданіемъ. Они открыли тотчасъ, 23 числа, свое присутствіе, не дождавшись экстракта съ опредѣленія совѣта, которое въ качествѣ полномочія надлежало для нихъ изготовить секретарю; а во-вторыхъ, по возмущенію проф. Дегурова, они преступили свое полномочіе, входя въ дѣло, до нихъ вовсе не принадлежащее. Совѣтъ постановилъ выдать Петру Ковалевскому безъ дальняго отлагательства докторскій дипломъ. Дегуровъ же, не смотря на сдѣланное университетскимъ совѣтомъ опредѣленіе, въ первое засѣданіе комиссіи настоялъ на томъ, чтобы приостановились также и съ выдачею диплома Ковалевскому, сдѣлавъ при этомъ ложное донесеніе. Такимъ образомъ, комиссія, исполнивъ требованіе Дегурова, нарушила своевольнымъ образомъ опредѣленія совѣта, вопреки своего долга, обязанности и права.

Узнавъ все это отъ секретаря комиссіи, адъюкта Коилипинскаго, я подалъ ректору прошеніе, прилагаемое подъ № II, и когда ректоръ не хотѣлъ удовлетворить справедливой и законной моей просьбы, то подалъ я 12 января приложенную здѣсь подъ № III новую просьбу въ совѣтъ. Но тутъ профессора—Дегуровъ, Каменскій, Шумлянскій и Успенскій подняли шумъ и не принимали отъ меня никакого ни словеснаго, ни письменнаго объясненія. Наконецъ, когда я сослался на законъ, по которому должно было меня выслушать, то кончилось тѣмъ, что было прекращено засѣданіе. Не слушали также и профессора Рейта, когда онъ актами факультета думалъ доказать несправедливость донесенія профессора Дегурова. Въ послѣднемъ засѣданіи 17 января я снова покушался обратиться къ тѣмъ, которые дѣйствовали противозаконно и снова подалъ прошеніе, прилагаемое подъ № IV, и снова сослался на уставъ, 55-мъ параграфомъ коего предписано: „если кто противнаго мнѣнія, тотъ можетъ письменно объяснить его за своею подписью. Мнѣніе это внесется въ журналъ, и за силою сего, тотъ уже не будетъ подлежать отвѣтственности въ общемъ опредѣленіи“. Но никакимъ образомъ не могъ я успѣть въ томъ, чтобы письменное мнѣніе мое было внесено въ протоколъ. Я просилъ наконецъ, чтобы по крайней мѣрѣ внесли въ протоколъ тотъ фактъ, что 12 января прекращено было засѣданіе единственно потому, что не хотѣли меня выслушать. Но вопреки этому положили ни о чемъ этомъ не упоминать. Видя, такимъ образомъ, что профессоръ Дегуровъ успѣлъ большую часть профессоровъ склонить къ противозаконному дѣйствію, чтобы только съ своей стороны успѣть въ ложномъ и несправедливомъ доносѣ, послалъ я 9 февраля приложенную здѣсь подъ № V бумагу въ совѣтъ, въ которой изъяснялъ, что до тѣхъ поръ не могу присутствовать въ совѣтѣ, пока не будутъ выполнены постановленія, съ намѣреніемъ нарушенныя, ибо когда при такихъ обстоятельствахъ мнѣ не позволено внести въ журналъ своего мнѣнія, то опасаясь, чтобы при изслѣдованіи этого противозаконнаго дѣйствія не подпасть вмѣстѣ съ виновными подъ отвѣтственность, такъ какъ тогда не въ состояніи буду доказать справедливости своего дѣла. По этимъ причинамъ вынужденъ всепокорнѣйше просить ваше сіятельство объ увольненіи меня временно отъ присутствія въ совѣтѣ, пока не возстановится прежній порядокъ и не будетъ болѣе опасности подлежать отвѣтственности въ чужихъ дѣлахъ.

Весь доносъ профессора Дегурова противъ тѣхъ двухъ молодыхъ людей, которыхъ этико-политическій факультетъ призналъ достойными докторскаго званія, столь же неоснователенъ, сколько и несправедливъ. Онъ обвиняетъ Петра Ковалевскаго, будто-бы тотъ свою диссертацию „*De libertate mentis humanae*“ списалъ съ моей. Но что обвиненіе это со-

вершенно ложно, явствуетъ изъ предисловія моей диссертациі и изъ самихъ актовъ факультета. Петръ Ковалевскій подалъ мнѣ 12 октября 1815 г. свою диссертацию для пересмотра. Я нашелъ, что тема ея обработана столь хорошо, что мнѣ въ этомъ отношеніи не оставалось сдѣлать никакой перемѣны, а только измѣнить слогъ; такъ какъ диссертациа была сочинена на латинскомъ языкѣ и должна была появиться въ печати, то сдѣланы были мною нужныя поправки, ибо наблюденіе за правильностью языка не относится къ цензурному комитету. Послѣ этого П. Ковалевскій представилъ свою диссертацию декану факультета, который сообщилъ ее 15-го октября другимъ членамъ факультета, коими она и была одобрена. Но какъ тема эта—о *свободѣ воли чело-веческой*,—чрезвычайно важна и еще не однимъ философомъ, кажется, не была обработана такъ, чтобы не подлежала болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, то предложилъ я исьменно совѣту сочиненную Ковалевскимъ диссертацию и факультетомъ одобренную далѣе распространить и пояснить со всѣхъ сторонъ. Принятіе столь общепользнаго труда было мнѣ не только позволено факультетомъ, но еще и съ похвалою принято. Изъ всѣхъ этихъ дѣлъ, которыя находятся въ протоколахъ факультета, равно какъ и изъ самаго предисловія диссертациі, явствуетъ, что весь доносъ профессора Дегурова ложенъ, несправедливъ и, слѣдовательно, неоснователенъ.

Что же касается до диссертациі Гриневича, то хотя онъ и многое заимствовалъ изъ моихъ манускриптовъ, продиктованныхъ мною въ теченіе шести лѣтъ студентамъ, однако много также присовокупилъ и изъ собственныхъ своихъ идей и познаній, особенно что касается до разрѣшенія главнаго предложенія. Студенты философіи не имѣютъ другихъ источниковъ и пособій, кромѣ моихъ манускриптовъ и моихъ книгъ. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они составляли собственныя системы; довольно, если они искуснымъ образомъ успѣютъ пользоваться моими манускриптами и книгами и защищать публично съ похвалою основанія моей философіи. Въ нѣмецкихъ университетахъ диссертациі пишутся болѣею частью самими профессорами, а отъ студентовъ требуется только, чтобы они умѣли ихъ на публичныхъ диспутахъ надлежащимъ образомъ защищать, слѣдовательно, доносъ профессора Дегурова и противъ г. Гриневича неоснователенъ, ложенъ и вовсе несправедливъ. Впрочемъ Гриневичъ одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, какого мы когда либо въ университетѣ имѣли, и онъ можетъ съ честью выдержать экзаменъ на докторское званіе во всякомъ университетѣ.

Въ заключеніе приѣмлю смѣлость представить вашему сіятельству рѣчь, которую я сказалъ 25 декабря минувшаго года, съ полнымъ одобреніемъ всѣхъ ученыхъ и благомыслящихъ людей, но за которую

профессоръ Делявинъ оскорбилъ меня при всемъ открытомъ собраніи и которую ректоръ, не смотря на просьбу мою, не хотѣлъ позволить напечатать иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я выкинулъ мѣста, въ которыхъ говорю о французахъ.

Эта самая рѣчь была одобрена цѣлымъ факультетомъ, слѣдовательно, въ силу устава, не подлежала уже дальнѣйшей цензурѣ. При этомъ имѣю честь представить два экземпляра ея—одинъ, подписанный членами факультета и мною читанный въ собраніи, другой, гдѣ я ту же самую тему распространилъ далѣе, и наконецъ русскій переводъ ея. Осмѣливаясь всепокорнѣйше просить удостоить рѣчь эту собственнымъ вашего сіятельства изслѣдованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ее на разсмотрѣніе другимъ. А такъ какъ рѣчь эта заключаетъ въ себѣ разсужденіе о религіи, то можетъ быть не худо было бы представить ее на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Преисполненъ будучи надежды на правосудіе вашего сіятельства, ожидаю отвѣта на вопросы, мною указанные. Я уже предувѣренъ, что ваше сіятельство ни подъ какимъ видомъ не одобрите безпорядковъ, произведенныхъ въ университетѣ профессоромъ Дегуровымъ“.

Какъ отнестись къ этимъ объясненіямъ Ковалевскаго и Шада? Подрываютъ ли они сущность заключеній комиссіи?

Формальныя возраженія проф. Шада противъ законности дѣйствій комиссіи не имѣютъ значенія, тѣмъ болѣе что они опровергаются подлинными протоколами совѣта. Пересмотрѣвъ ихъ, мы убѣдились, что законное полномочіе на сличеніе диссертациі Ковалевскаго съ книгою проф. Шада комиссія получила въ засѣданіи совѣта 5 января 1816 года, причемъ въ засѣданіи этомъ присутствовалъ и проф. Шадъ, скрѣпившій сюею подписью протоколъ. Но заслуживаютъ вниманія тѣ разъясненія Шада, которые касаются существа дѣла, и въ особенности его свидѣтельство, что онъ переработалъ диссертацию Ковалевскаго съ научными цѣлями съ одобренія факультета; интересно также его признаніе, что Гриневичъ дѣйствительно широко воспользовался его лекціями, но что не только русскіе, а и заграничные студенты обыкновенно писали свои диссертациі при непосредственной помощи и содѣйствіи профессоровъ. Если принять эти объясненія, то они устранить, быть можетъ, дурные или своекорыстные мотивы въ этомъ дѣлѣ Шада, хотя возможность этихъ послѣднихъ зиждется еще и на другихъ аналогичныхъ фактахъ, приведенныхъ нами въ 1-мъ томѣ „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ (587—589 стр.). Но необходимо также принять во вниманіе при этихъ обвиненіяхъ, что противъ Шада давно уже существовала страшная ненависть со стороны многихъ членовъ совѣта и въ особенности со стороны профессоровъ французскаго происхожденія—

Дегурова, Делявина, Паки-де-Савиньи за его рыаное галлюфобство; припомним также его ожесточенную борьбу со Стойковичемъ и всевозможные подкобы противъ него этого послѣдняго въ дѣлѣ докторской промоціи Хлапонина. Атмосфера всего совѣта была до такой степени насыщена враждою и ненавистью, что на этой почвѣ должны были зародиться обвиненія, подобныя разбираемому нынѣ.

IV.

Обвиненія, направленныя противъ сочиненій Шада „De viris illustribus urbis Romae“ и „Institutiones“.

Мы видѣли уже, что проф. Шаду пришлось защищать въ совѣтѣ не только диссертациі учениковъ, но и свои собственные труды. Остановимся теперь подробнѣе на ходѣ этого дѣла, пользуясь подлинными совѣтскими протоколами.

Въ засѣданіи 5-го января 1816 г. былъ заслушанъ отзывъ цензурнаго комитета о книгѣ Шада „De viris illustribus urbis Romae“. Вотъ подлинный текстъ его, сохранившійся въ „дѣлѣ о Шадѣ“. 22 ноября 1815 г. деканъ правленія и членъ цензурнаго комитета профессоръ Дегуровъ запросилъ, было ли представлено въ цензурный комитетъ профессоромъ Шадомъ предисловіе и посвященіе къ изданной по порученію совѣта классной книгѣ подъ названіемъ: „*De viris illustribus Romae*“; и такъ какъ по справкѣ въ этотъ комитетъ оказалось, что они туда не были представлены, то онъ объявилъ, что протестуетъ противъ выпуска этой книги.

Ноября же 29 этотъ профессоръ въ присутствіи цензурнаго комитета заявилъ, что прочитавши изданное профессоромъ Шадомъ сочиненіе *Домона* подъ названіемъ: „*De viris illustribus Romae*“ (о знаменитыхъ мужахъ Рима) онъ нашелъ 1) что предисловіе къ нему представляетъ много такихъ мѣстъ, кои, по его мнѣнію, не могутъ быть напечатаны съ одобренія университета и что оно содержитъ притомъ обидное замѣчаніе на счетъ сочинителя, который родился въ 1718 году, умеръ въ 1794 г. и издалъ это небольшое собраніе исторій назадъ тому 40 лѣтъ, а потому и не могъ никакъ имѣть намѣренія хвалить военную систему Наполеона.

2) что между прибавленіями, сдѣланными профессоромъ Шадомъ, есть такія, кои никакъ не могутъ имѣть мѣста въ книгѣ, предназначенной для юношества. Такъ, напримѣръ, *Домонъ* говоритъ: *Rea Silvia Remum et Romulum uno partu edidit*. Профессоръ Шадъ прибавляетъ: *complexu Martis*, и въ примѣчаніи на это мѣсто возвращается къ тому

же понятію: *fabula conficta est Martem amplexu suo eam Romuli et Remi matrem efficisse.*

На ту же статью есть еще третье замѣчаніе, въ которомъ говорится: *Acca Laurentia propter quaestum corporis a vicinis Lupa appellata est unde ad nostram usque aetatem meretricum cellulae lupanaria vocantur.*

Ломонъ рассказываетъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію Лукреціи: *Sextus Lucretiae vim intulit.* Профессоръ Шадъ, написавши эти слова Ломона, прибавляетъ: *res autem ita contigit;* за симъ слѣдуетъ повѣствованіе Тита Ливія, въ которомъ находится слѣдующее выраженіе: *vestigia viri alieni, Collatine, in lecto sunt tuo.*

Въ статьѣ о Виргиніи, которая у Ломона не заключаетъ въ себѣ двухъ маленькихъ страницъ, профессоръ Шадъ привелъ отъ 9 до 10 большихъ страницъ изъ Тита Ливія, гдѣ между прочими выраженіями, кои трудно объяснить дѣтямъ, находятся слѣдующія слова: *non ad stuprum educavi filiam, placet ne pecudum ferarumque ritu in coitum ruere;* на страницѣ 91 находится политическое замѣчаніе, состоящее въ слѣдующемъ: кто въ этомъ мѣстѣ не вообразитъ себѣ Наполеона и народъ французскій? Въ нашемъ вѣкѣ недичайшее вѣроломство справедливо можетъ называться вѣроломствомъ французскимъ.

3) Къ этому профессоръ Дегуровъ присовокупилъ, что цѣль, съ которою онъ предложилъ словесному отдѣленію напечатать небольшую книжку Ломона, невыполнена. Онъ хотѣлъ доставить для четвертаго класса гимназіи собраніе исторій, приличное возрасту дѣтей, его досѣдающихъ, съ тѣмъ чтобы можно было продавать эту книжку по 40 или 30 к.; но маленькая Ломонова книжка въ 24 долю листа, не заключающая въ себѣ можетъ быть 5-ти печатныхъ листовъ, оказывается превращенною въ книгу, въ которой 18 листовъ; причина же этого заключается: а) въ прибавленіи многихъ мѣстъ изъ Тита Ливія отъ 1 до 10 страницъ, съ цѣлью растянуть повѣствованія Ломона; б) въ прибавленіи 7 страницъ, взятыхъ изъ Саллюстія и помещенныхъ въ жизнеописаніи Циперона и въ другихъ прибавкахъ того же рода; в) наконецъ въ безполезномъ умножающемъ только цѣну книги прибавленіи біографіи Аттики изъ Корнеліи Непота, занимающей 20 страницъ и въ прошломъ году напечатанной уже университетомъ въ Корнеліи Непотѣ.

4) Сверхъ того профессоръ Дегуровъ предложилъ: а) рѣшить, должно ли имя Ломона находиться въ заглавіи книги; б) прилично ли, чтобы книга, напечатанная по опредѣленію университетскаго совѣта и по общему одобренію, была посвящена министру народнаго просвѣщенія только отъ имени того лица, которому было поручено наблюденіе надъ изданіемъ ея?

Цензурный комитетъ нашелъ замѣчанія профессора Дегурова справедливыми; но такъ какъ назначеніе книгъ для употребленія въ поднѣдомственныхъ университету училищахъ зависитъ отъ совѣта, то обо всемъ этомъ рѣшено представить этому послѣднему. Совѣтъ постановилъ сообщить эти замѣчанія проф. Шаду.

Въ засѣданіи 5 апрѣля 1816 г. въ совѣтѣ была сообщена бумага министра народнаго просвѣщенія, въ которой было подвергнуто разбору съ цензурной точки зрѣнія другое сочиненіе Шада „*Institutiones juris naturae*“. Бумага эта 15-го марта отправлена была попечителю, а этимъ послѣднимъ сообщена совѣту. Вотъ ея подлинный текстъ. „Профессоромъ Харьковскаго университета Шадомъ для употребленія учащимися издана книга подъ заглавіемъ „*Institutiones juris naturae*“. Книга эта по слогу своему уже неудобна къ употребленію какъ учебная книга для русскаго юношества. Учебныя книги, коими руководствуются въ дѣлѣ преподаванія, должны быть сколь возможно просты, кратки и ясны; упомянутое же сочиненіе слишкомъ пространно и во многихъ мѣстахъ весьма не ясно. Въ немъ помѣщены разныя постороннія разсужденія, совсѣмъ не входяція въ составъ такой учебной книги, какъ то—длиныя объясненія предложенной авторомъ системы и опроверженіе возраженій противниковъ (напр. § 18—21, § 31 и слѣд. § 71 и мн. др.); часто повторяемые намеки на новѣйшія политическія происшествія и на извѣстныя лица (напр. стр. 36, 170 и сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ на стр. 218—232); длинныя отрывки не только изъ древнихъ, но и изъ новѣйшихъ авторовъ (стр. 27, 232 и слѣд., стр. 221 и слѣд. 280) и даже изъ поэтовъ (стр. 160, 161). Сверхъ того находится въ этой книгѣ довольно отвлеченныхъ темныхъ мыслей и объясненій (напр. § 2, 18, стр. 68, 69 и 83, разсматриваніе права и наказанія по категоріямъ § 22, стр. 101, 131—мѣста неудобопонятныя для нашего юношества). Авторъ придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи и въ особенности послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ правилахъ системѣ Шеллинга; а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ руссіянъ. Кромѣ того находятся разныя мѣста, въ которыхъ авторъ разсуждаетъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ мысли свои не съ тою скромностью, которая нужна въ учебной книгѣ. Въ его сочиненіи приводятся мѣста совсѣмъ не сообразныя съ коренными въ нашемъ государствѣ понятіями: о государственной власти (стр. 175 и 345), о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами (167, 168) и весьма неприличныя упреки существующихъ въ Россіи учреждений

(стр. 183, 302). Объясненіе правилъ о супружескомъ союзѣ (283 и слѣд.) по справедливости можетъ быть сочтено противнымъ правамъ. Хотя правила астора и могли бы быть оправдываемы, какъ сами по себѣ не противны добродѣтели, но въ томъ видѣ, какъ имъ изложены, они не приличны въ писанномъ для юношества сочиненіи (institutions). Они могутъ подавать поводъ къ соблазнамъ и даже къ порчѣ нравовъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ покорно прошу ваше сіятельство, по рассмотрѣніи этой книги, предписать Харьковскому университету, чтобы она не была употребляема въ дѣлѣ преподаванія; на будущее же время подтвердить, чтобы всѣ книги, назначаемыя для преподаванія до напечатанія разсматриваемы были совѣтомъ либо составленной нарочно для этого особой комиссіей, ибо одной цензуры для такихъ книгъ не достаточно“. Совѣтъ постановилъ объ изложенномъ довести до свѣдѣнія училищнаго комитета и проф. Шада (послѣднего не было въ засѣданіи).

Итакъ, проф. Дегуровъ открыто выступилъ противъ сочиненія Шада „De viris illustribus“ и призналъ его неподходящимъ и соблазнительнымъ для русскаго юношества—цензурный комитетъ только согласился съ его мнѣніемъ. Не мѣшаетъ вспомнить при этомъ однако, что онъ самъ первоначально хотѣлъ издать это сочиненіе Ломона и былъ сильно раздраженъ на Шада, который сталъ ему поперегъ дороги въ этомъ предпріятіи. Изданіе Шада вышло гораздо полнѣе оригинала и эту полноту Дегуровъ и поставилъ ему въ вину. Но особенно Дегуровъ былъ, очевидно, возмущенъ рѣзкими выходками Шада противъ французовъ въ предисловіи къ этой книгѣ и въ актовой рѣчи. При такомъ возбужденіи арена совѣтскаго зала дѣлалась уже тѣсной и противники перенесли дѣло далеко за ея предѣлы—въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія.

Мы видѣли, что министръ народнаго просвѣщенія прислалъ попечителю бумагу, въ которой отмѣчены были неудобныя и вредныя сужденія Шада, разсѣяныя въ его книгѣ о естественномъ правѣ. Между тѣмъ книга эта вышла въ свѣтъ уже раньше, съ разрѣшенія университетской цензуры. Очевидно, кто то сдѣлалъ указаніе министерству на эту книгу. И дѣйствительно, въ „дѣлѣ о Шадѣ“ мы нашли особую бумагу, присланную въ Петербургъ изъ Харькова и скрѣпленную подписью секретаря совѣта проф. Каменскаго—и она буквально содержитъ въ себѣ все то, что отмѣтилъ министръ въ книгѣ Шада о естественномъ правѣ; она послужила единственнымъ источникомъ для осужденія сочиненія Шада. Слѣдуетъ въ интересахъ истины прибавить, что въ ней нѣтъ упоминанія о Дегуровѣ, и мы можемъ только подозревать его въ сочиненіи этого документа, основываясь на томъ, что онъ велъ

и явную, и тайную борьбу съ Шадо́мъ и обвинялъ его въ неблагонамѣренности за другія сочиненія. Но вѣроятно, что составителемъ этого обвиненія было другое лицо, быть можетъ и тотъ самый проф. Каменскій, именемъ котораго подписанъ документъ; трудно предположить, чтобы онъ только переслалъ его къ министру въ качествѣ секретаря совѣта—въ такомъ случаѣ мы бы нашли указанія на него въ дѣлопроизводствѣ этого послѣдняго—а ихъ не оказывается; значить едва ли онъ былъ тутъ передаточной инстанціей; наконецъ, и самый характеръ доноса скорѣе обличаетъ въ немъ русскаго человѣка, чѣмъ иностранца, которому трудно было сдѣлать точныя указанія на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ проф. Шада съ коренными русскими понятіями о государственной власти, о религіи, о существующихъ учрежденіяхъ. Правда проф. Каменскій не былъ юристъ, а медикъ, но мы знаемъ изъ отзыва Роммеля, что это былъ тонкій дѣлецъ, причинявшій не мало хлопотъ профессорамъ иностранцамъ своими рзпортами въ Петербургъ. Наконецъ, фактическій матеріалъ для своего обвиненія онъ могъ получить и отъ кого либо другого. Впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на своей мысли и смотримъ на нее только какъ на одну изъ возможныхъ въ этомъ дѣлѣ догадокъ. Тайные доносы на Шада во всякомъ случаѣ были пущены въ ходъ и два такіе доноса въ подлинникахъ найдены мною въ „дѣлѣ Шада“; авторомъ ихъ былъ проф. Дегуровъ.

V.

Доносы проф. Дегурова.

Проф. Дегуровъ не ограничился публичными обвиненіями противъ Шада въ совѣтѣ, гдѣ онъ во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ на законной почвѣ, и рѣшился сдѣлать тайный доносъ на своего противника министру, и это былъ уже предосудительный поступокъ съ его стороны, ибо въ самомъ дѣлѣ—что можетъ быть отвратительнѣе доноса?

Подлинный текстъ обомхъ доносовъ проф. Дегурова на Шада, адресованныхъ директору департамента министерства народнаго просвѣщенія сохранился въ „дѣлѣ о Шадѣ“.

Первый касается докторскихъ промоцій Гриневича и Ковалевскаго и отмѣчаетъ вредныя мысли въ тезисахъ диссертациі Гриневича и влияние на него идей Шеллинга. Вотъ его подлинный текстъ. „Je crois devoir rendre compte à votre Excellence de ce que j'ai fait dans le dernier *Senat academique*.

La faculté politico-morale a promu au grade de docteur le candidat Elias Grinévitche et l'a proposé à la confirmation du Senat.

J'ai protesté contre cette promotion, attendu que la *dissertation inaugurale* publiée par Grinevitch, comme son propre ouvrage, dédiée par lui à M. Viazmitinoff et approuvé par la faculté, à ce que je crois, n'est absolument que l'ouvrage du prof. Schad lui même. Celui-ci l'a dictée il y a 4 ou 5 ans à ses auditeurs: elle se trouve mot pour mot dans leurs cahiers; et j'ai remis au Sénat deux de ces cahiers qui font foi de ce que j'avance. Le Sénat académique a nommé quatre membres pour vérifier le fait.

La commission rassemblée, je lui ai remis une autre dissertation inaugurale. C'est celle du *magister Kovalevsky* promu aussi au grade de docteur à aussi bon marché que le candidat Grinevitch.

Votre Excellence se douterait elle que pour être docteur en philosophie, il suffit d'un examen sur la philosophie par M. Schad, sur la *langue russe* par le professeur, qui l'enseigne, et sur la langue latine encore par M. Schad? Et cette dernière même ne doit pas être comptée, parcequ'en général la connaissance qu'on en acquiert... est peu de chose et que d'ailleurs d'après les statuts on peut même en dispenser. Lorsqu'on a exclu les sciences physiques et mathématiques et les sciences historiques du nombre de celles qui sont nécessaires pour parvenir au grade de docteur en philosophie, je n'ai pu que protester contre un pareil arrangement. J'espère que les abus criants, qui en sont résultés, cesseront bientôt par l'adoption du plan que le ministre de l'instruction publique a proposé, il y a six mois, pour les promotions aux grades académiques.

Mais il ne suffit pas au M. Schad de faire des examens *pro forma*, comme votre Excellence peut en juger elle même, de composer les dissertations des docteurs ou de leur donner à copier des cahiers qui sont depuis plusieurs années entre les mains de nos étudiants... je m'arrête; je ne veux rien écrire en particulier à votre Excellence que je n'ai dit en public. Je vous prie seulement, monsieur, de jeter les yeux sur les thèses imprimées que je joins à cette lettre et qui suivent la dissertation du candidat Grinevitch. La 6 contient une définition de la matière. Plusieurs autres présentent d'étranges idées en physique. Mais ma faible raison se prosterne devant *Schelling*. Cependant j'oserais croire que ce n'est pas là l'enseignement qui convient à la Russie. Votre Excellence au reste est meilleur juge que moi à cet égard: je ne fais que lui proposer mes doutes. Mais une thèse sur la quelle je n'hésiterai pas de passer condamnation c'est la 18—*Finis absolutus omnis matrimonii non est procreatio sobolis, sed amor*. De pareils principes sont subversifs et de la religion et de la loi civile. Si celui-ci n'eut pas été imprimé, il m'aurait été inconnu. On ne l'aurait pas attendu de quelqu'un qui cite S. Paul et la Bible. Je suis avec respect. Degouroff. Karkoff. 3 janvier 1816".

Дегурову хорошо было извѣстно, что министр гр. Разумовскій относится неодобрительно къ Шеллинговой философіи. Еще въ 1814 г., по поводу представленія ученика Шада Дудровича въ адъюнкты онъ писалъ въ совѣтъ: „до свѣдѣнія моего дошло, что Шадъ рекомендовалъ Дудровича, какъ свѣдующаго въ системахъ Канта, Фихте и Шеллинга. А такъ какъ съ видами министерства народнаго просвѣщенія не согласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга, то предлагаю университету безпристрастно довести, какой системы философическихъ наукъ придерживается профессоръ Шадъ равно и Дудровичъ, и одобряетъ ли ее университетъ“. Шадъ по этому поводу обратился въ совѣтъ съ заявленіемъ такого содержанія: „я такъ далекъ отъ намѣренія просить вашей снисходительности и благоволенія, что скорѣе готовъ призвать на себя вашу строжайшую правду и любовь къ истинѣ, которыя нельзя было бы поколебать никакимъ предубѣжденіемъ и никакимъ пристрастіемъ. Дѣло, порученное вамъ министромъ, святое дѣло, а потому и должно быть рассмотрѣно свято, справедливо и свободно“. О философской системѣ Шада, послѣ долгаго сужденія, совѣтъ высказался такъ: „онъ не усматриваетъ противорѣчій философіи проф. Шада съ цѣлями общественнаго образованія“ ¹⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что противниковъ философской системы Шада въ совѣтъ было не мало; самый сильный изъ нихъ, ректоръ Осиповскій не считалъ нужнымъ имѣть по кафедрѣ философіи кромѣ профессора еще адъюнкта и предлагалъ ограничить преподаваніе по этому предмету только логикой, опытной психологіей и этикой; къ нему присоединились Каменскій и Шумлинскій. Такимъ образомъ, хотя философское направленіе Шада не встрѣтило прямого осужденія въ совѣтѣ, но это объясняется, очевидно, тѣмъ, что члены его исповѣдывали принципъ свободы научнаго изслѣдованія и во имя его поддерживали своего коллегу; отсюда видно, что Дегуровъ хорошо рассчиталъ свой походъ противъ Шада: онъ могъ найти и дѣйствительно нашелъ поддержку и въ министерствѣ, и на мѣстѣ въ Харьковѣ.

Другой доносъ Дегурова касался философскихъ воззрѣній Шада и отчасти его личности. Это, такъ сказать, опытъ обличительной біографіи Шада, составленный на основаніи двухъ его неблагонамѣренныхъ сочиненій—автобіографіи и „Жизни отца Синцера“; послѣдній трудъ представлялъ изъ себя сатиру на монашество. Дегуровъ устанавливаетъ принадлежность этого сочиненія Шаду (оно вышло безъ имени автора) и дѣлаетъ изъ него компрометирующія его выдержки, а въ заклю-

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. 1873, кн. 2-я, статья Н. А. Лавровскаго, стр. 44.

ченіе прилагають и самыя инкриминируемыя книги. Вотъ подлинный текстъ второго доношенія Дегурова. M. Schad est né en 1758. C'est le fils d'un pauvre paysan. Il fut reçu dans l'abbaye de Banz à l'âge de 9 ans comme écolier et enfant de chœur. A 14 ans les moines l'envoyèrent à Bomberg pour y faire ses humanités. On le reçut novice en 1778; en 1779 il fit ses vœux. Il a été 15 ans confesseur (voyez p.182 de sa vie). En 1798 il publia un livre intitulé „Pater Sincerus“, mais il se garda bien d'y mettre son nom. Une partie n'est remplie que de mauvais raisonnemens et de diatribes contre la religion et les moines, l'autre de faits indécentés racontés dans les termes les plus grossiers. M. Schad s'avoue pour être l'auteur de ce livre dans sa vie qu'il a publiée et il lui a même consacré (v. page 379 et suivantes) un chapitre entier. Il dit qu'il avait composé cet ouvrage *pour dévoiler les horreurs du célibat monachal et que l'expérience du confessional l'avait mis à même de connaître les consciences des moines à ce sujet... Le célibat forcé, dit-il, doit être un abîme de crimes... Le confessional découvra cet abîme.* Il n'a publié que le 1 volume. La Sainte Inquisition, dit il, se mit à rechercher quel était l'auteur de *Sincerus*... On le soupçonna fortement et on se disposait en conséquence à le conduire et à l'informer à Bamberg... *Comme prédicateur, dit-il, j'étais aimé du peuple... mais dans cet ouvrage j'étais plus qu'hérétique, car j'avouais que je ne professais d'autre religion que celle de la raison et que je ne reconnaissais le Christianisme qu'autant que sa tendance était vers cette religion.* Craignant le sort, qu'il attendait, M. Schad s'échappa de son couvent au milieu de la nuit en 1798. A Erfurt il publia en 1809 sa vie, dans la quelle on trouvent les faits ci dessus et beaucoup d'autres qui avaient dû certainement l'empêcher d'être employé dans l'instruction publique. Beaucoup de particularité de la vie de m. Schad sont aussi dans *Sincerus*. Ces deux ouvrages sont joints à cette note. Degouroff“. Здѣсь, какъ мы видимъ, Дегуровъ прямо обвиняетъ Шада въ рационализмъ, выходкахъ противъ христіанской религіи и морали и прибавляетъ, что по этой именно причинѣ онъ не могъ быть допущенъ къ публичному преподаванію. Эти обвиненія должны были оказать рѣшительное вліяніе на судьбу Шада: министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, ярый піэтистъ, не могъ простить Шаду его выходокъ противъ христіанства и монашества, его призыва къ рационализму. Нѣсколько времени спустя эти сочиненія, какъ corpus delicti, были переданы на разсмотрѣніе неизвѣстному намъ лицу, которое подверло ихъ довольно внимательному разбору и пришло къ неблагопріятнымъ для Шада заключеніямъ. Судьба Шада рѣшена была безповоротно. Всѣ его оправдательныя записки касались „Institutiones“ и „De viris illustribus urbis

Romae“, а министр составилъ себѣ заключеніе о его воззрѣніяхъ по его автобіографіи и „Жизни отца Синцера“. Шадъ же вовсе не зналъ этого обстоятельства и продолжалъ стучаться въ дверь, которая закрылась передъ нимъ навсегда. Въ своемъ сочиненіи о естественномъ правѣ онъ дѣйствительно проповѣдывалъ христіанскую философію, но въ названныхъ выше трудахъ стоялъ на рационалистической почвѣ. „Вся автобіографія Шада, говоритъ проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи... Въ своей автобіографіи онъ раскрываетъ передъ нами, какъ въ немъ постепенно совершался поворотъ отъ слѣпой вѣры и безусловнаго подчиненія авторитету, положенныхъ въ основаніи іезуитскаго и монашескаго воспитанія, къ свободѣ совѣсти и разума“ ¹⁾. Вотъ подлинный текстъ рецензій на эти книги Шада, написанный анонимомъ по распоряженію кн. А. Н. Голицына. „Parmi le grand nombre d'ouvrages irreligieux et licencieux, qui ont paru sur la fin du siècle passé il y a certainement peu, où l'on eut poussé l'audace et l'indécence jusqu'à un tel point que dans l'ouvrage suivant, dont l'auteur a cependant eu la sagesse de ne publier que le premier volume.

„Leben und Schicksale des uhnwürdigen Vaters Sincerus“—le livre d'environ 500 pages renferme 1) un long traité, écrit avec une logique dangereuse et une éloquence séduisante, où l'auteur réfute formellement les saintes et éternelles vérités du vrai christianisme, prêche le déisme et ose déclarer *absurde* toute idée d'une révélation Divine; 2) la prétendue histoire d'un moine; récit tendant à dévoiler les abus, qui règnent dans les couvents, mais rempli d'extravagances, de saletés sans pareilles et de diatribes contre la religion chrétienne. Les idées et principes que l'auteur développe dans la première partie de son livre se réduisent à ce qui suit. „La raison étant, pour ainsi dire, le tribunal suprême dans l'homme ne reconnait rien au dessus d'elle: or n'admettant rien de surnaturel, elle rejette par conséquent aussi toutes les prétendues révélation, qui n'ont leur source que dans l'imagination des hommes. La seule vraie religion est seule de la raison et le christianisme tout pur, tel que le grand Sage de Nazareth l'a enseigné, en découle comme tout ce qui est vrai, bon et salutaire. L'auteur admet, comme conforme, à la raison, l'immortalité de l'âme et la croyance en un Dieu créateur et conservateur de tout: il révere Jésus Christ comme homme extraordinaire, bien-faiteur de l'humanité et envoyé de Dieu pour enseigner les hommes; mais

¹⁾ Ив. Е. Шадъ. Проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. (Зап. Харьк. унив., 1896, 2-я кн., стр. 50).

il se moque en même tems de l'absurdité de l'idée d'une sainte Trinité, de l'incarnation de Dieu et des mystères du saint Sacrement. Le livre fourmille de passages où ces dogmes sont blasphémés d'une manière révoltante. „Ceux qui défendent l'ancienne croyance et entendent encore la voix du bon Pasteur, sont, selon l'auteur, ou des *faibles*, qui méritent de la pitié, ou de vils *trompeurs*, qu'il faut exterminer de la société humaine. Aux faibles, qui ne doivent être nourris que de loit, il faut un culte extérieur, le catholicisme est leur religion. Le protestantisme est pour ceux qui peuvent déjà supporter un peu plus de lumière; et le règne de la raison pour ceux qui ont pu surmonter tous les préjugés et briser les chaînes de toute sorte de superstition, bonheur, dont ne se réjouissent que fort peu d'hommes, mais terme où aboutiront enfin et le catholicisme et le protestantisme. Cette idée aussi téméraire que chimérique occupe beaucoup l'auteur et il est inépuisable dans des tableaux attirans, lorsqu'il en parle. „Ce sera le grand jour de la paix, de l'amour du prochain, d'une harmonie parfaite de l'unité et de la fraternité des peuples comme des individus!“ L'auteur reconnaît cependant le bien qu'a produit chaque confession: „le catholicisme, dit-il, était nécessaire et salutaire au monde dans les tems de la barbarie du moyen âge; le protestantisme est l'escalier par le quel les hommes montent aux régions de la vraie lumière, c'est à dire de celle de la raison, à la lueur de laquelle les peuples marcheront dorenavant“. Il avoue, qu'il faut encore prêcher au peuple d'après l'ancienne doctrine, quand même les prédicateurs eux mêmes ne sont plus de cette croyance, ce qu'il a fait pendant une dizaine d'années où il a su voiler ses vrais principes à ceux qui n'étaient pas capables de le comprendre; en se faisant bien entendre par tous ceux, qui voyent un peu plus loin. Il dit de plus que c'est en vain que les gouvernemens et les princes méconduits par des conseillers bigots et adonnés aux anciennes erreurs, tâchent encore de soutenir l'ancienne foi: les tems de la lumière de la raison sont arrivés et les savans, les hommes raisonnables ne se laissent plus donner des loix en matière de religion par qui que le soit. Tot ou tard tout s'inclinera devant la raison et l'auteur a l'espérance que le beau jour du culte de la raison n'est plus très loin. Ce qui fait son livre encore plus dangereux, c'est l'assurance avec la quelle l'auteur parle. Il cherche à convaincre les lecteurs qu'après avoir erré, comme il dit, dans tous les dédales d'une foi chimérique, son âme n'a trouvé de repos et d'équilibre qu'en marchant le chemin de la lumière de la raison. Il ne discontinue pas de se réjouir de la victoire que sa raison a remportée sur les prétendus préjugés de la foi, qu'on lui avait inspirés dans son enfance et qui l'avaient obligé de choisir la vie mona-

chale: il rend grâce à la Divine Providence, qui lui a fait „*combattre le bon combat*“.

L'autre partie de ce livre est vouée à la biographie de l'auteur. Sans entrer dans le détail de ces 300 pages d'une indécence et saleté inexprimable, il suffit de dire, que la conception immaculée de la sainte vierge et d'autres faits de l'histoire sacrée y sont surtout scandalisés. Les moines sont, d'après l'auteur, les êtres les plus indignes, les plus inutiles et les plus détestables du monde.

Quoi qu'au commencement l'auteur de cette infâme production ait gardé l'anonyme, il s'est découvert lui même quelques années plus tard, en 1803, dans un autre ouvrage intitulé, *Schad's, doctors der philosophie zu Jena... Leben und Klostergeschichte von ihm selbst beschrieben... Erfurt, 1803* — livre dans le quel *M. Schad* s'avoue formellement dans un chapitre entier qu'il a consacré à ce sujet pour être l'auteur de la vie et des aventures du père Sincerus. La biographie de M. Shad, écrite par lui même, a au reste beaucoup de rapport avec le Sincerus: on y trouve les mêmes idées sur la religion chrétienne, les mêmes diatribes contre toute révélation Divine, souvent les mêmes expressions, les mêmes saletés, les mêmes extravagances. M. Schad, connu par quantité d'ouvrages philosophiques d'après le système de M. Fichte, est né en 1758, dans une belle vallée de la Franconie. Fils d'un pauvre paysan chargé d'une nombreuse famille, son père le plaça à l'âge de neuf ans dans l'abbaye de Banz, où il resta jusqu'à sa 14 année comme enfant de chœur. Alors les moines l'envoyèrent à Bamberg pour y faire ses humanités. En 1778 il fut reçu novice et en 1779 il fit ses vœux. Mais bientôt la vie monachale lui déplut et au bout de quelques années il ne fut plus moine que de nom. Des querelles continuelles avec les supérieurs désignent son séjour à Banz et malgré cela il ya été 15 ans confesseur. Enfin le Sincerus ayant paru 1798, on soupçonnait fortement qu'il en était l'auteur et on se disposait déjà à le conduire et à l'enfermer à Bamberg, lorsqu'il échappa de son couvent au milieu de la nuit en Septembre 1798 pour n'y retourner jamais. Il se rendit à Jena, s'y maria et y a demeuré depuis sous la protection du Grand-Duc de Weimar qui ne fait point d'attention aux réclamations des supérieurs de l'abbaye de Banz concernant M. Schad.

Сопоставляя этотъ отзывъ съ заключеніемъ Дегурова, мы видимъ большое сходство между ними не только въ содержаніи, но отчасти и языкѣ; только отзывъ анонима гораздо обширнѣе и полнѣе Дегуровскаго. Впрочемъ сходство это не настолькоъ значительное, чтобы давало право заключать о принадлежности обоихъ записокъ одному и тому же лицу; оно можетъ объясняться знакомствомъ болѣе поздняго рецензента съ трудомъ его предшественника.

Какъ-бы то ни было, этотъ новый отзывъ окончательно отвердилъ Кн. А. Н. Голицына въ его мысли о Шадѣ, какъ о противникѣ христіанскаго піэтизма, и побудилъ его оставить въ полной силѣ принятую противъ него суровую мѣру.

VI.

Отрѣшеніе Шада отъ должности и административная высылка изъ Харькова.

Разсмотрѣнныя нами выше жалобы на Шада по дѣлу о докторскихъ степеняхъ, а также явные и тайныя обвиненія его сочиненій во вредномъ ихъ направленіи привели къ весьма печальнымъ для него результатамъ: окончились удаленіемъ его отъ профессуры и высылкою изъ Харькова за границу. Посмотримъ, какова была роль тѣхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, которыхъ впослѣдствіи самъ Шадъ считалъ виновниками столь суровой мѣры. Онъ обвинялъ въ своемъ несчастіи главнымъ образомъ Дегурова и попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго и старался, конечно, изъ понятныхъ политическихъ соображеній, оправдать во всемъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына. Такъ ли это было въ дѣйствительности? Проф. Дегуровъ несомнѣнно сыгралъ главную роль въ этомъ случаѣ: выступилъ и явнымъ, и тайнымъ его обвинителемъ и въ дѣлѣ о диссертацияхъ, и въ эпизодѣ о собственныхъ его сочиненіяхъ. Изъ министровъ гр. А. К. Разумовскій не хотѣлъ принимать противъ Шада никакихъ репрессивныхъ, суровыхъ мѣръ, а кн. А. Н. Голицынъ, наоборотъ, на основаніи тѣхъ же давнихъ объ этомъ дѣлѣ, которыя были у гр. Разумовскаго, предложилъ комитету министровъ удаленіе и высылку Шада; что касается попечителя гр. С. О. Потоцкаго, то его роль была чисто пассивная, а не активная—во всякомъ случаѣ онъ не только не предлагалъ высылки Шада, а еще сомнѣвался въ томъ, слѣдуетъ ли его отрѣшить отъ должности. Ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій также проявилъ просвѣщенную терпимость въ этомъ дѣлѣ—былъ противъ истребленія одного изъ его сочиненій.

Эти общія положенія доказываются приводимыми ниже документальными данными.

28 января 1816 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій послалъ совѣту Харьковскаго университета приказъ пріостановиться съ печатаніемъ книги Шада „De viris illustribus urbis Romae“ и прислать какъ отпечатанные листы, такъ и ненапечатанную часть рукописи. Но это распоряженіе запоздало: книга была уже отпечатана. 17 февраля того же года министръ поручилъ совѣту дать отзывъ объ

„Записки Иммигранта. Харьк. Универ.“, II-й вып., 1899 г.

этой книгѣ и объяснить, на какомъ основаніи она печатается. Совѣтъ прислалъ требуемое объясненіе, но уже не министру гр. А. К. Разумовскому, а смѣнившему его въ этой должности кн. А. Н. Голицыну и притомъ тогда только, когда онъ сдѣлалъ новый запросъ объ этомъ попечителю округа. Вотъ что писалъ кн. А. Н. Голицынъ гр. С. О. Потоцкому: „Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвъ изъ приложеннаго здѣсь въ коніи донесенія цензурнаго комитета Харьковскаго университета невыгодное мнѣніе его объ изданной по порученію совѣта этого университета проф. Шадомъ книгѣ подъ заглавіемъ „*De viris illustribus urbis Romae*“, предложеніемъ отъ 17 февраля сего года требовалъ у совѣта, чтобы онъ разсмотрѣлъ это сочиненіе, далъ о немъ свое заключеніе и объяснилъ, почему оно напечатано на казенный счетъ безъ представленія предварительно рукописи его начальству; самую же книгу велѣно было впредь до разрѣшенія не выпускать изъ типографіи. Но прежде чѣмъ получена была эта бумага, книга была выпущена въ свѣтъ—а между тѣмъ требуемаго объясненія представлено не было. На запросъ попечителя совѣтъ далъ слѣдующее объясненіе. „Представленная училищному комитету проф. Дегуровымъ книга „*De viris illustribus urbis Romae*“, напечатанная Ломондомъ въ Парижѣ, для изданія ея въ пользу обучающагося въ нашемъ округѣ юношества, этимъ комитетомъ была сообщена факультету словесныхъ наукъ, который и одобрилъ ее для этой цѣли. Между тѣмъ проф. Шадъ до полученія мнѣнія отъ факультета словесныхъ наукъ въ отвѣтъ на предложеніе ректора относительно изданія нѣкоторыхъ лучшихъ латинскихъ авторовъ на пользу обучающагося юношества, письменно изъяснилъ Совѣту желаніе взять на себя безденежно изданіе латинскихъ книгъ—„*De viris illustribus*“ „*Aaeneis*“ Virgilii и „*Selectae odae*“ Horatii, изъясняя, что онъ при изданіи ихъ употребитъ всевозможное стараніе какъ въ разсужденіи краткости, чтобы тѣмъ способствовать и дешевой цѣнѣ ихъ, такъ и ясности, ибо прибавитъ отъ себя примѣчанія и исправитъ типографскія ошибки. Совѣтъ же, основываясь на предложеніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго отъ 23 іюня 1811 г., коимъ позволялось на счетъ университета печатать классныхъ римскихъ писателей—Ю. Цезаря, Саллюстія, Виргилія и Корнелія Непота,—поручилъ Шаду изданіе вышеупомянутыхъ книгъ положеніемъ своимъ отъ 2 іюля 1815 г. изъяснить профессору Шаду благодарность Совѣта за то, что онъ принялъ на себя безденежно изданіе этихъ книгъ и исправленіе типографскихъ ошибокъ. Потомъ по полученіи предложенія отъ министра отъ 17-го февраля, коимъ предписано было Совѣту разсмотрѣть изданную профессоромъ Ша-

домъ книгу „De viris illustribus“ и дать свое о ней мнѣніе, Совѣтъ положилъ представленныя цензурнымъ комитетомъ на эту книгу замѣчанія сообщить своимъ членамъ для сличенія ихъ съ подлинникомъ и для представленія своихъ мнѣній касательно замѣченныхъ цензурнымъ комитетомъ въ которыхъ мѣстъ; съ этою цѣлью потребовано было отъ проф. Дегурова подлинное изданіе Ломонда. Но такъ какъ Дегуровъ словесно объяснилъ, что изданія Ломонда у него уже не имѣется, то Совѣтъ за недостаткомъ подлинника не могъ дать никакого заключенія объ книгѣ профессора Шада и не доносилъ ничего о томъ высшему начальству“.

Заключеніе о другомъ сочиненіи Шада „Institutiones juris naturae“ было отправлено, какъ мы видѣли, Совѣту университета гр. А. К. Разумовскимъ 15 марта 1816 г. Въ немъ лично противъ Шада не принималось никакихъ мѣръ, а только отдавался приказъ не употреблять этой книги въ школахъ. Поечитель гр. С. О. Потоцкій, когда ему была сообщена эта бумага, далъ на нее слѣдующій отвѣтъ. „Будучи во всемъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Сіятельства о непригодности для нашего юношества изданной проф. Шадомъ книги (Institutiones juris naturae) имѣлъ уже въ намѣреніи, не довѣря собственнымъ своимъ свѣдѣніямъ по этой части, представить ее на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, но такъ какъ Ваше Сіятельство изволили нынѣ сообщить мнѣ подробно свои мысли объ этой книгѣ, то я охотно поспѣшу исполнить во всей точности волю Вашего Сіятельства, тѣмъ болѣе что самъ совершенно убѣжденъ въ полезномъ дѣйствіи ея на будущее время“. На сколько близокъ былъ въ дѣйствительности гр. С. О. Потоцкій къ осуществленію своего намѣренія о представленіи книги Шада въ главное правленіе училищъ, теперь конечно судить мудрено: во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы привести въ дѣйствіе свою мысль—и однако этого не выполнилъ. Мы думаемъ, что этого не сдѣлалъ, потому что не въ его натурѣ были мѣры, направленные къ уменьшенію свободы научнаго изслѣдованія. И такъ, при гр. А. К. Разумовскомъ, противъ личности Шада по возбужденнымъ обвиненіямъ, не были приняты никакія репрессивныя мѣры: сдѣлано было только распоряженіе о недопущеніи его „Естественнаго права“ въ школы и, вѣроятно, такая же участь ожидала и другую его книгу „De viris illustribus urbis Romae“; говоримъ „вѣроятно“, потому что дѣло о ней при Разумовскомъ еще не было закончено.

Рѣшеніе участи Шада и его книгъ взялъ на себя исключительно новый министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ. По соб-

ственной инициативѣ, онъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія. „Вызванный изъ чужихъ краевъ въ Харьковскій университетъ ординарный профессоръ теоретической и практической философіи коллежскій совѣтникъ Шадъ имѣлъ отъ Совѣта этого университета порученіе напечатать на казенный счетъ для училищъ книгу на латинскомъ языкѣ „*De viris illustribus Romae*“ (о знаменитыхъ римлянахъ), изданную во Франціи Ломондомъ. Бывшій министръ просвѣщенія, узнавъ, что въ книгѣ этой новымъ издателемъ Шадомъ сдѣланы прибавленія не только излишнія, но и содержащія въ себѣ мысли и выраженія, для учащагося юношества соблазнительныя и для воспитанія его вредныя, предложилъ университету доставить ему по экземпляру каждаго напечатаннаго листа и если еще не вся книга вышла изъ печати, то прислать и неотпечатанную часть рукописи, а до разрѣшенія его печатаніе остановить и отпечатанныхъ листовъ никому не выдавать. Книга эта однакожь вскорѣ получена была въ департаментъ министерства просвѣщенія уже въ отпечатанномъ видѣ. Цензурный комитетъ Харьковского университета, посылая ее, въ своемъ донесеніи подтвердилъ мнѣніе, внушенное о ней министру, изъяснивъ между прочимъ, что профессоръ Шадъ безъ вѣдома Совѣта и цензуры прибавилъ къ этому сочиненію предисловіе, заключающее въ себѣ много такихъ мѣстъ, кои не должны бы напечатаны быть съ одобренія начальства, и притомъ предисловіе это содержитъ обидныя замѣчанія на счетъ сочинителя, который, издавъ это небольшое собраніе исторій назадъ тому 40 лѣтъ, не могъ хвалить военной системы Наполеона; между прибавленіями же, въ самой книгѣ сдѣланными профессоромъ Шадомъ, есть такія, кои совершенно не приличны въ сочиненіи, предназначаемомъ для юношества. По полученіи этого донесенія отъ цензурнаго комитета, министръ предложилъ совѣту Харьковского университета рассмотреть книгу и дать о ней свое заключеніе, а до разрѣшенія его книги изъ типографіи не выпускать. Въ скоромъ времени въ департаментъ министерства просвѣщенія получена была другая изданная профессоромъ Шадомъ для употребленія въ училищахъ книга, подъ заглавіемъ „*Institutiones juris naturae*. (Право естественное). Бывшій министръ неукоснительно замѣтилъ попечителю, что книга эта, по слогу своему, уже не можетъ быть учебною, ибо такія книги должны быть, сколько возможно, просты, кратки и ясны, сочиненіе же Шада слишкомъ пространно и во многихъ мѣстахъ весьма не ясно. Въ немъ помѣщены разныя постороннія разсужденія, совѣтъ не входящія въ составъ такой учебной книги, какъ-то: длинныя объясненія предложенной авторомъ системы и опроверженія возраженій противниковъ, часто

повторяемые намеки на новѣйшія политическія происшествія, сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ, длинныя отрывки не только изъ древнихъ, но и изъ новѣйшихъ авторовъ и даже поэтовъ. Сверхъ того находится въ этой книгѣ довольно отвлеченныхъ и темныхъ мыслей и объясненій; разсматриваніе права и наказанія по категоріямъ,—мѣста неудобопонятныя для нашего юношества. Авторъ придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи, и въ особенности послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ правилахъ системъ Шеллинга, которую вводитъ въ Россію не слѣдуетъ. Кромѣ того въ сочиненіи Шада находятся разныя мѣста, въ коихъ рассуждаетъ онъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ мысли свои не съ такою скромностію, каковая нужна въ учебной книгѣ; приводятся мѣста, не совсѣмъ сообразныя съ коренными въ нашемъ государствѣ понятіями о власти Монаршей, о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами и весьма неприличныя замѣчанія на существующія въ Россіи учрежденія; объясненіе же правилъ о супружескомъ союзѣ по справедливости можетъ почтеться противнымъ нравственности. Хотя правила автора и могли бы быть оправдываемы, но въ томъ видѣ, какъ имъ изложены, они неприличны въ писанномъ для юношества сочиненіи и могутъ подавать поводъ къ соблазнамъ и даже къ порчѣ нравовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ бывшій министръ поручилъ попечителю предписать университету, дабы книга эта не была употребляема въ преподаваніи лекцій.

Между тѣмъ еще открылся случай, подтверждающій недобросовѣстность профессора Шада. Нѣкто Гриневичъ и Коналевскій искали въ Харьковскомъ университетѣ степени доктора. По установленію, слѣдовало имъ сочинить диссертациі. Диссертациі ихъ оказались поддѣланными и списанными съ диссертациі Шада и съ тетрадей, по коимъ онъ преподавалъ свои лекціи.

Бывшій министръ просвѣщенія предписалъ попечителю, что, если окажется въ этомъ дѣлѣ какое злоупотребленіе, то для прекращенія его впредь, не найдетъ ли онъ нужнымъ сдѣлать представленіе объ удаленіи профессора Шада отъ должности.

По вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, найдя дѣла эти безъ дальнѣйшаго движенія, я сдѣлалъ вновь по нимъ отношеніе къ попечителю, съ тѣмъ чтобы онъ сообщилъ мнѣ рѣшительное свое мнѣніе о Шадѣ, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что нельзя не признать, что профессоръ этотъ въ разсужденіи представленныхъ Ковалевскимъ и Гриневичемъ диссертаций подвергъ себя нѣкоторому подозрѣнію въ пристрастіи; справедливо и то, что въ сочиненіи его

„De viris illustribus Romae“ включены мѣста, которые хотя и свойственны латинскому языку и не содержатъ въ себѣ прямой цѣли къ соблазну, но при всемъ томъ не могутъ быть терпимы въ книгахъ, издаваемыхъ для юношества; равнымъ образомъ и въ пространныхъ сочиненіяхъ его, какъ напримѣръ, въ Логикѣ и Ius naturae, встрѣчаются нѣкоторыя странности, свойственные однако почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, и онъ въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ оказывается безъ сомнѣнія виновнымъ. Но достаточны ли эти причины къ удаленію его отъ должности безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и суда, о томъ представилъ на мое разсмотрѣніе.

Въ 66 § университетскаго устава сказано: „совѣтъ университета имѣетъ обязанность удалить отъ должности всѣхъ чиновниковъ, отъ выбора его зависящихъ, кои окажутся въ должности нерадивы, неповиновеніемъ начальству нарушаютъ порядокъ, или избочиваются въ какихъ либо непростительныхъ поступкахъ; но къ этому долженъ онъ приступить не иначе, какъ по предварительномъ изслѣдованіи университетскаго правленія и на основаніи постановленія, которое было бы утверждено двумя третями голосовъ. Сдѣланный такимъ образомъ приговоръ представляется на разсмотрѣніе начальству“. Хотя этимъ постановленіемъ предписывается проступки университетскихъ чиновниковъ предварительно подвергать изслѣдованію университета, но это постановленіе касается только тѣхъ случаевъ, когда университетъ найдетъ кого либо виновнымъ по содержанію упомянутаго параграфа; профессора же Шада, по вышеизложеннымъ поступкамъ его, само министерство нашло виновнымъ; почему и формальнаго суда надъ нимъ производить не слѣдуетъ. Притомъ въ данномъ постановленіи, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду всякіе другіе проступки, а не проступки въ распространеніи вредныхъ правилъ, въ чемъ уличается профессоръ Шадъ. Если предать его университетскому суду, то дѣло это не скоро приведено будетъ къ концу, а между тѣмъ профессоръ Шадъ станетъ продолжать свои вредныя наставленія и поступки.

По этимъ причинамъ испрашиваю разрѣшенія комитета гг. министровъ немедленно удалить профессора Шада отъ занимаемой имъ въ университетѣ должности.

Князь Александръ Голицынъ.

Изъ этого представленія ясно видно, что 1) противъ Шада были выставлены только тѣ обвиненія, о которыхъ шла рѣчь уже раньше; 2) по университетскому уставу, слѣдствіе и судъ надъ нимъ должны были принадлежать правленію и совѣту университета; 3) министръ рѣшилъ отрѣшить его отъ должности безъ формальнаго слѣдствія и суда; 4) попечитель округа гр. С. О. Потоцкій не считалъ для себя

возможнымъ поступить такимъ образомъ и предоставилъ рѣшеніе участи Шада министру. Во вторичномъ своемъ представленіи этого дѣла кн. А. Н. Голицынъ изображалъ здѣсь роль гр. С. О. Потоцкаго слѣдующими чертами: „бывшій попечитель, къ которому я предварительно о немъ отнесся, отвѣчалъ мнѣ, что Шадъ дѣйствительно не можетъ быть оправданъ, но какъ таковыя странности свойственны почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, то и подлежитъ разсмотрѣнію, слѣдуетъ ли его потому немедленно удалить отъ должности, при томъ онъ признавался самъ, что не пріемлетъ особеннаго участія въ этомъ человѣкѣ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ непріятномъ“.

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 3 ноября 1816 года призналъ, что профессора Шада не только не должно болѣе оставлять при настоящей должности, но съ тѣми правилами, какія онъ обнаружилъ уже, онъ не можетъ вовсе быть терпимъ въ Россіи и посему полагалъ: 1) удалить его немедленно отъ должности, выслать за границу, 2) объ изданныя имъ книги совершенно истребить, 3) дать о томъ знать прочимъ университетамъ. Графъ Аракчеевъ объявилъ вскорѣ, что Государь Императоръ, по разсмотрѣніи меморіи, утвердилъ мнѣніе комитета министровъ.

Такимъ образомъ, комитетъ министровъ съ своей стороны еще усилилъ мѣру наказанія, предложенную кн. А. Н. Голицынымъ, не смотря на то, что этотъ послѣдній пошелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше своего предшественника гр. А. К. Разумовскаго. Обвиненія противъ Шада не усиливались, а градація наказаній сильно возрасла: первоначально приняты были только мѣры противъ его сочиненій, потомъ предлагалось удалить и его отъ должности, окончилось же тѣмъ, что его рѣшено было выслать административнымъ порядкомъ изъ Харькова. О томъ, какъ состоялась эта высылка, мы узнаемъ отъ самого Шада. Теперь же только прибавимъ, что попечитель округа вполнѣ согласился съ представленіемъ ректора университета Т. Θ. Осиповскаго о томъ, что бы книга Шада „De viris illustribus urbis Romae“ не подвергалась уничтоженію, а изъ нея было выброшено только введеніе и нѣкоторые листы, содержащіе неудобныя мѣста. Вотъ подлинный текстъ представленія попечителя. „Ректоръ университета Осиповскій въ силу послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія объ истребленіи книгъ бывшаго профессора Шада—„Institutiones“ и „De viris illustribus“—доноситъ мнѣ нынѣ, что первая книга, изданная Шадомъ на собственный его коштъ, въ университетѣ не находится, а только разослано по экземпляру ея въ гимназическія бібліотеки, почему правленіе университета предварительно предписало директорамъ, чтобы изъ бібліотекъ не давать никому читать этой книги. Что же касается до второй книги, то она

напечатана на счетъ университета и не выпущена еще изъ типографіи. Разсматривавшій ее проф. Дегуровъ протестовалъ только противъ предисловія, въ коемъ Шадъ помѣстилъ нѣкоторыя обилныя замѣчанія на счетъ французовъ, и противъ небольшого числа мѣстъ, кои хотя въ оригинальномъ изданіи Ломонда пропущены, но находятся въ другихъ изданіяхъ о славныхъ мужахъ римскихъ, которыя правительствомъ не запрещены. По этимъ причинамъ ректоръ университета предлагаетъ вмѣсто истребленія всей книги съ ущербомъ для казны уничтожить въ ней одно предисловіе и, перепечатавъ листы, содержащіе въ себѣ неприличныя выраженія, употребить ее въ училищахъ, для коихъ эта книга и была издана“. Но кн. А. Н. Голицынъ не согласился на это, какъ это видно изъ письма его къ новому попечителю З. Я. Карнѣеву, смѣнившему С. О. Потоцкаго. „Предмѣстникъ вашего превосходительства тайн. сов. гр. Потоцкій вслѣдствіе донесеній ректора Харьковскаго университета представилъ мнѣ, чтобы въ книгѣ, изданной бывшимъ профессоромъ Харьковскаго университета Шадомъ съ оригинальнаго изданія Ломонда подъ заглавіемъ „De viris illustribus“, истреблено было одно только написанное Шадомъ предисловіе. Я считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству, что такъ какъ Государь Императоръ по положенію комитета министровъ Высочайше повелѣтъ соизволилъ какъ эту книгу, такъ и другую, изданную Шадомъ, подъ названіемъ „Istitutiones juris naturae“, истребить совершенно, то по сему и должно быть неизмѣнно исполнено это повелѣніе. Если же книга Ломонда признается университетомъ полезною для употребленія въ училищахъ, то можно перепечатать ее совсѣмъ новымъ изданіемъ въ такомъ видѣ, какъ оно въ подлинникѣ находится. 8 мая 1817“.

VII.

Оправдательная записка проф. Шада, написанная въ Харьковѣ передъ высылкой.

Уже чувствуя надъ собою надвигающуюся грозу и желая ее предотвратить, Шадъ отправилъ изъ Харькова кн. А. Н. Голицыну 23 ноября 1816 г. краснорѣчивую оправдательную записку, въ которой пытался представить себя такимъ же пѣтистомъ, какимъ былъ самъ министръ. Онъ не зналъ, очевидно, тогда еще, что участь его была рѣшена безповоротно и что ему предстояло изгнаніе. Вотъ подлинный текстъ этой записки. „Такъ какъ я слышалъ, что Ваше Сіятельство, между другими важными занятіями, приняли на себя важнѣйшее и священнѣйшее занятіе—распространенія божественной вѣры Іисуса Христа чрезъ раз-

множеніе библіи, дабы тѣмъ остановить разливающееся повсюду растлѣніе нравовъ и невѣріе, то и родилось во мнѣ желаніе помочь сколько нибудь къ достиженію этой спасительной цѣли. Въ этомъ намѣреніи принимаю смѣлость представить Вашему Сіятельству *переводъ и объясненіе псалмовъ*, которые сдѣланы мною въ бытность еще въ Германіи, и вмѣстѣ съ другими священными книгами ветхаго и новаго заветовъ, при помощи одного изъ тамошнихъ ученыхъ, изданы; при этомъ осмѣливаюсь я, Ваше Сіятельство, покорнѣйше просить приказъ означенное изданіе разсмотрѣть знающимъ духовную часть людямъ. Еслибы трудъ мой удостоился благосклоннаго принятія и для библейскаго общества признанъ былъ бы годнымъ и полезнымъ, то я желалъ бы все сочиненіе еще разъ тщательнѣйше пересмотрѣть и такъ его отдѣлать, чтобы оно могло служить съ пользою для чтенія людямъ всякихъ исповѣданій. Я постарался бы прибавить къ тому и хорошій русскій переводъ, въ томъ намѣреніи, чтобы и духовные причетники російскихъ церквей могли почерпать изъ книгъ моихъ спасительныя для нихъ наставленія. Если какая нибудь изъ книгъ ветхаго завета по справедливости можетъ назваться для всѣхъ духовныхъ полезною, наставительною и спасительною, то, безъ сомнѣнія, собраніе псалмовъ, съ переводомъ, исполненнымъ духа подлинника и прилежнымъ толкованіемъ. Изъ нихъ человѣкъ во всякомъ положеніи жизни, счастливомъ или несчастномъ, во всякомъ бѣдствіи, опасности почерпать можетъ наставленіе, утѣшеніе, ободреніе, надежду и подкрѣпленіе духа. Этимъ изданіемъ, надѣюсь я, какъ въ отношеніи перевода самого текста, такъ и объясненій его, пріобрѣсти не малую предъ любителями вѣры и библіи заслугу. Въ этомъ изданіи псалмовъ не только мало слѣдовалъ я французскому переводу, но могу сказать, что тутъ болѣе собственной работы. Однако же я прошу сочиненіе это, по разсмотрѣніи его въ Петербургѣ, возвратить мнѣ назадъ, ибо экземпляръ, при семъ препровождаемый, единственный, который я у себя имѣю, а изъ Германіи выписывать книги теперь весьма затруднительно.

Прилагаю при этомъ образчикъ русскаго перевода, сдѣланный однимъ отличнымъ молодымъ человѣкомъ, который обѣщалъ мнѣ перевести и всю книгу, если это, ему будетъ поручено. Этотъ молодой человѣкъ называется Илья Гриневичъ, одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, когда либо въ университетѣ нашемъ бывшихъ. Онъ слушалъ лекціи на всѣхъ факультетахъ для того, чтобы имѣть общее понятіе о всѣхъ наукахъ и объ ихъ взаимной связи; равнымъ образомъ занимался онъ также и разными языками. Латинскій языкъ знаетъ онъ особенно хорошо. Въ недавнемъ времени перевелъ онъ Цицероново сочиненіе

„De natura deorum“, съ критическими примѣчаніями, также и другое сочиненіе „De Theologia antiquorum“; послѣднее вскорѣ должно выйти изъ печати. Такимъ же образомъ переведены и многіи Цицероновы рѣчи на русскій языкъ. Теперь занимается онъ переводомъ моего изданія псалмовъ.

Этотъ молодой человѣкъ, въ прошломъ году, для полученія степени доктора философіи, выдержалъ всѣ предписанныя испытанія съ отличнымъ одобреніемъ и, не взирая на то, до сихъ поръ не могъ еще получить диплома. Ту же участь претерпѣлъ и другой молодой человѣкъ, по имени Петръ Ковалевскій, который обучался сперва въ Московскомъ университетѣ и затѣмъ шесть лѣтъ учился въ Харьковѣ. единственно изъ благороднаго стремленія усовершенствовать себя возможнымъ образомъ въ общепользныхъ знаніяхъ. Въ теченіе означеннаго времени проходилъ онъ съ отличнымъ прилежаніемъ всѣ части философіи, римское и руссійское право и политическія науки. Весь споръ, произведенный профессоромъ Дегуровымъ, относительно двухъ выше-помянутыхъ молодыхъ людей, зависитъ отъ разрѣшенія нижеслѣдующаго вопроса: *можно ли студенту, который всѣ предписанныя испытанія выдержалъ съ отличною честію, отказать въ докторскомъ дипломѣ потому, что написанную имъ на латинскомъ языкѣ диссертацию другой кто либо, болѣе знающій его этотъ языкъ, исправилъ въ словѣ?* Принявъ это за основаніе, надлежало бы всѣ дипломы, выданные отъ основанія нашего университета студентамъ, отобрать, ибо можно смѣло сказать, что по настоящее время не было ни одной студенческой диссертации на латинскомъ языкѣ, которая бы напечатана была безъ предварительныхъ поправокъ. И можетъ быть, нельзя иного раньше 50-ти лѣтъ и ожидать намъ, ибо въ гимназіяхъ нашихъ обученіе латинскому языку находится еще въ такомъ худомъ состояніи, что молодые люди, приходя оттуда въ университетъ, можно сказать, вовсе языка этого не знаютъ. Все, что въ продолженіе не многихъ учебныхъ лѣтъ съ возможнымъ прилежаніемъ приобрѣсти они успѣваютъ, состоитъ въ томъ, что могутъ наконецъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ, выдержать на немъ испытаніе и въ случаѣ нужды что нибудь написать, хотя и ошибочно, по латыни; да и могутъ ли они въ теченіи 3 или 4 лѣтъ столько въ немъ усовершенствоваться, чтобы быть уже въ состояніи написать что либо по латыни для печати и при этомъ такъ хорошо, чтобы не потребовало оно многократныхъ исправленій. По уставу о цензурѣ, нельзя печатать сочиненіе, наполненное грамматическими ошибками или несвойственными языку выраженіями. Сказать правду, хуже того еще: въ университетѣ нашемъ не много найдешь профессо-

ровъ, знающихъ латинскій языкъ въ такой степени, чтобы написанное ими на этомъ языкѣ не было наполнено барбаризмами и даже ошибками противъ грамматики. По крайней мѣрѣ профессоръ Дегуровъ, который напалъ на вышеозначенныхъ двухъ молодыхъ людей за диссертациі ихъ, принадлежитъ къ наименѣ свѣдующимъ въ латинскомъ языкѣ. Если бы ему самому пришлось для полученія докторской степени написать латинскую диссертацию, то я увѣренъ, что до отдачи ея въ печать надобно было бы ее всю переправить. По этому принесенная имъ жалоба не имѣетъ ни цѣли, ни смысла.

Впрочемъ, хуже всего то, что споръ, имъ произведенный, очевидно, противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ началамъ справедливости. Всюду, гдѣ только имѣютъ и признаютъ какія либо права, принято за аксіому: *audiatur et altera pars*. Въ настоящемъ спорѣ не было однако же это уважено. Съ самаго начала, какъ профессоръ Дегуровъ затѣялъ этотъ споръ, подавалъ я въ совѣтъ, одно за другимъ, четыре прошенія, въ которыхъ показывалъ несправедливость поступковъ профессора Дегурова и его прислужниковъ или сообщниковъ. Однако же, не только представленій моихъ не принимали, но не позволяли мнѣ и прочитатъ ихъ. Одинъ разъ, когда я потребовалъ, чтобы меня выслушали, причемъ сослался на 6-ю статью 55 § устава, въ которой значится: „*quicumque est contrariae sententiae, potest opinionem suam scriptim, notato nomine suo, declarare. Haec declaratio eam habet vim, ut ipsi respondendum non sit de communi decisione*“,—то засѣданіе тотчасъ было закрыто. Дѣло это началось съ того, что не хотѣли принимать моихъ представленій противъ очевидной несправедливости; въ такомъ же духѣ оно продолжалось, такъ и кончилось. Ибо когда наконецъ профессоръ Каменскій, занимавшій тогда мѣсто секретаря, предложилъ описаніе всего дѣла послать въ Петербургъ, и описаніе это представлено было потомъ этимъ профессоромъ, то профессоръ Рейтъ, бывшій деканомъ этико-политическаго отдѣленія, подалъ въ совѣтъ представленіе, въ которомъ говорилъ, что составленное профессоромъ Каменскимъ описаніе большею частію несправедливо. Рейтъ требовалъ, чтобы замѣчаніе его внесено было въ протоколъ совѣта и вмѣстѣ съ описаніемъ Каменскаго отправлено въ Петербургъ. Однако же и въ томъ, и въ другомъ было ему отказано. Хотѣли непременно, чтобы истина никакъ не могла открыться и сдѣлаться извѣстною въ Петербургѣ. При этомъ случаѣ я не могу удержаться, чтобы не привести одного мѣста изъ священнаго писанія, именно, гдѣ Иисусъ говоритъ: „*Omnis qui male agit, odit lucem, et non venit ad lucem, et non augurantur opera ejus. Qui autem facit veritatem, venit ad lucem, ut manifestentur opera ejus, quia in Deo sunt facta*“. Іоан. III, ст. 20—21.

Если во всемъ образованномъ мірѣ принимается за аксіому положеніе: *audiat et altera pars*; если самимъ даже злодѣямъ, заслужившимъ смерть, позволяется избрать для себя адвоката, то ваше сіятельство можете сами, могъ бы весь разсудительный и справедливый свѣтъ рѣшить, согласно ли съ истиною, было ли хотя малѣйшее правосудіе въ началѣ, продолженіи и окончаніи спора, возникшаго по личной ненависти ко мнѣ профессора Дегурова, спора, въ которомъ отъ начала до конца непринимаемо было никакое справедливое представленіе, гдѣ силою заглушаемы были голоса противной стороны. Истинное и послѣднее основаніе этого чуднаго ожесточенія противъ истины и справедливости заключается въ непримиримой ненависти, которую профессоръ Дегуровъ возымѣлъ къ моей философіи и которую успѣлъ онъ вдохнуть и въ другихъ. Ибо философія моя считаетъ за величайшее преступленіе распространеніе французскаго заразительнаго духа между россійскими воспитанниками; напротивъ она, письменно и словесно, старается о распространеніи вѣры, нравственности, любви къ отечеству и усердія къ общему благосостоянію. То, что въ сочиненіяхъ моихъ и чтеніяхъ всегда защищалъ я священный предметъ, поставлено мнѣ въ преступленіе, за которое и терплю гоненіе, за которое всѣ сочиненія мои частію перетолкованы въ худую сторону, частію же запрещены, и наконецъ за которое стараются меня вытѣснить изъ университета. Но я всегда поставлю себѣ за честь это мнимое преступленіе, буду продолжать держаться его, съ рвеніемъ до послѣдняго дыханія и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ съ похвальнымъ вѣнцомъ, съ полною довѣренностію явлюсь предъ престоломъ Создателя, гдѣ не будетъ уже лицепріятія, ни лести, ни обмана, ни злобы, но гдѣ принимаема будетъ одна истина, добродѣтель и справедливость, гдѣ Богъ осушитъ слезы съ очей вѣрующихъ въ него, гдѣ не слышно уже будетъ ни воздыханій, ни стоновъ притѣсненной невинности и попираемой заслуги. Той блаженной перемены, о которой воздыхаю я ежедневно, достигнуть скоро надѣяться меня заставляетъ слабое, частію отъ непрерывныхъ работъ, частію же отъ мучительныхъ болѣзней изнуренное здоровье. Въ полной увѣренности, что ваше сіятельство защищаете всегда справедливость, право, невинность и заслуги, остаюсь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства всенижайшимъ слугою профессоръ Шадъ“.

Записка эта не могла оказать вліянія на участь Шада, ибо извѣстное намъ рѣшеніе комитета министровъ состоялось 3 ноября, т. е. раньше отсылки ея въ Петербургъ. „8 декабря 1816 г., по предписанію министра полиціи, Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и

препровожденъ за границу. 13 декабря того же года въ совѣтъ доложено было сообщеніе кн. А. Н. Голицына о постановленіи комитета министровъ“ ¹⁾).

VIII.

Заграничная агитація по дѣлу Шада.

Министерство напрасно рассчитывало однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ дѣломъ Шада. Онъ обладалъ громаднымъ запасомъ жизненной энергіи, настойчивостью, упрямствомъ, вѣрою въ правоту своего дѣла; по его убѣжденію, истина рано или поздно должна была восторжествовать и на его обязанности и именно лежало раскрытіе правды, изобличеніе истинныхъ виновниковъ его несчастія. Наконецъ, онъ стремился и къ тому, чтобы русское правительство вознаградило его за нанесенный ему матеріальный ущербъ и обезпечило до нѣкоторой степени и его самого на старости лѣтъ, и въ особенности его семью, которая дѣйствительно страдала безъ всякой вины съ ея стороны.

Что же онъ могъ предпринять въ своемъ положеніи? Ему оставалось сдѣлать шумъ по своему дѣлу въ Германіи, чтобы воздѣйствовать, такъ сказать, дипломатическимъ путемъ на русское правительство или обратиться къ этому правительству непосредственно съ просьбою пересмотрѣть его дѣло и дать ему матеріальное и нравственное удовлетвореніе за причиненную несправедливость. Онъ рѣшился пустить въ ходъ и то, и другое средство—сначала обратился къ первому, а потомъ ко второму.

Агитаціи, поднятая имъ за границей, была очень велика. Прежде всего онъ самъ обратился къ суду общественнаго мнѣнія въ Германіи, напечатавъ въ газетѣ „Іенскія Всеобщія литературныя вѣдомости“ (№ 58 1817 года) слѣдующее письмо.

„Извѣщаю друзей моихъ, принимающихъ во мнѣ участіе, и всѣхъ ученыхъ Германіи, что меня постигла въ Россіи неожиданная ужасная и вовсе не заслуженная судьба. 5-го декабря прошлаго года получено было Харьковскимъ губернаторомъ приказаніе выслать меня изъ города и чрезъ Бѣлостокъ за границу. Это приказаніе исполнено было съ величайшею строгостью чрезъ 24 часа, въ теченіе которыхъ не имѣлъ я даже времени собрать нужныя путевыя деньги, долженъ былъ оставить любезную жену и дочь, которая подаетъ великую надежду, домъ, дворъ и все, что пріобрѣлъ неутомимыми трудами, и наконецъ на мой соб-

¹⁾ Чтеніе Моск. общ. 1873, кн. 2-я, стр. 44—45.

ственный счетъ многими извилинами и посреди самыхъ подлыхъ оскорбленій со стороны полицейскихъ командъ въ Польшѣ полумертвый былъ привезенъ на Прусскую землю, гдѣ немедленно нашедъ людей и человеколюбіе былъ какъ бы пробужденъ отъ смерти къ жизни. Знаю, что Императоръ, какъ извѣстный всей Европѣ, правосуднѣйшій и человеколюбивѣйшій государь не имѣетъ ни малѣйшаго участія въ этомъ искусно вымышленномъ безчеловѣчїи, знаю и то, что министры совершенно въ немъ невинны. Виновики несчастія моего и несчастія всего моего семейства суть только два человѣка, которыхъ въ свое время назову и изображу (*characterisiren*) всенародно, но нынѣ, полагаясь на мою невинность и на общее уваженіе, которымъ я пользовался не только въ городѣ Харьковѣ, но и во всей губерніи отъ всѣхъ состояній до послѣдней минуты моего отъѣзда, торжественно приглашаю и тѣхъ двухъ человѣкъ или всякаго другого въ Россіи упрекнуть меня въ какомъ бы то ни было преступленіи и обнародовать его въ Германіи. Тогда я (ибо въ Россіи не сообщено мнѣ никакого обвиненія, не укоряли меня ни въ какомъ преступленіи, не дали случая ни къ какой защитѣ) на публичное обвиненіе моихъ противниковъ буду и отвѣчать публично и если не дамъ удовлетворительнѣйшаго отвѣта на каждый изъ пунктовъ обвиненія, то добровольно опять явлюсь въ Россію и подвергнусь какому угодно наказанію. Между тѣмъ могу я сказать предварительно, что единственное мое преступленіе состояло въ томъ, что я защищалъ святѣйшее дѣло человечества, а именно дѣло религіи, добродѣтели, отечества и общаго благоденствія людей, изустно и письменно, съ большею ревностью, нежели то могли сносить французы и подобно имъ мыслящіе люди. Но этого преступленія не буду я никогда стыдиться, а напротивъ того намѣренъ впадать въ него до послѣдняго издыханія и если нужно, то и готовъ умереть за него. Кенигсбергъ, 13 февраля 1817 г. кол. сов. Шадъ“.

Посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ тайный совѣтникъ Алопеусъ извѣщалъ министра полиціи—ген. Вязьмитинова о невыгодномъ на счетъ Россіи впечатлѣніи, произведенномъ помѣщеніемъ въ нѣмецкихъ журналахъ статьи высланнаго за границу Шадъ. Онъ же Алопеусъ приложилъ и просьбу, поданную Шадомъ на Высочайшее имя. Министръ въ подлинникахъ представилъ эти бумаги кн. Голицыну. Вотъ письмо объ этомъ Алопеуса къ ген. Вязьмитинову.

Mon général! Je crois de mon devoir d'instruire Votre Excellence d'une affaire, qui produit une sensation défavorable à la Russie parmi les savants de l'Allemagne. Le conseiller de collège Schad, professeur à Carkow, ayant été mis à la frontière, publia dans les journaux littéraires,

qu'il avait été obligé d'abandonner femme, enfants et fortune et qu'on l'avait conduit accompagné de la police à la frontière sans articuler le crime, dont on le jugeoit coupable. Il attribua ce traitement aux intrigues des françois et de leurs adhérens en haine de l'animosité, qu'il avoit fait éclater contre eux lors de l'invasion de 1812. Quelque temps après il arriva ici et fut placé par la protection de son ancien collègue à Iena, le célèbre médecin Hufeland, comme professeur extraordinaire à l'université de Berlin. Il débita son histoire à tout venant et répandit ainsi l'opinion que les savans allemands en Russie étoient persécutés et sacrifiés aux françois. Pour étouffer ces propos, je le fis engager de passer chez moi et je lui dis, que si comme il en convenoit, il n'avait point à se plaindre de l'Empereur et de son Ministère, son tort étoit bien grave de commencer les confidences par le public. Il s'excusa par le désespoir et la misère, aux quels il étoit réduit et revint toujours à insister sur un dédommagement en argent. Lui ayant demandé un exposé par écrit de son aventure, il me le remit en forme de mémoires adressés à l'Empereur, que je joins ici. Les livres dont il est question se trouvent dans se paquet de ce jour.

Cet auteur plus fertile qu'estimé va sans doute le faire passer pour victime de sa haine contre les françois et c'est un moyen bien sûr de se mettre en faveur en Allemagne, mais comme il crie misère et comme il ne demande que de l'argent, il serait facile de lui fermer la bouche et il ne pensera plus au combat littéraire, au quel il défie. Les adversaires en leur proposant pour arène les journaux allemands. Alopeus".

Агитация дѣйствительно началась, какъ объ этомъ свидѣтельствуеть приводимое ниже письмо генеральнаго консула въ Гамбургѣ Струве къ генералу Визьмитинову.

M. le général! Je ne crois pas devoir laisser ignorer à votre Excellence que le rédacteur de la feuille dite: „Deutscher Beobachter“ imprimée ici, vient de recevoir de son correspondant à Berlin le cicjoint article concernant le professeur Schad renvoyé de l'université de Charkow. J'ai facilement obtenu de lui la suppression de cet article qui se trouve en opposition ouverte avec les principes de justice et d'humanité du Ministère Impérial; mais ne pouvant pas empêcher, qu'il ne soit peut être publié ailleurs, j'ai l'honneur d'en faire part à votre Excellence afin que, si elle juge à propos d'éclairer le public allemand sur le véritable motif du renvoi de ce professeur, je puisse rectifier les idées en cas de besoin. Hambourg 6 Mai 1817".

Къ этому письму приложена и самая выписка изъ письма изъ Берлина отъ 23 апрѣля 1817 г. слѣдующаго содержанія.

„За нѣсколько недѣль передъ этимъ прибылъ сюда коллежскій совѣтникъ Шадъ, находившійся съ 1804 г. профессоромъ философіи и латинской словесности въ Харьковѣ. Происшествіе, случившееся съ нимъ, возбуждаетъ не только здѣсь, но и во всей Германіи величайшее удивленіе. Въ исходѣ прошедшаго года приходитъ повелѣніе изъ Петербурга въ Харьковъ, чтобы профессора Шада въ 24 часа выслать изъ Харькова и чрезъ Бѣлостокъ выпроводить за границу. Онъ требуетъ увѣдомленія о причинѣ такого съ нимъ поступка, какой могъ бы употребленъ быть только съ преступникомъ; но ему не объявляютъ ни обвиненія, ни обвинителя. Не взирая ни на что, заставляютъ пожилаго и больного человѣка разстаться съ женою и 13 лѣтнею дочерью, покинуть домъ и книги свои и на собственный свой счетъ съ большими издержками ѣхать окольными дорогами и претерпѣвая множество обидъ и оскорбленій за границу. Къ происшествію этому не можетъ равнодушно отнестись и Россійское правительство. Какой нѣмецкій ученый рѣшится впредь поступить на службу въ русскій университетъ, если въ воздаяніе за труды свои долженъ опасаться подобнаго же поступка. Иванъ Шадъ, уроженецъ Вюрцбургскій, извѣстенъ въ Іенѣ, какъ человѣкъ безпорочныхъ правилъ и притомъ основательно ученый мужъ. Онъ преподавалъ тамъ публичные уроки и во всей Германіи извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ. Въ особенности оказалъ онъ великія услуги Харьковскому университету. Тѣмъ больше приводитъ всѣхъ въ удивленіе безчеловѣчный съ нимъ поступокъ. Нынѣ онъ обратился съ просьбою къ Россійскому Императору и нельзя никакъ сомнѣваться, чтобы этотъ истинно христіанскаго духа Государь не оказалъ вспоможенія своему притѣсненному. Ибо когда не отказано было апостолу Павлу видѣть обвинителей своихъ предъ собою, хотя то было и во время свирѣпаго языческаго кесаря Нерона, то кольми паче можетъ честный Шадъ надѣяться, что челолюбивый Александръ, учредитель христіанскаго союза, окажетъ ему всю справедливость. Г. Шадъ догадывается, что бывшій нѣкогда въ Парижѣ французскій книгопродавецъ, который недавно опредѣленъ въ Харьковскій университетъ, и нѣкоторый польскій графъ въ Петербургѣ, оба французскіе идолослужители навлекли на него это несчастіе, ибо Шадъ всегда открытымъ образомъ порицалъ французовъ за ихъ легкомысліе, нечестіе и безчеловѣчіе. Всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія Императора Александра“.

Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ далъ генералу Вязьмитинову слѣдующій отвѣтъ.

„На 2-е отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 9-го и 11 мая касательно бывшаго въ Харьковскомъ университетѣ профессора

Шада, высланнаго за границу и нынѣ въ нѣмецкихъ газетахъ публикующаго разные невыгодные отзывы на счетъ россійскаго правительства, честь имѣю увѣдомить васъ, милостивый государь, что я отнесся объ этомъ обстоятельстве по принадлежности къ графу Каподистрію, дабы онъ далъ приличное наставленіе обѣимъ нашимъ миссіямъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ, какъ имъ поступить для отраженія таковыхъ отзывовъ Шада или же чтобы привести его къ молчанію. На сей конецъ сообщилъ я графу надлежащее свѣдѣніе о дѣлѣ и поступкахъ Шада, по коимъ признано было за нужное не только удалить его изъ университета, но и выслать за границу“.

1817 г. мая 17 дня министру иностранныхъ дѣлъ графу Каподистрію онъ написалъ слѣдующее письмо.

„Милостивый государь, графъ Иванъ Антонович!“

По увѣдомленію посланника нашего при Прусскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Гамбургѣ, бывшій въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ Шадъ, высланный по повелѣнію здѣшняго правительства за границу, старается чрезъ газеты и журналы въ Нѣмецкой землѣ распространить невыгодныя на счетъ здѣшняго правительства заключенія и поставить себя въ глазахъ тамошней публики и ученаго свѣта не заслужившимъ будто бы такой участи, гоненія и личной клеветы. Тайный совѣтникъ Алопеусъ прислалъ притомъ и отъ самого Шада просьбу къ Его Императорскому Величеству, въ коей онъ съ непостижимымъ безстыдствомъ, превращая истину, старается представить себя въ самомъ выгоднѣйшемъ видѣ со стороны нравственности, привязанности къ религіи и пользы, каковую принесъ свѣту ученому вообще и Харьковскому университету въ особенности и требуетъ себѣ такихъ вознагражденій отъ Государя Императора, какихъ безъ всякаго сомнѣнія онъ не только не заслуживаетъ, но которыя притомъ послужили бы нареканіемъ для Россійскаго правительства, еслибы человекъ, подобный Шаду, получилъ ихъ послѣ высылки за границу. Настоящія правила его къ сожалѣнію не довольно скоро могли сдѣлаться извѣстны въ Россіи, гдѣ въ послѣдствіи только изданныя имъ для употребленія учащихся книги „De viris illustribus“ и „Institutiones juris naturae“, кои велѣно запретить и уничтожить, и другія обстоятельства его жизни, обратили на него вниманіе и подали поводъ къ открытію духа его и въ прочихъ сочиненіяхъ, въ Германіи имъ изданныхъ и на кои онъ ссылается съ столь смѣлою и удивительною надеждою. Въ приложенномъ имъ при просьбѣ своей реестрѣ книгъ, имъ изданныхъ, есть описаніе его жизни и другая, которую онъ, какъ видно, не называлъ настоящимъ ея титуломъ, подъ коимъ она въ Эрфуртѣ на-

печатана (Leben und.), эти двѣ книги довольно уже показываютъ степень его нравственности и религіи въ такомъ видѣ, который долженъ ужаснуть всякаго благомыслящаго и поставляютъ даже въ необходимость ограждать по возможности и другихъ отъ дачи вѣры той благовидной личинѣ, какую онъ на себя столь отважно принимаетъ и становится посему тѣмъ опаснѣйшимъ для общества человѣкомъ. Въ отвѣтъ на напечатанную Шадоу въ Галльской литературной газетѣ статью, послано уже туда приватнымъ образомъ объясненіе, для помѣщенія въ ней. Нынѣ по случаю упомянутыхъ отношеній г. тайн. сов. Алопеуса и кол. сов. Струве, къ управляющему министерствомъ полиціи, который ихъ доставилъ мнѣ, считаю я за нужное препроводить къ вашему сіятельству какъ самыя эти отношенія съ приложеніями, такъ и списки со статьи, помѣщенной Шадоу въ Галльской газетѣ, и объявленія отъ насъ, на нее посланныя. Я прошу покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, не оставить нужнымъ наставленіемъ означенныя миссіи наши въ Берлинѣ и Гамбургѣ, для отраженія дерзновенныхъ покушеній Шада опорочивать въ Германскихъ публичныхъ листахъ Россійское правительство и носить на себѣ личину, которая такъ ему не свойственна. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что и г. Алопеусъ въ отношеніи своемъ называетъ Шада *auteur plus fertile qu'estimé*; слѣдовательно, собственныя его увѣренія, будто бы онъ вообще весьма уважается въ Германіи, показываютъ уже довольно, какую степень вѣроятія заслуживаютъ таковыя его похвалы и рекомендаціи самому себѣ. Упомянутымъ миссіямъ можно предоставить на ихъ усмотрѣніе, найдутъ ли нужнымъ помѣстить въ газетахъ Берлинскихъ и Гамбургскихъ подобныя возраженія на Шадовы публикаціи или инымъ образомъ привести его къ молчанію. Прося ваше сіятельство увѣдомить меня о послѣдствіяхъ, какия по сему будутъ, имѣю честь быть князь А. Голицынъ. Спб. 17 мая, 1817 г. Р. S. Полученныя мною бумаги отъ Сергѣя Козьмича я препроводилъ къ вашему сіятельству съ тѣмъ, что ежели найдете нужнымъ, то доложите Государю Императору“.

Возраженіе, отправленное въ заграничныя газеты, было таково:

„Г. докторъ Шадъ, посредствомъ весьма извѣстной литературной газеты (*die Hallische allgemeine Literatur-Zeitung* марта, 1817. № 58) подъ статью изъ Кенигсберга отъ 13-го февраля сего года, старался распространить повсюду разглашеніе, какъ будто бы Россійское правительство по одной только клеветѣ личныхъ его непріятелей, безъ всякой законной причины и безъ разсмотрѣнія, вдругъ удалило его изъ государства. При этомъ упоминаетъ онъ, что все его преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ всегда защищалъ святѣйшее дѣло человѣче-

ства, а именно дѣло религіи, добродѣтели и общаго благоденствія людей, словесно и письменно.

Послѣ такихъ показаній, которыя многихъ, незнающихъ обстоятельствъ дѣла, могутъ привести къ несправедливымъ заключеніямъ, не излишне будетъ объявить здѣсь чрезъ это по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, что дерзновенныя обвиненія со стороны И. Шада, какъ будто бы онъ сдѣлался жертвою личной вражды и какъ будто бы выслали его изъ Россіи безъ разсмотрѣнія причины, совершенно ложны. Напротивъ того, мы можемъ удостовѣрить, что дѣло И. Шада было строго и весьма осторожно разсматриваемо и изъ него оказалась необходимость удалить немедленно такого человѣка, который поставилъ себѣ цѣлью посредствомъ учебныхъ книгъ распространять въ Россіи правила, кои тамъ никакъ не могутъ быть терпимы и каковыя попечительное о благѣ жителей этого государства правительство старается всячески искоренять. Съ одной стороны мы желаемъ обнаружить неосновательность порицательныхъ показаній Шада, съ другой—можетъ быть заслужимъ и благодарность, когда доведемъ до всеобщаго свѣдѣнія, каковы суть тѣ правила религіи и нравственности, на кои онъ съ такою надеждою ссылается. Посему нужно только каждому, желающему поближе его узнать, обратиться къ собственному его жизнеописанію (Исторія жизни и монастырскаго житія доктора Шада въ Эрфуртѣ. 1803 г.) и другимъ подобнымъ же его сочиненіямъ. Изъ этихъ книгъ весьма ясно усмотрѣть можно, каковы его понятія о религіи и морали. Двѣ книги, сочиненныя имъ для юношества недавно по порученію начальства въ Россіи, показали наконецъ несомнѣнно, что И. Шадъ всѣ правила, обнаруженныя въ прежнихъ сочиненіяхъ, питаетъ въ себѣ и понынѣ, и потому въ качествѣ наставника юношества никакъ терпимъ быть не можетъ, какъ вредный человѣкъ. Поэтому мы не сомнѣваемся, что послѣ этого никто, зная ближе обстоятельства жизни этого человѣка, не удивится болѣе постигшей его участи. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ прибавить, что вызовъ И. Шада отвѣчать публично на всѣ могущія быть обвиненія, гдѣ и когда бы то не потребовалось, къ его оправданію, есть только необдуманное хвастовство. Можно себѣ легко представить, что если бы Россійское правительство хотѣло съ нимъ поступить по всей строгости, какъ онъ того заслуживаетъ, то оно не выслало бы его за границу. Но намъ кажется, что Шадъ провозглашаетъ невинность свою единственно по одинаковой съ нами увѣренности въ томъ, что Россійское правительство всегда будетъ считать низкимъ для себя отвѣчать на всѣ его язвительныя жалобы“.

*

Итакъ, Шадъ въ одномъ отношеніи достигъ своей цѣли: онъ привлекъ общественное мнѣніе во всей Германіи къ своему дѣлу и вызвалъ къ себѣ, какъ невинно потерпѣвшему, общія симпатіи. Любопытно, какъ постепенно онъ раскрывалъ подробности и причины своего изгнанія. Сначала просто говорится о двухъ виновникахъ его бѣдствій, потомъ уже называется по имени Дегуровъ, а о Потоцкомъ все таки нѣтъ упоминанія—говорится просто о нѣкоемъ польскомъ графѣ; личность Государя Александра I и его министровъ совершенно выгораживается, конечно, изъ политическихъ соображеній, чтобы добиться такимъ путемъ реабилитаціи, чтобы дать кн. А. Н. Голицыну мостикъ для пересмотра дѣла. Но все было тщетно—министры только озлобились на Шада за шумъ, поднятый имъ за границей, хотя, судя по одному намеку въ приведенномъ нами письмѣ кн. Голицына къ гр. Каподистріа, не прочь были купить его молчаніе извѣстною суммою денегъ.

IX.

Оправдательная и просительная записки Шада, изъ Іены, 1818 года.

Въ 1818 году 4 декабря Шадъ отправилъ изъ Іены въ Петербургъ оправдательную записку, въ которой защищалъ свои книги отъ обвиненій Дегурова. Вотъ текстъ его записки „Сочинитель приложенныхъ при этомъ обвинительныхъ пунктовъ, кои я недавно изъ Россіи получилъ,—родомъ французъ, прозывающійся Дюгуромъ, но съ нѣкотораго времени принявшій фамилію Дегурова и состоявшій профессоромъ при Харьковскомъ университетѣ. Этотъ человекъ возмѣлъ противъ меня смертельную ненависть за сильное отвращеніе, которое я обнаруживалъ въ разныхъ сочиненіяхъ моихъ, и въ особенности въ „Правѣ естественномъ“, противъ жестокости французской революціи и тиранской системы Наполеона. Въ 1816 году пріобрѣлъ онъ сильнаго покровителя въ лицѣ графа Северина-Потоцкаго, который по шестилѣтнемъ изъ университета отсутствіи, возвратился наконецъ изъ Польши и который по этой же причинѣ негодовалъ на меня за мои сочиненія. Онъ самъ побуждалъ профессора Дегурова къ тому, чтобы учинить доносъ на мою книгу о Естественномъ правѣ. Тотъ же, въ надеждѣ на покровительство графа, который въ то время занималъ важную должность попечителя Харьковского университета, представилъ эти обвинительные пункты бывшему въ то время министру графу Разумовскому, который поручилъ попечителю ихъ рассмотреть. Но какъ этотъ послѣдній находился уже съ

доносителемъ въ согласіи, то и осудилъ мою книгу, какъ зловредную для юношества и порицающую разныя установленія Россійскаго государства. Дѣло это продолжалось около года и было внесено наконецъ въ комитетъ министровъ въ Санктпетербургѣ, при донесеніи попечителя, что учиненный на меня доносъ изслѣдованъ самымъ строгимъ и безпристрастнымъ образомъ и найденъ весьма основательнымъ. Такимъ образомъ, состоялось повелѣніе къ Харьковскому гражданскому губернатору выслать меня немедленно изъ города и препроводить за границу, которое и было исполнено со всею строгостію 8 декабря 1816 года, такъ что не приняли даже въ уваженіе и смертельной болѣзни, которою я въ то время былъ одержимъ. Я долженъ былъ внезапно оставить мое семейство, два собственные мои дома въ Харьковѣ и все прочее имущество; какъ преступникъ выпровоженъ былъ изъ государства подъ воинскимъ прикрытіемъ и въ престарѣлыхъ лѣтахъ отправленъ въ Германію во время всеобщаго голода и въ теченіи двухъ лѣтъ преданъ всѣмъ бѣдствіямъ. Все это произведено надо мною такъ, что мнѣ не было предоставлено права собственной защиты, священнаго для всѣхъ народовъ. Но въ такомъ беззащитномъ положеніи всего ужаснѣе для меня то, что при этомъ несчастіи я лишился всего своего имущества, пріобрѣтеннаго бережливостію и неутомимымъ трудолюбіемъ, ибо при внезапномъ моемъ изгнаніи около 20.000 р. изъ него пропали для меня безвозвратно. Еще оставалось только 10.800 рублей, на которые векселя привезла съ собою несчастная жена моя, пріѣхавшая ко мнѣ въ Германію въ прошедшемъ году. Эти векселя были мною препровождены въ узаконенный срокъ чрезъ великогерцогскую Іенскую городскую управу въ Харьковскій университетъ при прошеніи доставить ко мнѣ деньги, но ни въ управу, ни ко мнѣ никакого отвѣта не послѣдовало. Это заставляетъ меня опасаться, что меня намѣрены лишить и этого малаго остатка моего имущества, дабы вмѣстѣ съ женою моею и сыномъ оставить на жертву голодной смерти. Кто только прочтетъ эти пункты и сличить съ моею книгою, приведенъ будетъ въ изумленіе ужаснымъ жребіемъ меня постигшимъ, и неслыханнымъ дерзновеніемъ доносителя, ибо книга эта заключаетъ въ себѣ совершенно противное тому, въ чемъ онъ меня обвиняетъ и за что я осужденъ. Главныя обвиненія состоятъ въ томъ, что изложенныя мною мнѣнія о власти Государя противорѣчатъ господствующимъ въ Россіи понятіямъ и что даже въ этой книгѣ есть мѣста, содержащія въ себѣ самыя нелѣпыя порицанія существующихъ въ Россійской Имперіи установленій; наконецъ, что я объ обязанностяхъ супружества говорю оскорбительнымъ для нравственности образомъ. Въ доказательство своихъ обвине-

нѣй доноситель приводитъ страницы 175, 385, 183, 302, 283. Чтобы представить во всей ясности неслыханную клевету его, прошу всякаго, разумѣющаго латинскій языкъ, прочесть эти мѣста въ самой книгѣ, здѣсь представляю ихъ въ переводѣ. На стр. 174 и 175 говорю я о власти Государи слѣдующее. „Такъ точно, какъ нѣтъ безусловной собственности надъ вещами, такъ нѣтъ ея и надъ дѣянiями. Ибо какъ скоро какое нибудь дѣянiе представляется внѣшнимъ образомъ, то принимаетъ видъ общественности и съ тѣхъ поръ перестаетъ быть исключительною собственностію того, кто его совершилъ. Можно представить себѣ дѣянiя такого рода, что они, не будучи противными справедливости, ни честности, при всемъ томъ могутъ быть обществу вредны, по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, которыхъ напередъ опредѣлить невозможно. На этомъ основаніи повелители народовъ имѣютъ полное право ограничивать право свободы въ отношеніи внѣшнихъ дѣянiй, и даже такъ, что дѣянiя по наружности самыя невинныя могутъ быть ими возбраняемы. Нельзя ихъ упрекнуть въ тиранствѣ и въ такомъ случаѣ, когда они не объявляютъ на то никакой причины, ибо благоразуміе требуетъ иногда, чтобы самыя полезныя и справедливыя намѣренія скрываемы были безмолвіемъ, и если это наблюдается въ частной жизни, то колыми паче должно быть наблюдаемо въ дѣлахъ государственныхъ. Но такимъ образомъ, скажутъ нѣкоторые, водворяется тиранство: *такъ мнѣ удобно; такъ я повелѣваю; воля моя да будетъ вмѣсто всякаго основанiя*. Этому никакъ не должно опасаться, ибо если бы даже и то предположить, чтобы Государь могъ дѣйствительно что либо повелѣть по единому своему произволу и не принимая въ уваженіе общественной пользы, то таковое его повелѣніе собственною своею слабостію конечно уничтожится. Цицеронъ справедливо говоритъ о мнѣніяхъ: *мечтательныя сплетенiя мнѣній истребляетъ время, а судъ природы оно утверждаетъ*. Это самое можно сказать и о законахъ: законъ, постановленный Государемъ въ противность естественнаго порядка и духа народнаго, никакъ не можетъ долго удержаться. По этой причинѣ гражданскимъ законамъ надлежитъ повиноваться и тогда, когда ими предписываются даже и такія дѣянiя, въ которыхъ не усматривается никакой соприкосновенности съ общою пользою, или возбраняются такія, которыя кажутся неважными и невинными. Безусловная свобода въ дѣянiяхъ тогда только имѣетъ мѣсто, когда повелѣвается что либо явно противное безусловному праву или таковой же обязанности“.

Можетъ ли кто со всѣмъ возможнымъ утонченіемъ разума найти здѣсь что либо противное правамъ какого бы то нибыло государя,

если не представить себѣ вмѣсто государя величайшаго тирана, требующаго повиновенія даже и тогда, когда его повелѣнія явно противорѣчаютъ совѣсти всякаго одареннаго разсудкомъ человѣка? Но безстыдство доносителя, ставящаго россійскихъ монарховъ въ число таковыхъ тирановъ, явствуетъ еще и изъ слѣдующаго приводимаго имъ на стр. 345 мѣста.

„Долгъ подданныхъ въ отношеніи къ государю заключается въ себѣ слѣдующія части: а) совершенный долгъ повиновенія; этимъ не отымается у нихъ право не повиноваться тогда, когда предписывается что либо явно противное безусловному праву или безусловной обязанности. Посему весьма вредно заблужденіе Гоббеса, полагающаго, что всякое понятіе о правомъ и неправомъ зависитъ отъ гражданскихъ установленій; б) долгъ терпѣнія или долгъ не сопротивляться государю; в) отрицательный и положительный долгъ вѣрности. Первый состоитъ въ томъ, что бы подданные не стремились къ нововведеніямъ и не ниспровергали правительства; каковому долгу наиболѣе противоположно преступленіе оскорбленія Величества. Предметъ другаго состоитъ въ томъ, чтобы подданные соблюдали ненарушимую вѣрность къ государю, какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ, и ревностно споспѣшествовали какъ общей цѣли, такъ и частнымъ предметамъ правительства“.

Если доноситель находитъ здѣсь что нибудь противорѣчащее вообще принятымъ въ Россіи понятіямъ о правахъ государя, то это не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ положеніи, что подданные тогда только не обязаны повиноваться, когда имъ предписывается что либо, явно и совершенно противное долгу и что различіе между правымъ и неправымъ не изъ гражданского законоположенія проистекаетъ, какъ то утверждаетъ Гоббесъ, но зависитъ отъ предвѣчнаго разума. Если такое мнѣніе мое есть государственное преступленіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе доносителя безспорно значить слѣдующее: 1) что по общепринятому въ Россіи понятію о правѣ, повиноваться должно даже и тогда, когда государь повелѣваетъ что либо, явно противное совѣсти; 2) что россійскіе монархи имѣютъ такое право и слѣдовательно ужаснѣйшіе тираны и 3) что между правымъ и неправымъ нѣтъ инаго различія, какъ то, какое опредѣляется гражданскимъ законодательствомъ. Кто не усмотритъ въ этомъ мнѣніи самаго дерзкаго порицанія россійской жизни, россійскаго монарха, законоположенія сего государства, религіи, добродѣтели и всякаго права? И чрезъ столь дерзкаго доносителя и клеветника повергается въ бездну злоключеній съ цѣлымъ семействомъ своимъ человѣкъ совершенно невинный, одушевленный ревностію къ Россіи, къ религіи и къ добро-

дѣтели, осужденный по одному только доносу. Сколь постыднымъ образомъ употребляется при этомъ во зло священное имя правосуднѣйшаго и милосердаго Императора и въ сколь ненавистномъ видѣ представляется руссiйское правительство и самая нація руссiйская предъ всѣми иностранцами? Какой ударъ нанесенъ этимъ злодѣянiемъ всѣмъ учебнымъ заведенiямъ въ Россiи? Кто изъ числа ученыхъ иностранцевъ осмѣлится впредь принять приглашенiе на прiѣздъ въ Россiю, увѣдавъ объ участи, постигшей меня за книгу, въ которой съ чистѣйшею ревностiю защищаются истины священнѣйшiя, необходимѣйшiя какъ для правительства, такъ и для частныхъ людей, и предписываемыя какъ разумомъ, такъ и самою христiанскою религiею; за книгу, пропущенную цензурою университета и принятую всѣми учеными и благонамѣренными людьми съ отличнымъ одобренiемъ? Кто на предбудущее время будетъ почитать себя безопаснымъ въ Россiйской Имперiи, если по одному доносу злобнаго и лукаваго клеветника, дѣлають несчастнымъ человѣкомъ невиннаго и заслуженнаго, со всѣмъ его семействомъ, безъ принятiя отъ него оправданiя, въ глубокой старости лишаютъ его мѣста, изгоняють изъ Россiйской Имперiи и даже лишаютъ имущества? Таковы послѣдствiя этой безстыдной клеветы и участь, которой она меня подвергла.

Но злое намѣренiе доносителя открывается еще болѣе изъ слѣдующихъ обвиненiй. Дабы доказать, что книга моя содержитъ въ себѣ самыя нелѣпыя порицанiя существующихъ въ Россiйской имперiи установленiй, онъ приводитъ стр. 182 и 302. На стр. 182 и 183 сказано. „Есть истины, которыя преподавать и утверждать новыми доказательствами, дабы тѣмъ тверже укоренить ихъ въ душахъ людей, не можетъ быть возбраняемо никѣмъ и ни въ какое время, такого рода истины суть тѣ, которыя принадлежать къ высшей цѣли человѣческаго бытiя и вся христiанская религiя есть ничто иное, какъ совокупность таковыхъ истинъ. По этой причинѣ она была проповѣдуема съ полнымъ правомъ въ цѣломъ мірѣ, въ пренебреженiе воспрещенiя тирановъ и предстоявшей смертной казни. Къ числу этихъ истинъ принадлежать и тѣ, что добродѣтель имѣетъ самобытное достоинство, и что въ почитанiи ея состоитъ высшее достоинство человѣка. Возбраняющiй таковыя истины явно обнаруживаетъ тиранскiй образъ мыслей. По сему ни что мнѣ не показалось достойнѣе замѣчанiя, какъ написанное Рейнардомъ въ письмахъ его о Парижѣ относительно Наполеона, бывшаго еще первымъ консуломъ, то есть, что онъ не дозволилъ издать въ свѣтъ нѣкоторыхъ разсужденiй, сочиненныхъ Дегерандомъ о самобыт-

номъ достоинствѣ добродѣтели. Одинъ этотъ поступокъ ясно показалъ мнѣ душу этого государя; ибо кѣмъ обладаетъ безпредѣльное властолюбіе, тотъ поступилъ бы неблагоразумно, если бы допустилъ приписать добродѣтели безпредѣльную силу и достоинство. Безусловное владычество принадлежитъ одной только добродѣтели, которая, если когда либо распространится въ цѣломъ народѣ, рано или поздно низвергнетъ всякую тиранскую власть, хотя бы она и была основана на всѣхъ прелестяхъ или на всѣхъ ужасахъ физической природы. Тираны не терпятъ въ гражданахъ истинной добродѣтели; добродѣтель, которую они требуютъ,—это рабство, готовое на все изъ надежды или страха, слѣпое повиновеніе всѣмъ ихъ желаніямъ, готовность исполнять самыя постыдныя ихъ приказанія, величайшее развращеніе нравовъ и совершенное уничтоженіе достоинства человѣка“.

Каждый читающій это мѣсто, видитъ, что я говорю здѣсь о всеобщемъ тиранѣ и въ отношеніи къ нему утверждаю о безусловномъ достоинствѣ добродѣтели; если это мѣсто заключаетъ въ себѣ постыдное порицаніе существующихъ въ Россіи постановленій, то изъ этого слѣдуетъ, что въ Россіи законы не признаютъ достоинства добродѣтели, что она даже принадлежитъ къ государственнымъ преступленіямъ и что потому первые наставники въ христіанской религіи и самъ Іисусъ Христосъ были преступниками и законно наказаны смертію. И такъ, обвинитель, утверждающій это, не произноситъ ли тѣмъ самымъ величайшую хулу на государственныя постановленія Россійской Имперіи? Возможно ли смѣшивать власть Россійскаго Государя съ военнымъ деспотизмомъ Наполеона и образъ правленія въ Россіи съ тиранскою системою этого разрушителя вселенной?

Второе мѣсто, приводимое обвинителемъ въ доказательство того, что я порицалъ Россійскія постановленія, взято съ 302 стр. Доказавъ на стр. 201—294, частію умозаключеніями, частію мѣстами изъ Новаго Завѣта, что любострастіе и полигамія противны естественному праву, я наконецъ на стр. 302 заключаю слѣдующимъ образомъ. „Хотя сохраненіе и умноженіе рода человѣческаго не есть первая и единственная цѣль супружеской связи, однакожъ право естественное требуетъ не дѣлать ничего, что могло бы останавливать и препятствовать этой цѣли, ибо производящія силы того, который дается такимъ распутствамъ, естественнымъ образомъ мало по малу ослабѣваютъ и истощаются. Ничто напротивъ того не способствуетъ болѣе плодородію супружеской связи, какъ умѣренность и воздержность обоихъ половъ и взаимная, вѣрная, непорочная, исключительная любовь супруговъ. Также совершенно противно справедливости употреблять человѣка,

какъ простое орудіе: а это и происходитъ при полигаміи, которая по сему и должна быть запрещаемая гражданскими постановленіями. Тотъ, который вступаетъ и сохраняетъ связь со многими женщинами, тотъ употребляетъ этотъ полъ, какъ простое средство для удовлетворенія необузданныхъ своихъ похотей и слѣдовательно поступаетъ съ нимъ самымъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ. Это тиранство, это нарушеніе самыхъ священнѣйшихъ правъ, которыми пользуются какъ мужчины, такъ и женщины, это постыдное обхожденіе и обезчещеніе другого пола и наконецъ происходящее отсюда всеобщее развращеніе нравовъ—можетъ ли все это быть терпимо въ государствѣ, въ которомъ находится малѣйшее чувство человѣколюбія и справедливости?

Можетъ ли кто находить въ этомъ мѣстѣ что либо оскорбительное для государственныхъ постановленій Россіи, не предполагая, что любострастіе, распутство и полигамія въ Россіи законами предписаны и покровительствованы и можетъ ли это утверждать, не произнося безстыднѣйшей клеветы надъ государственными постановленіями Россіи? Такое порицаніе явнымъ образомъ сдѣлано моимъ обвинителемъ. Я напротивъ того ничего не утверждалъ, что бы не было основано на разумѣ и постановлено Священнымъ писаніемъ и російскими законами, которые требуютъ справедливости, добродѣтели, чистоты нравовъ, никогда не одобряютъ и не предписываютъ распутства, расторгающаго самыя священнѣйшія узы супружества. Столь же ложно обвиненіе его, будто я объ этой связи выражаюсь неприличнымъ и безстыднымъ образомъ. Мѣсто, въ которомъ я объ этомъ говорю, слишкомъ длинно, дабы его здѣсь выписать, оно простирается отъ стр. 283 до 320. Но я съ увѣренностью могу ссылаться на каждого читателя; кто прочтетъ это разсужденіе о супружествѣ, тотъ найдетъ, что я изъясняюсь объ этомъ столь важномъ предметѣ по чистѣйшимъ понятіямъ, внушаемымъ намъ разумомъ и Священнымъ писаніемъ. Съ совершеннымъ спокойствіемъ могу и разсужденія эти предать на судъ всего ученаго свѣта.

Если наконецъ обвинитель мой утверждаетъ, что я въ главныхъ пунктахъ слѣдую философіи Шеллинга, что это его сужденіе—весьма дерзко, потому что, не зная ни мало нѣмецкаго языка, онъ о томъ совершенно судить не можетъ. Шеллингъ никогда не писалъ естественнаго права или чего нибудь подобнаго; слѣдовательно, онъ въ этомъ отношеніи никакъ не могъ быть моимъ руководителемъ. Моя система состоитъ въ совершенно другой и болѣе высокой сферѣ, чѣмъ система Шеллинга. Предметъ философскаго изслѣдованія Шеллинга—физика. Цѣль же моей философіи состоитъ въ томъ, дабы положить твердое и непоколебимое основаніе важнѣйшимъ и священнѣйшимъ истинамъ,

безъ коихъ человѣкъ ни добрымъ, ни счастливымъ сдѣлаться не можетъ и къ которымъ относятся: существованіе Бога, свобода человѣческой воли, совершенное достоинство добродѣтели и безсмертіе души. Моя система клонится къ тому, дабы внушить человѣку твердую и неколеблемую сомнѣніями любовь къ добродѣтели, къ религіи, къ христіанству и къ предвѣчному праву. Каждый, читающій мои сочиненія, легко въ этомъ можетъ удостовѣриться. Я никогда не желалъ споспѣшествовать сочиненіями своими нынѣ царствующей въ Германіи философіи, распространяющей сомнѣнія о важнѣйшихъ и спасительныхъ истинахъ. Я явнымъ образомъ встаю противъ нее и цѣль моя клонится къ тому, дабы разрушить до основанія эту, по моему мнѣнію, столь вредную философію, истребить сомнѣнія въ разсужденіи истинъ, составляющихъ достоинство и счастье человѣка, и доставить христіанской религіи уваженіе, любовь и Божественную силу, которой старается ея лишить эта высокоумная философія, на невѣжествѣ и любви къ порокамъ основанная. Вотъ священная цѣль, къ которой я стремился въ моей философіи, вотъ правое дѣло, которое я защищалъ изданными въ Россіи сочиненіями своими, за него стоять буду до послѣдняго издыханія и если нужно, пожертвую самою жизнію. Французскій бродяга, бывшій въ Парижѣ книгопродавцемъ во время революціи и отличившійся стараніемъ развращать народъ, обвинилъ меня въ преступленіи и ввергъ въ несчастіе потому только, что я мыслилъ и поступалъ по священнымъ правиламъ, обнаруживающимся во всѣхъ сочиненіяхъ моихъ и въ особенности въ изданномъ мною правѣ народномъ. Но я предъ цѣлымъ свѣтомъ горжусь таковымъ преступленіемъ; и покуда человѣколюбіе, добродѣтель, христіанство и религія существовать будутъ между людьми, дотолѣ сочиненія мои будутъ уважаться и благословляться. Дабы обнаружить невинность свою, мнѣ только нужно издать сочиненія свои въ Германіи и представить на судъ ученому свѣту, который не обращаетъ вниманія на хитрость и коварства француза и который лишитъ клевету ядовитаго ея жала.

Обвинитель мой явно показываетъ себя ревностнымъ приверженцемъ всеобщаго тирана и той презрѣнной части французской націи, которая ознаменовала себя злодѣяніями всякаго рода, ибо онъ не страшится порицать тѣхъ мѣстъ моего народнаго права, въ которыхъ я обнаруживаю живѣйшее отвращеніе къ тиранской системѣ Наполеона и къ ужасамъ французской революціи, какъ наприм. на стр. 36, 170, 218, 232, 225—232.

Человѣкъ, который еще во Франціи во время революціи старался развращать юношество, конечно не могъ не возненавидѣть и не горѣть

желаніемъ отомстить мнѣ за священные и патріотическія чувства, которыя я обнаруживалъ въ моемъ народномъ правѣ и которыми старался одушевлять русское юношество. Въ доказательство же того, что этотъ человекъ во Франціи дѣйствительно способствовалъ развращенію народа, могу я привести здѣсь французскую книгу подъ заглавіемъ: „Les siècles littéraires“, во второй части которой въ статьѣ Degour приписывается ему между другими подозрительными сочиненіями и книга: „Nouvelle rhétorique françoise à l'usage des jeunes demoiselles, avec des exemples tirés des sermons prononcés, à l'assemblée nationale et des ouvrages de Voltaire, Rousseau, Raynal, Montesquieu“. Всѣмъ извѣстно, что не за долго до смерти короля, послѣдовавшей въ 1791 году, (а тогда и книга эта была издана), читаемы были въ національномъ собраніи рѣчи противъ лучшаго изъ государей, противъ дворянства, духовенства, религіи и всѣхъ гражданскихъ узаконеній. Правилами, почерпнутыми изъ таковыхъ рѣчей, этотъ развратитель народа старался искоренить въ нѣжныхъ сердцахъ дѣвицъ всѣ чувства добродѣтели и внушить имъ жестокосердіе.

Этотъ самый Дегуровъ, находясь подъ покровительствомъ графа Северина Потоцкаго, оклеветалъ меня самымъ коварнымъ образомъ предъ русскими министрами и свергъ въ несчастіе меня и семейство мое. Я столь твердо увѣренъ въ своей невинности, что не страшился предложить Его Королевскому Высочеству великому герцогу Веймарскому выдать меня Россіи и послѣ предать самымъ тяжкимъ наказаніямъ, если я обличенъ буду въ преступленіи; и я только прошу позволить мнѣ на каждое обвиненіе представить свое оправданіе—право, которое даруется и преступнику, заслуживающему смерть. Еще разъ повторяю, что если сочиненія мои предложены будутъ въ Германіи на разсмотрѣніе собранія ученыхъ, благоразумныхъ и безпристрастныхъ людей, я совершенно увѣренъ, что это разсмотрѣніе окончится къ моей чести и для меня тѣмъ будетъ славнѣе, чѣмъ строже сдѣлано будетъ. И такъ, если я совершенно невиненъ, что впрочемъ уже явствуетъ изъ всего мною вышеизясненнаго, то я смѣю надѣяться, что Его Императорское Величество, по справедливости и благодати своей, благоволитъ приказать 1) дабы выданъ мнѣ былъ небольшой остатокъ моего имѣнія, оставшагося въ Харьковѣ и состоящаго изъ 10.800 руб. ассигнаціями; и 2) дабы я по уставамъ университета за 13-лѣтнее ревностное и непорочное служеніе награжденъ былъ пожизненною пенсіею. Я старался всѣми силами и трудился день и ночь, чтобы принести пользу и славу Харьковскому университету. Я преподавалъ съ такимъ успѣхомъ, что не только придежнѣйшіе студенты, но и ученѣйшіе люди

города, учителя гимназій и архіерейскаго коллегіума и даже самыя духовныя особы російской церкви меня просили въ частныхъ урокахъ преподавать имъ мою философію, ибо они видѣли, что цѣль ея было распространеніе любви къ отечеству, добродѣтели, религіи и христіанству. И такъ, будучи занятъ цѣлый день преподаваніемъ, я ночью отказывалъ себѣ въ нужномъ отдыхѣ, дабы сочинять книги, которыми старался быть полезнымъ и по смерти своей. Университетъ столь былъ увѣренъ въ общепользныя моихъ знаній и патріотическихъ намѣреній, что поручалъ мнѣ составленіе учебныхъ книгъ, назначаемыхъ для гимназій. Съ 1814 года издалъ я нѣмецкую хрестоматію, которая по одобренію университета и министра графа Разумовскаго, введена была во всѣхъ гимназіяхъ университетскаго округа. Логика моя вышла почти въ это-же время и по приказанію министра каждая гимназія должна была купить по 1 экземпляру ея, дабы могла она служить руководствомъ учителямъ. Съ 1814 года поручено мнѣ было университетомъ изданіе главныхъ латинскихъ классиковъ, каковую работу я обязался предпринять, не требуя для себя никакого вознагражденія, съ тѣмъ чтобы эти книги могли быть проданы за самую малую цѣну гимназіямъ и университетамъ, для которыхъ они и назначены были. Я положилъ начало этому пространному сочиненію книгою подъ заглавіемъ: „De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum“, для которой въ намѣреніи воспламенить въ душѣ російскаго юношества благородныя патріотическія чувства я выбралъ изъ классиковъ превосходнѣйшіе примѣры добродѣтелей древнихъ римлянъ. Эта книга однако неизбѣжала порицанія и обвиненія Дегурова, хотя она составлена единственно изъ лучшихъ мѣстъ римскихъ классиковъ. Но не сочиненіе однихъ только книгъ поручено мнѣ было университетомъ: кромѣ философіи, которую я обязанъ былъ по должности преподавать, онъ назначалъ мнѣ еще преподаваніе другихъ предметовъ. Съ 1810 года совѣтъ просилъ меня кромѣ философіи преподавать еще нѣмецкій языкъ и литературу; въ 1814 г., мнѣ поручено было преподаваніе латинской литературы и краснорѣчія. Кромѣ этихъ занятій исполнялъ я въ теченіи 7 лѣтъ должность секретаря при университетскомъ совѣтѣ и часто бывалъ деканомъ философскаго отдѣленія и членомъ правленія. Изъ всего этого явствуетъ, что первымъ моимъ желаніемъ было сдѣлаться полезнымъ Харьковскому университету, и потому съ тѣмъ большею увѣренностію ожидаю я теперь Всемилостивѣйшаго разрѣшенія на нижайшее мое прошеніе, въ которомъ осмѣливаюсь просить Его Императорское Величество о выдачѣ мнѣ остатка моего имѣнія, находящагося въ Харьковѣ и пожиз-

пенной пенсіи. Я не требую удовлетворенія за ложныя обвиненія, сдѣланныя на меня бывшимъ профессоромъ Харьковскаго университета Дегуровымъ. Не мысля о мщеніи, я напротивъ того каждый день прошу Бога не отказать ему въ своемъ милосердіи впустить ему лучшія чувства и даровать ему вѣчное счастье; я доволенъ буду, если невинность моя будетъ дознана и несчастное мое семейство спасено.

Иванъ Шадъ, коллежскій совѣтникъ и бывшій профессоръ философіи въ Харьковскомъ университетѣ.

Іена.

4-го декабря,
1818 года.

Какъ видимъ, записка эта написана съ воодушевленіемъ, силою, сознаніемъ правоты и беспощадною рѣзкостью по отношенію къ французу Дегурову. Приведенныя имъ выдержки изъ „Естественнаго права“ весьма характерны: они свидѣлствуютъ о сильномъ умѣ и ясномъ мышленіи Шада; одно положеніе логически вытекаетъ изъ другого. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что онъ не преслѣдовалъ безправственныхъ цѣлей въ своей книгѣ. Но нельзя не отмѣтить также того обстоятельства, что и все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ, и отмѣченныя въ немъ министерствомъ мѣста проникнуты идеей разумной свободы, которая должна управлять людскими отношеніями въ государствахъ. Въ началѣ царствованія Императора Александра въ расцвѣтъ либерализма, трудъ Шада могъ встрѣтить очень хорошій приѣмъ даже со стороны правящихъ сферъ. Но теперь времена измѣнились—и новое министерство, поднявшее вскорѣ настоящее гоненіе на философію и въ частности на руководства по естественному праву, никакъ не могло примириться съ общимъ характеромъ и направленіемъ Шада и совершенно не вѣрило, чтобы онъ отстаивалъ священные начала христіанской религіи, нравственности, добродѣтели и существующаго порядка. Что касается истинныхъ виновниковъ административной высылки, то на этотъ счетъ у Шада были невѣрныя представленія: онъ обвинялъ во всемъ, какъ мы видимъ, Дегурова и гр. С. О. Потоцкаго; послѣдняго онъ выставилъ въ сущности главнымъ виновникомъ своихъ бѣдствій: гр. С. О. Потоцкій, по его словамъ, побуждалъ Дегурова къ доносу; на основаніи произведеннаго имъ изслѣдованія дѣла комитетъ министровъ произнесъ свой приговоръ. И то, и другое, какъ мы знаемъ, было невѣрно. Быть можетъ, Шадъ заблуждался здѣсь bona fide, а можетъ быть, старался свалить вину своего осужденія, изъ тонкихъ политическихъ видовъ, на лицо, которое было удалено новымъ министромъ отъ должности попечителя, потому что совершенно не подходило къ его міровоззрѣнію.

10 декабря 1818 года Шадъ отправилъ кн. А. Н. Голицыну другую бумагу, въ которой сообщалъ данныя объ оставшемся въ Харьковѣ своемъ имуществѣ и просилъ содѣйствія къ полученію его.

„Остающееся въ Харьковѣ мое имущество писалъ онъ, состоитъ изъ слѣдующихъ суммъ:

1) 5000 руб. ассигнаціями по заемному письму на господинѣ Комлишинскомъ, адъюнктѣ Харьковскаго университета.

2) 3000 руб. на П. Ковалевскомъ, помѣщикѣ села Ивановки, въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 2800 руб. на статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ, помѣщикѣ села Кручика, той же губерніи.

Заемныя письма на эти суммы препровождены отъ меня, по наступленіи срока уплаты, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года чрезъ великогерцогскую Іенскую городскую управу въ Харьковскій университетъ, съ просьбою, чтобы они отъ правленія университета переданы были моему повѣренному адъюнкту Дудровичу для взысканія слѣдующихъ по нимъ денегъ и пересылки ко мнѣ въ Германію. Но по настоящее время отъ университета не послѣдовало на это никакого отвѣта ни въ управу, ни ко мнѣ. Сверхъ того писалъ я къ его превосходительству господину попечителю университета, къ статскому совѣтнику Каразину и къ адъюнкту Дудровичу, но и изъ нихъ ни отъ одного не получилъ отвѣта, изъ чего заключаю, что письма ихъ ко мнѣ могли быть затеряны при отправленіи въ Харьковѣ на почту. По сему прошу, чтобы отъ его сіятельства, господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предписано было университету чрезъ моего повѣреннаго адъюнкта Дудровича, истребовать уплаты означенныхъ суммъ, а полученные деньги препроводить чрезъ посредство банкира ко мнѣ или въ великогерцогскую Іенскую городскую управу.

Сверхъ вышеозначенныхъ суммъ имѣю я еще 2000 руб. на нѣкоемъ баронѣ Спинели, который четыре года тому назадъ въ Харьковѣ имѣлъ жительство. Этотъ человекъ занялъ у меня деньги подъ заемное письмо въ 1814 г., съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить ихъ въ теченіи года; но въ томъ же самомъ году оставилъ Харьковъ и опредѣлился къ должности въ имѣніи генерала Платова не подалеку отъ города Черкаска и дѣлалъ два года не платилъ ни процентовъ, ни капитала. Я протестовалъ это заемное письмо въ Харьковѣ и передалъ его правленію университета, при письменномъ объявленіи, что я жертвую въ пользу Черкаской гимназіи проценты съ этого капитала съ тѣмъ, чтобы университетъ потребовалъ уплату этого послѣдняго. Университетъ это принялъ на себя, но въ теченіи четырехъ лѣтъ ни

чего не сдѣлалъ, такъ что ни Черкаская гимназія пожертвованныхъ мною процентовъ, ни я капитала не получили. По сему вторично объявляю, что я жертвую въ пользу упомянутой гимназіи проценты съ этого капитала за четыре года съ тѣмъ, чтобы отъ его сіятельства, князя и министра, подтверждено было Харьковскому университету о взысканіи этихъ денегъ на основаніи законовъ для препровожденія ко мнѣ въ Германію.

Наконецъ, горчайшая изъ всѣхъ потерь, мною понесенныхъ, есть гибель моей дочери. Непремѣнная отеческая воля моя относительно ея состояла въ томъ, чтобы она въ минувшемъ году вмѣстѣ съ женою моею отправилась въ Германію, но нѣкоторые недоброжелатели изъ университетскихъ чиновниковъ востановили дочь мою, въ то время имѣвшую отъ роду 13 лѣтъ, противъ моей жены, ея мачихи, и склонили убѣжать отъ нея и поселиться у нѣкоей госпожи Рейнишъ, вдовы бывшаго въ университетѣ адъюнкта Рейниша. Ей составили для подачи въ Харьковскія судебныя мѣста бумаги, писанныя противъ самого меня, отца ея, которыми она хотѣла присвоить себѣ оставленное мною въ Харьковѣ имущество подъ тѣмъ предлогомъ, что оно не принадлежитъ уже болѣе мнѣ, какъ изгнаннику изъ Россійской Имперіи; когда ей отъ упомянутыхъ мѣстъ въ этомъ несправедливомъ требованіи послѣдовалъ отказъ, а я, между тѣмъ, письменно приказывалъ ей ѣхать съ мачихою въ Германію, то она объявила, что желаетъ остаться въ Харьковѣ у госпожи Рейнишъ, и потому въ Германію ѣхать не хочетъ. Но такъ какъ мнѣ извѣстно, что въ домѣ сей госпожи дочь моя подвергается величайшей опасности развращенія и безнравственности, вращаясь въ неприличномъ обществѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, которыхъ госпожа Рейнишъ обучаетъ рукодѣлію, то именемъ Бога прошу, дабы при удобномъ случаѣ дочь моя была ко мнѣ отправлена въ Германію, гдѣ я отдамъ ее въ услуженіе въ частный домъ, въ которомъ величайшее сокровище дѣвицы, сокровище благонравія будетъ находиться въ безопасности.

18 декабря 1818 г.

Эта бумага представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе о размѣрахъ денежныхъ капиталовъ Шада.

Х.

Роль Веймарскаго правительства въ дѣлѣ Шада.

Трудно было высланному изъ предѣловъ Россіи Шаду устроиться за границей: здѣсь предложеніе профессорскаго труда превышало спросъ на него. Ему удалось только получить мѣсто приватъ-доцента въ Бер-

линскомъ университетѣ, но и то послѣ того только, какъ русскій посланникъ въ отвѣтъ на запросъ прусскаго правительства, официально заявилъ, что Шадъ удаленъ изъ Россіи не за какое нибудь преступленіе, а только потому, что его философія не получила одобренія въ Россіи. По случаю прибытія Александра I въ Веймаръ, Шадъ въ 1819 г. поднесъ ему ту самую книгу, за которую его удалили изъ Россіи, и удостоился подарка въ 300 червонцевъ. Тогда же Великій герцогъ Веймарскій опредѣлилъ его профессоромъ въ Іенскій университетъ, хотя впрочемъ опять таки безъ жалованья. Веймарское правительство и раньше принимало въ Шадѣ живѣйшее участіе: онъ до перехода своего въ Харьковъ былъ профессоромъ въ Іенѣ; мѣсто въ Харьковѣ онъ получилъ по рекомендаціи Гёте и Шиллера, проживавшихъ въ Веймарѣ. Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что Шадъ и теперь обратился съ просьбою о заступничествѣ къ Веймарскому правительству. Благодаря великому герцогу Веймарскому онъ, очевидно, получилъ возможность представить Императору Александру I и свою инкриминируемую книгу. Къ Веймарскому посланнику въ Петербургъ онъ отправилъ оправдательную записку такого содержанія. „Надѣясь на извѣстное ваше благочестіе, справедливость и челоуѣколюбіе, пишетъ Шадъ, осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ вамъ съ этимъ письмомъ и просить вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я, четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи профессора философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ попечителемъ Харьковскаго университета, графомъ Северинымъ Потоцкимъ и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишенъ моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежныя капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надобно было оставить и любезнѣйшую жену и дочь, имѣвшую тогда около 13 лѣтъ. Я не только не сдѣлалъ никакого преступленія, но еще имѣлъ много заслугъ въ Харьковскомъ университетѣ, о чемъ всѣ могутъ засвидѣтельствовать, кто хорошо зналъ меня въ Харьковѣ. День и ночь я трудился о славѣ и приращеніи университета и о пользѣ обучающагося въ немъ юношества, не только искренно сообщая ему истинное просвѣщеніе, но и возбуждая въ немъ любовь къ добродѣтели, религіи и отечеству. Единственное мое преступленіе въ глазахъ графа Потоцкаго было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія и даже по порученію университета, для употребленія въ гимназіи и въ университетѣ описывалъ черными кра-

сками великаго Наполеона и великую французскую націю, и старался воодушевить обучавшихся юношей любовью къ отечеству, добродѣтели и религіи. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу, надѣясь встрѣтить тамъ мессію Поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 г. Послѣ вторичнаго ниспроверженія тирана и послѣ взятія его въ плѣнъ, графъ Потоцкій, лишившись всякой надежды, удрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Нѣкоторые профессора французскаго происхожденія и единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему тѣ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ я тирана Европы и страшныя сцены французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого графъ рѣшился погубить меня. Трудно было это сдѣлать, потому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славою; а потому, чтобы легче достигнуть своего намѣренія, онъ пригласилъ себѣ въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда профессора исторіи въ Харьковѣ. Во время французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и бѣшеннымъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я, въ изданныхъ мною книгахъ, вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя, во время революціи и послѣ, французская нація. Этому человѣку поручилъ графъ Потоцкій обвинить мои книги, а особенно: „Jus naturae“ и „De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum“. Мое сочиненіе „Jus naturae“ написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ отечеству, вопреки бѣшенству французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ, съ безчисленными полчищами, былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ торжествовавшими русскими даже до Парижа. А потому эта книга написана не сухимъ какимъ-нибудь и школьнымъ слогомъ, а ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковскаго университета, для употребленія въ гимназіяхъ, я старался, посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, возжечь въ сердцахъ, изучавшихъ латинскій языкъ, искру небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти обѣ книги могутъ послужить поводомъ къ обвиненію

развѣ только для безстыднѣйшихъ клеветниковъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый могущественнымъ своимъ покровителемъ, попечителемъ, и воспламененный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинилъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрастно читавшій ихъ, не можетъ не прійти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня дѣлалъ годъ весьма строго и добросовѣстно разбиралъ, и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ; что онъ находитъ меня человѣкомъ опаснымъ, а мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности профессора, но и выслать меня изъ Россійской Имперіи.

Кто не повѣрилъ бы свидѣтельству такого важнаго мужа, какъ попечитель университета? Посредствомъ такого коварства министръ, который меня вовсе не зналъ, былъ вовлеченъ въ необходимую и неизбѣжную ошибку, а я, со всѣмъ моимъ семействомъ, которое и теперь скитается по Россіи, повергнуто въ величайшую бѣдность. Даже остатки моего имѣнія, спасенные какъ бы послѣ кораблекрушенія, доселѣ ни мнѣ, ни моему семейству, не отданы. Умоляю ваше превосходительство и заклинаю васъ именемъ Иисуса Христа, который не только пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобы, избавивши насъ отъ рабства грѣха и вѣчной смерти, даровать намъ вѣчную и блаженную жизнь, но и снова придетъ нѣкогда судить родъ человѣческій и наказывать особенно притѣснителей невинныхъ, прошу васъ еще и еще, употребить ваше стараніе, сколько возможно, чтобы такая тяжкая обида, причиненная мнѣ и моему семейству, посредствомъ самой коварной клеветы, была сколько-нибудь вознаграждена. Ожидая этого отъ вашей любви къ добродѣтели и религіи, съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь.

Письмо это относится къ 1820 году, такъ какъ самъ Шадъ говоритъ въ немъ, что онъ былъ высланъ изъ Россіи четыре года тому назадъ (а онъ былъ высланъ въ 1816 году). По поводу этого письма намъ приходится опять повторить, что Шадъ несправедливо обвиняетъ здѣсь гр. Потоцкаго. Заблуждаясь на счетъ той роли, какую игралъ въ его дѣлѣ гр. Потоцкій, онъ заподозрѣваетъ его чуть ли не въ измѣнническомъ сочувствіи къ врагу Россіи Наполеону. Если даже Потоцкій дѣйствительно проживалъ, какъ это доказываетъ Н. А. Лавровскій, все время нашей войны съ Наполеономъ въ Польшѣ—онъ жилъ тамъ съ февраля 1811 по мартъ 1816 года,—то изъ этого никоимъ обра-

зомъ нельзя дѣлать вывода о желаніи его встрѣтить тамъ мессію поляковъ: едва ли вѣдь какое либо основаніе считать его способнымъ къ измѣнѣ. Наполеону сочувствовали въ Россіи до его похода многіе; съ другой стороны не всѣ были такъ враждебно настроены противъ него и въ особенности противъ французской націи, какъ Шадъ; и Потоцкій первый не могъ, въ силу присущей ему терпимости, одобритъ такого неумѣреннаго галлофобства, какимъ постоянно при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ щеголялъ Шадъ. Какъ высшій начальникъ учебнаго заведенія, въ которомъ было въ числѣ преподавателей нѣсколько французовъ, онъ даже долженъ былъ смягчать рѣзкія проявленія племенной вражды, тѣмъ болѣе, что въ самомъ русскомъ обществѣ, какъ мы знаемъ, была тогда сильная реакція не только противъ французовъ, но и противъ иностранцевъ вообще.

Далъ ли какой нибудь ходъ этой просьбѣ Веймарскій посланникъ, мы не знаемъ; но всякомъ случаѣ никакихъ практическихъ послѣдствій она не имѣла. Это обстоятельство побудило Шада выступить въ 1820 году съ новымъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ по своему злополучному дѣлу.

XI.

Прошеніе Шада на Высочайшее имя 3-го февраля 1820 года.

3-го февраля 1820 г. Шадъ отправилъ прошеніе на Высочайшее имя и при немъ обширнѣйшую оправдательную записку о своемъ дѣлѣ, а также во 2-мъ приложеніи образцы своихъ религіозно-поэтическихъ упражненій. Вотъ подлинный текстъ прошенія. „Всепресвѣтлѣйшій“ непобѣдимѣйшій Монархъ, Всемиловитѣйшій Государь Императоръ! Въ минувшемъ году Ваше Императорское Величество Всемиловитѣйше приказали послать въ Германію 300 червонныхъ для меня и моего несчастнаго семейства. Сей Всемиловитѣйшій Вашего Императорскаго Величества даръ, за который приношу Вамъ мою чувствительную и благоговѣйную благодарность, былъ для меня тѣмъ болѣе восхитителенъ, что я, благодаря ему, получилъ возможность, нѣкоторымъ образомъ, спасти свою возлюбленную супругу, урожденную россіянку, снабдивъ ее достаточнымъ количествомъ денегъ для обратнаго пути въ ея отечество, дабы не видѣть ее нисходящею во гробъ въ Германіи, отъ горести моего несчастія.

Въ бытность мою въ Россіи, бывъ оклеветанъ коварнѣйшимъ образомъ, я сдѣлался жертвою моеѣ чистѣйшей ревности къ добродѣтели, благочестію, христіанскому вѣроисповѣданію и священному дѣлу, за которое обагралась кровію вся Европа, за которое съ желаемымъ успѣхомъ сражались преимущественно Вы, Ваше Императорское Величество. Доказательства этого изложены въ приложеніяхъ А и В, кои я всеподданнѣйше прошу поручить строжайшимъ образомъ изслѣдовать мужамъ ученымъ, праводушнымъ и христіански-благочестивымъ. Дѣло это весьма важно. Оно касается не одного только меня, который, какъ полагаютъ по крайней мѣрѣ мыслящіе по свѣтски, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣтъ, оно наиболѣе касается Особы Вашего Императорскаго Величества, коего священное имя употреблено во зло и обезславлено безпримѣрнымъ безстыдствомъ клеветы; оно касается благосостоянія тѣхъ благоразумнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ учебныхъ заведеній, которыя Ваше Императорское Величество, Всемиловитѣйше учредили и о которыхъ имѣете отеческую попечительность; оно касается даже чести Вашего управленія, которая со стороны иностранныхъ государствъ представляется поставленною въ опасной тѣни.

Если по строгомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи приложеній А и В останется хотя малѣйшее сомнѣніе въ моеѣ невинности или въ истинѣ того, что я утверждаю въ упомянутыхъ приложеніяхъ, то я готовъ, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества мановенію, пріѣхать въ Петербургъ для очной ставки съ моими оклеветателями, низринувшими меня, со всѣмъ моимъ семействомъ, въ бездну несчастія, готовъ подвергнуться всякому наказанію, если только я обличенъ буду въ какомъ либо преступленіи. Столь ужасную для всякаго преступника отвѣтственность я почту для себя величайшею милостію и высочайшимъ благополучіемъ, ибо я увѣренъ, что буду оправданъ, коль скоро выслушаны будутъ мои оправданія, въ чемъ однакожъ мнѣ отказываемо было доселѣ. Но Ваше Императорское Величество, какъ Государь правосуднѣйшій, человеколюбивѣйшій и благочестивѣйшій, не можете быть равнодушны къ тому, чтобы дерзкая клевета употребляла священное имя Ваше къ угнетенію невинности и заслугъ; по этой причинѣ я остаюсь въ полной увѣренности, что Ваше Величество дозволите мнѣ подвергнуться той строжайшей отвѣтственности, каковой, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ Особѣ Вашей, охотно ожидаю. Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга, прежде бывшій профессоръ философіи и латинской словесности при Харьковскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ Іоаннъ-Шадъ.

Самая оправдательная записка, представляющая первое приложение, чрезвычайно обширна, и потому мы помѣстимъ ее съ сокращеніями, удержавъ однако все существенное. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ пунктамъ—сначала Шадъ говоритъ о своихъ матеріальныхъ потеряхъ, затѣмъ о нравственныхъ огорченіяхъ, характеризуетъ роль въ этомъ дѣлѣ своего обвинителя Дегурова и попечителя С. О. Потоцкаго, разбиваетъ обвиненія, направленные противъ его книги „*Institutiones juris naturae*“, опредѣляетъ свое отношеніе къ философіи Шеллинга, защищаетъ свои сочиненія — „*De viris illustribus*“, нѣмецкую хрестоматію и изслѣдованіе о свободѣ человѣческой мысли, характеризуетъ подробно духъ своей собственной христіанской философіи, рассказываетъ интересный эпизодъ со своею актовой рѣчью и заканчиваетъ свое объясненіе новымъ указаніемъ на виновниковъ своего изгнанія. Записка составлена чрезвычайно вѣско и убѣдительно, написана превосходнымъ краснорѣчивымъ языкомъ, можетъ быть признана въ общемъ крупнымъ ораторскимъ произведеніемъ. Шадъ воспитался на выдающихся образцахъ классической литературы и прекрасно владѣлъ стилемъ какъ своего роднаго нѣмецкаго, такъ равно и латинскаго языка. Къ этимъ внѣшнимъ свойствамъ изложенія присоединялась еще несокрушимая логика его яснаго, свѣтлаго ума и страстное воодушевленіе предметомъ изложенія, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, составлялъ частицу его собственнаго „я“; дѣло шло для него не только о матеріальной, но и нравственной реабилитации; изгнаніе разбило его жизнь, а онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда трудно уже начинать все съизнова. Съ Харьковскимъ университетомъ у него связаны были представленія какъ о лучшей порѣ жизни: монастырское послушаніе, отъ котораго онъ бѣжалъ съ опасностью жизни, оставило одни печальныя воспоминанія; приватъ-доцентура въ Іенскомъ университетѣ была только началомъ его ученой карьеры, а Харьковская профессура была періодомъ полного расцвѣта его умственныхъ силъ, матеріальнаго довольства, новой семейной жизни, власти и вліянія: тутъ онъ былъ не только ординарнымъ профессоромъ, но и деканомъ, членомъ училищнаго комитета, правленія, секретаремъ совѣта, авторомъ руководствъ для учащагося юношества... И все это рушилось, благодаря клеветѣ, какъ онъ думалъ, француза и галлофильствующаго польскаго графа! И онъ употребляетъ теперь послѣднее усиліе, что бы разбить козни своихъ враговъ! Онъ представляетъ какъ бы цѣлую рукописную книгу въ защиту своей невинности, онъ высказывается въ ней до истиннаго паэоса, а во второмъ приложеніи представляетъ философско-поэтическіе опыты, въ которыхъ однако было

мало философіи и еще меньше поэзіи. Но ему нужно было въ интересахъ самозащиты воспользоваться всѣми средствами, бывшими въ его распоряженіи, — и онъ сильно рассчитывалъ, очевидно, на реабилитацію свою въ глазахъ министра піетиста при помощи такихъ средствъ, какъ посылка ему переводовъ псалмовъ или религіозно-піитическихъ упражненій. Подобное подчеркиваніе христіанскихъ воззрѣній разсѣяно во многихъ мѣстахъ оправдательной записки Шада—и это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи его философскаго міросозерцанія. Въ пѣляхъ самооправданія онъ пытался затушевать свой раціонализмъ и наоборотъ старался ярче выставить свое христіанское воззрѣніе и настроеніе. Мы охотно ему вѣримъ, когда онъ утверждаетъ, что пытался гармонически слить вѣру съ разумомъ, примирить христіанство съ философіей, но во всякомъ случаѣ онъ не всегда стремился къ этому—были моменты, когда у него преобладало раціоналитическое настроеніе и онъ являлся ярымъ защитникомъ полной свободы разума; да и въ сочиненіи „*Institutiones juris naturae*“ отзывается все таки еще старый философъ—раціоналистъ, имѣющій по существу мало общаго съ такими піетистами, какъ кн. А. Н. Голицынъ. Впрочемъ объ этомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ позже, а теперь обратимся къ образцовой защитительной рѣчи Шада.

„Дѣйствіемъ коварнѣйшей клеветы прежде бывшаго при Харьковскомъ университетѣ профессора Дегурова, я потерялъ не только свою должность, но и большую часть моего многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго имѣущества, простирающагося до 30.000 рублей, ибо я имѣлъ въ Харьковѣ два изрядные дома, которые, судя по ежегодному отъ нихъ при мнѣ доходу, могли быть оцѣнены въ 20.000 рублей, но которые однакожь, послѣ моего изгнанія изъ Россіи, проданы были только за 9.000 рублей; да и изъ этой суммы я доселѣ ничего не получилъ. Кромѣ того у меня оставалось тогда на 10.000 рублей экземпляровъ моихъ сочиненій, которыя я печаталъ на собственный счетъ и издавалъ по побужденію чистѣйшей ревности къ просвѣщенію. Когда же профессоръ Дегуровъ, вспомоцествуемый графомъ Потоцкимъ, достигъ того, что, послѣ изгнанія моего изъ Россіи, и мои сочиненія были запрещены, тогда потерялъ я не только ту сумму, какой, по продажной дѣйствіи, стоили оставшіеся экземпляры, но и самыя издержки на ихъ печатаніе, простиравшіяся до 3.000 рублей. Наконецъ, отдаленныя поѣздки, которыя я самъ и жена моя должны были предпринимать, по случаю моего несчастія, стоили мнѣ до 8.000 рублей. Я не включаю въ общую смѣту моего двойнаго жалованья, какое слѣдовало мнѣ получать по званію профессора философіи и латинской

словесности и какого однакожъ, по моему желанію, я не получалъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. А если и эта сумма причислена будетъ къ прочимъ моимъ убыткамъ, то вся потеря простирается будетъ до 40.000 рублей.

Оставалось у меня еще изъ всего вообще моего имущества до 12.000 рублей въ векселяхъ, которые, повидимому, обеспечены были судебнымъ порядкомъ. Въ то время, какъ еще можно было по этимъ векселямъ получить уплату, я послалъ ихъ чрезъ Великогерцогскій Іенскій городской судъ въ Харьковскій университетъ, прося передать ихъ тамошнему моему повѣренному, профессору Дудровичу съ тѣмъ, чтобы онъ, по учиненіи взысканія, переслалъ полученныя имъ деньги ко мнѣ въ Германію. Но дѣлу этому дано было такое направленіе, что векселя, съ цѣлью лишенія меня и остатка моего имущества, самымъ безчестнымъ образомъ задержаны были университетскимъ комиссаромъ въ Бродахъ, и съ меня же взяты были за напрасныя портовые издержки 532 рубля, которыхъ университетское правленіе требовало отъ моего повѣреннаго и которые онъ выдалъ изъ моихъ денегъ, бывшихъ у него въ рукахъ, не получивши однакожъ векселей, за оставленіемъ ихъ въ Бродахъ. Такимъ образомъ, должники получили поводъ отказываться и отказываются доселѣ отъ производства уплаты, по причинѣ недоставленія имъ векселей.

Благодаря этому, я потерялъ навсегда и достопочтенную мою супругу, урожденную россіянку, ибо, хотя она, по своему великодушію и готовности жертвовать собою, оставила для меня свое отечество, совершила, безъ всякаго спутника, крайне затруднительный путь отъ Харькова до Берлина, гдѣ я, за два года передъ этимъ, имѣлъ свое мѣстопробываніе, и предприняла это путешествіе единственно съ тѣмъ благороднѣйшимъ намѣреніемъ, чтобы по долгу вѣрной и усерднѣйшей супруги, оказывать мнѣ свою помощь и дѣлать со мною всякое несчастіе; но такъ какъ отнять уже былъ у меня и самый остатокъ моего имущества и, вмѣстѣ съ этимъ, послѣднее средство для содержанія моего семейства, то могъ ли я, съ своей стороны, подумать о томъ, чтобы столь благородно-мыслящая россіянка погибала вмѣстѣ со мною въ Германіи? Я желалъ лучше лишиться ея вспоможенія и утѣшенія, для каковаго она переѣхала ко мнѣ въ Германію, нежели видѣть ее изнемогающею отъ моего несчастія: и потому, дабы нѣкоторымъ образомъ спасти, по крайней мѣрѣ, ее одну, я раздѣлилъ съ нею присланныя мнѣ въ даръ отъ Ея Императорскаго Величества 300 червонныхъ и отправилъ ее обратно въ ея отечество, гдѣ она, при своей отличной честности и способностяхъ, легко можетъ найти

средство къ пропитанію себя. Конечно, какъ для нея, такъ и для меня крайне горестно было то, что она, будучи женою коллежскаго совѣтника, который притомъ назначенъ уже былъ Петербургскимъ начальствомъ, къ производству въ статскіе совѣтники, должна была разлучиться со мною навсегда съ тѣмъ, чтобы искать въ частныхъ домахъ себѣ мѣста для услуженія, между тѣмъ какъ она же во время моего благосостоянія имѣла все, потребное для поддержанія чести ея званія и была сама почтенною хозяйкою. Теперь я лишился ея навсегда, ибо обратный вѣздъ въ Россію мнѣ воспрещенъ. Утѣшаюсь одною только надеждою, что опять могу найти ее въ будущей лучшей жизни. Такъ изъ рукъ моего Спасителя, ради имени коего я претерпѣваю мое теперешнее гоненіе, обратно получу ее, не разлучаясь уже съ нею никогда.

Благодаря же этому, не заслуженному мною несчастію, я потерялъ и любезную дочь мою дѣвицу 15-ти лѣтняго возраста, въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ раскрывающихся дѣвственныхъ прелестей, ибо нѣкоторые изъ друзей преждебывшаго профессора Дегурова, дабы уязвить меня наичувствительнѣйшимъ образомъ, по изгнаніи меня изъ Россіи, довели ее, посредствомъ различныхъ, въ обманчивомъ видѣ представленныхъ убѣжденій и совѣтовъ, до самаго края какъ физическаго, такъ и нравственнаго растлѣнія. Они развратили ее до такой степени, что она убѣждала отъ моей жены, а ея мачихи, и, недовольствуясь этимъ, заготовили для нея различныя бумаги съ тѣмъ, чтобы она подала ихъ въ присутственныя мѣста и могла воспользоваться имуществомъ несчастнаго ея отца. Но какъ таковое предпріятіе имъ не удалось, то они склонили ее, вопреки моей родительской волѣ, остаться въ Харьковѣ въ то время, когда ей надлежало бы вмѣстѣ съ моею женою отправиться въ Берлинъ. Теперь она оторвана всѣми, и, не имѣя человѣка, который бы былъ ея руководителемъ и защитникомъ, осталась подверженною всѣмъ опасностямъ ея нѣжнаго возраста и пола. О! если бы Богъ благоволилъ ей лучше умереть въ ея невинности, нежели быть нынѣ погибшею нравственно. Мстящій за развращеніе невинности уже наказалъ злادѣяніе, ибо два профессора, бывшіе преимущественными развратителями моей дочери, умерли въ прошедшемъ году и предстоятъ судилищу того грознаго судіи, который нѣкогда сказалъ: *горе чловѣку, иже соблазнитъ единого отъ матыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя! Уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.* Матѣ. XVIII. 6, 7, Сердечно желалъ бы я взыскать эту погибшую овцу и спасти ее, если бы только имѣлъ позволеніе пріѣхать въ Россію. Умоляю милосердіе

и человеколюбіе Его Императорскаго Величества приказать сдѣлать распоряженіе, дабы дочь моя, находящаяся теперь въ величайшей опасности нравственнаго развращенія, препровождена была комнѣ въ Германію. Я бы нашелъ здѣсь возможность помѣстить ее въ какомъ либо честномъ семействѣ. Спасеніе погибающаго дитяти достойно было бы власти столь высокаго друга человечества.

Мой сынъ хотя находится со мною въ Іенѣ и обучается медицинѣ, но такъ какъ я доселѣ не могъ получить даже остатка моего имущества, то и онъ, какъ не имѣющій надежды окончить своихъ наукъ, безъ пособія отъ высшаго начальства, — и онъ также потерявъ для своего образованія. По этой причинѣ желалъ бы я, чтобъ Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволилъ назначить ему, пока будетъ онъ обучаться, небольшой пансіонъ, при помощи коего могъ бы онъ окончить свой курсъ и потомъ, какъ прилично честному и обще-полезному человѣку, посвятить бы себя службѣ Его Императорскаго Величества, къ коей онъ тѣмъ болѣе способенъ, что знаетъ очень хорошо русскій языкъ.

Столь ужасную потерю моей должности, моего имущества и даже моего любезнаго семейства претерпѣваю я не за какое либо мое преступленіе, но единственно за мою живѣйшую, чистѣйшую и священнѣйшую ревность, коею я руководствовался, — за ревность къ добродѣтели, благочестію, христіанскому вѣроисповѣданію, благу человечества и священному дѣлу, за которое преимущественно Его Императорское Величество сражался предъ лицомъ своего побѣдоноснаго воинства и оказалъ безсмертныя услуги не только всей Европѣ, но и цѣлому свѣту. Я претерпѣваю потерю эту послѣ 13-лѣтней моей службы, каковую я проходилъ съ патріотическою вѣрностію и неутомимою дѣятельностію, для блага русскаго юношества и народа, — потерю при моей глубокой старости, ибо мнѣ отъ роду уже 62 года. Я претерпѣваю таковую потерю единственно по клеветѣ, какою, при содѣйствіи графа Северина Потоцкаго, очернилъ меня прежде бывшій профессоръ Дегуровъ, — такой человѣкъ, который, подъ прежнимъ его прозваніемъ Дегура, былъ во время революціи книгопродавцемъ въ Парижѣ и игралъ подозрительную роль, что и видѣть можно изъ его сочиненія, изданнаго имъ въ 1791 году, подъ заглавіемъ: *Новая французская риторика для юныхъ дѣвицъ, извлеченная изъ рѣчей, произнесенныхъ въ національномъ собраніи, и изъ твореній Вольтера, Руссо, Рейналя, Монтескьё и иныхъ*. Всѣмъ извѣстно, сколь смѣлыя рѣчи говорены были, предъ смертію короля, противъ правъ государей, духовенства, дворянства, противъ христіанскаго богослуженія и всякаго

политическаго и нравственнаго порядка. Если бы эта книга .выписана была изъ Парижа, то безъ сомнѣнія найдено было бы въ ней весьма важное объясненіе качествъ Дегурова и тѣхъ причинъ, по которымъ воздвигнуто было имъ на меня гоненіе, ибо книги, на которыя онъ сдѣлалъ доносъ, написаны мною въ духѣ строгой нравственности, христіанскаго благочестія, истинной любви къ отечеству и были очевиднѣйшими доказательствами моего величайшаго отвращенія къ гнуснымъ сценамъ французской революціи и тиранну Европы.

Но такъ какъ эта ревность моя къ добродѣтели, благочестію и христіанскому вѣроисповѣданію и мое отвращеніе къ французскимъ безпорядкамъ преимущественно обнаруживаются въ моемъ „Естественномъ правѣ“, то Дегуровъ и почелъ за нужное очертить это сочиненіе преимущественно предъ всѣми прочими. Я началъ писать его тогда, когда французы изгнаны были изъ Москвы и изъ всего Россійскаго государства, и представилъ въ полной системѣ только то, что Его Императорское Величество, нѣсколько лѣтъ спустя, выразилъ краткими, но сильными словами въ священномъ союзѣ, внушивъ тоже самое и всѣмъ прочимъ христіанскимъ государямъ. Я доказывалъ въ этой книгѣ, что безъ добродѣтели и благочестія никакіе законы, никакія государственныя конституціи, никакое благоденствіе народное не могутъ имѣть твердаго основанія и рано или поздно, безъ этихъ главныхъ опоръ, должно погибнуть всякое государство, хотя бы оно обладало всѣми средствами физическаго всемогущества. Это доказывалъ я паденіемъ многовѣчнаго Рима, а наиболѣе случившимся предъ нашими очами низверженіемъ того государства, какое составилъ вышедшій изъ ущельевъ корсиканскихъ тираннъ Европы. Далѣе я возводилъ совершенно языческія понятія къ общему источнику добродѣтели и богослуженія; доказывалъ, что всякая безопасность, какою только можетъ наслаждаться могущественнѣйшее государство остается весьма ненадежною, если только государство это, при своемъ возвышеніи, не будетъ держаться правилъ благочестія и имѣть въ своемъ повиновеніи сердца и совѣсть согражданъ, какъ вѣрнѣйшихъ заложниковъ общественной безопасности. Я объяснялъ всѣ мои положенія примѣрами новѣйшихъ событій. Мое намѣреніе клонилось единственно къ тому, чтобъ доставить россійскому юношеству книгу, которая бы была написана не сухимъ и школьнымъ—афористическимъ, но живымъ и цвѣтистымъ слогомъ, и которою бы можно было восполнять въ сердцахъ юношей благороднѣйшее чувство добродѣтели, христіанскаго богослуженія и искренней готовности жертвовать собою для блага отечества или человѣчества вообще.

И это—столь очевидное для каждого намѣреніе мое казалось поклонникамъ военнаго чудовища нашего времени такимъ преступленіемъ, которое заслуживало непримиримой ихъ противъ меня ненависти. И потому какъ скоро графъ Потоцкій, послѣ 6-лѣтняго его отсутствія, возвратился къ своему осиротѣвшему и въ величайшій безпорядокъ приведенному университету, они принесли ему свою жалобу на мои сочиненія и особенно на мое „Естественное право“. А что они преимущественно полагались на его покровительство и отъ него ожидали исполненія предъумышленнаго ими для меня несчастья, это явствуетъ изъ того, что они, до его приѣзда, никогда не отваживались обнаруживать даже малѣйшаго неудовольствія противъ моихъ сочиненій, какъ изданныхъ съ дозволенія университетской цензуры и принятыхъ всѣми благомыслящими людьми съ отличнымъ одобреніемъ, нѣсколько лѣтъ уже употреблявшихся при публичныхъ лекціяхъ въ университетѣ и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Попечитель, по жалобѣ своихъ любимцевъ, положилъ непремѣнно погубить меня. Но дабы достигнуть этой цѣли, онъ побудилъ наиболѣе прочихъ злобствовавшаго противъ меня профессора Дегурова написать доносъ на мое „Естественное право“. Дегуровъ, одобряемый столь сильнымъ покровительствомъ, ни мало не затруднялся при составленіи доноса, написалъ его на скорую руку, и при томъ такъ, что большая часть доносныхъ пунктовъ обвиняетъ меня совершенно въ противоположномъ тому, что написано въ самой книгѣ. Я приведу здѣсь нѣкоторыя только изъ таковыхъ обвиненій.

Самое важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ моемъ „Естественномъ правѣ“ *встрѣчаются якобы такія мѣста, которыя заключаютъ въ себѣ самая дерзкія ругательства противъ существующихъ въ Россіи постановленій.* Дегуровъ отмѣчалъ такія мѣста одними только числами страницъ: 183, 302, 345. Онъ не выписывалъ самихъ мѣстъ и поступилъ на этотъ разъ довольно хитро, ибо, въ противномъ случаѣ, обманъ тотчасъ бы сдѣлался явнымъ. Но коль скоро отысканы будутъ эти мѣста въ самой книгѣ и прочтены будутъ въ связи съ прочими ближайшими, тогда всякій будетъ дивиться безстыдству обвинителя, увидѣвъ тутъ же, что онъ не только клеветаетъ на сочинителя книги, который во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ утверждаетъ вѣчно священные истины, но и самымъ наглымъ образомъ безчеститъ россійское правительство. (Затѣмъ слѣдуетъ выдержка изъ 183-й страницы книги, но такъ какъ Шадъ касался ея въ прежней запискѣ, то мы останавливаться на ней теперь не будемъ).

На страницѣ 302 доказываю я, вопреки мнѣнію большей части преподавателей естественнаго права, зараженныхъ новою философіею,

что неограниченное сладострастіе и многоженство противны естественному праву. Это доказываю я частію изъ священнаго писанія, частію изъ здраваго смысла. Доказательства, заимствуемыя мною изъ священнаго писанія, предварительно изложены на страницѣ 300 въ нижеслѣдующемъ видѣ. „Что-же касается до меня, то я ни въ одномъ изъ философскихъ сочиненій не нашелъ ничего благоразуміе того изреченія, какое сказано по этому предмету въ священномъ писаніи новаго завѣта, хотя, по принятому между философами обыкновенію, это послѣднее и пренебрегается до такой степени, что тотъ, кто уважаетъ свидѣтельства священнаго писанія, или сдѣлаетъ изъ него какое либо заимствование, не почитается уже философомъ и даже подвергается осмѣянію. Но въ XIX главѣ евангелиста Матѳея есть, на этотъ случай, самое примѣчательное мѣсто (стихъ 3 — 9), Здѣсь Иисусъ Христосъ ясно показываетъ, что разрѣшеніе упомянутаго вопроса должно быть извлечено изъ разсмотрѣнія самаго естества человѣка, изъ первоначальнаго закона супружества, изъ одинаковой необходимости и пѣли обоего пола, а не изъ состоянія растлѣнной нравственности, безпорядочнаго дѣйствія страстей или положительныхъ законовъ, поглажающихъ такимъ страстямъ“.

Послѣ этихъ доказательствъ, взятыхъ изъ священнаго писанія, я на страницѣ 302 продолжаю свои изслѣдованія и говорю мѣсто это было приведено Шадомъ въ болѣе ранней оправдательной запискѣ и потому мы его опускаемъ.

И здѣсь, равно какъ и въ предъидущемъ мѣстѣ, кто можетъ найти нѣкоторое слабое подобіе хулы противъ какого либо въ Россіи существующаго постановленія? Я никакъ не могъ здѣсь мѣтить ни на кого изъ христіанскихъ государствъ, зная навѣрное, что многоженство изгнано отовсюду, гдѣ только существуетъ христіанство. Всего менѣе могъ я въ этомъ случаѣ дѣлать упреки Россійскому государству, какъ отличающемуся отъ многихъ иныхъ наивысшею строгостію своего законоположенія и совершенною сообразностію съ правилами греческой церкви. Мое намѣреніе было только опровергнуть тѣхъ учителей естественнаго права, которые, по своей привязанности къ умствованіямъ лжеименной философіи, утверждаютъ, что многоженство, само по себѣ, дозвоительно и что оно, безъ нарушенія справедливости, можетъ быть принято во всякомъ государствѣ. Это намѣреніе мое столь ясно выражено на страницѣ 292, что, кажется, никакимъ инымъ образомъ перетолковать его не возможно. Вотъ самое мѣсто, въ которомъ я объясняю его. „Многіе учителя естественнаго права утверждаютъ, что многоженство дозвоительно, какъ по состоянію естествен-

ному, такъ и по гражданскому, если только между какимъ либо супругомъ и супругою не сдѣлано будетъ частнаго условія о единоженствѣ и единомужїи. Но я полагаю, что многоженство явно противорѣчитъ естественному праву, а потому оно и законами гражданскими, безъ угнетенія справедливости, не можетъ быть ни постановлено, ни дозволено. Если же въ какомъ либо государствѣ оно и узаконено, то такое узаконеніе я почитаю обиднымъ для человѣчества, а посему и заслуживающимъ уничтоженія. Оно явно противорѣчитъ естественному праву, никакою общераспространенностью народнаго обыкновенія, никакимъ всеобщимъ согласіемъ, и никакими противоположными этому праву законами оправдано быть не можетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя и въ древности были, и нынѣ существуютъ очень многіе народы, которые пользуются этою вольностію или по одному только обыкновенію, или по законоположенію гражданскому, но изъ этого нельзя вывести никакого доказательства въ оправданіе многоженства, хотя бы оно когда принято было не только многими, но и всѣми народами вообще. Изъ этого же слѣдуетъ, что дозволенность или недозволенность многоженства нисколько не зависитъ отъ законовъ положительныхъ, а тѣмъ менѣе отъ условій частныхъ, ибо истинное состояніе дѣла совершенно опредѣляется правомъ первоначальнымъ. Оттуда же явствуетъ, сколь ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ многоженство обиднымъ тогда только, когда или между двумя лицами сдѣлано будетъ частное условіе о единоженствѣ, или когда многоженство запрещено будетъ закономъ гражданскимъ. Изъ этого объясненія всякій видитъ, что и въ упомянутомъ второмъ мѣстѣ, на которое указываетъ обвинитель, я доказываю только то, что совершенно согласно съ здравымъ разсудкомъ, христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ и законодательствомъ всѣхъ христіанскихъ государствъ. Да и можетъ ли это мѣсто быть хулою противъ какого либо россійскаго постановленія тогда какъ всѣмъ извѣстно, что россійское законоположеніе, слѣдуя буквальному евангельскому ученію, сохраняетъ относительно брака еще гораздо большую строгость, нежели иныя многія христіанскія правительства? Впрочемъ, если мысли мои, изложенныя въ упомянутомъ мѣстѣ, могутъ быть признаны хулою противъ какого либо россійскаго постановленія, то изъ этого слѣдуетъ, что многоженство принято въ Россіи на законномъ основаніи. Но такую хулу произношу уже не я, а мой обвинитель.

Приведа выдержку изъ 345-й страницы своей книги, Шадъ замѣчаетъ. Возможно ли, чтобъ во всей этой статьѣ, въ коей должности подданныхъ къ ихъ государямъ, излагаются съ такою точностію, безъ

пристрастіемъ и сообразностію съ здравымъ разумомъ и ученіемъ евангельскимъ,—возможно ли, чтобъ самое остроумнѣйшее злоухищреніе открыло здѣсь какое либо порицаніе російскихъ постановленій? И сколь безразсудно, сколь отвратительно должно быть то постановленіе, въ которомъ совершенно противное изложеннымъ мною истинамъ принимается за законъ! Одни только неистовѣйшіе якобинцы могли, во время французской революціи, распалаться мщеніемъ и прибѣгать къ преслѣдованію и жалобамъ на сочинителя за такое изложеніе должностей, коими подданные обязаны своимъ государямъ. Хотя Гоббсзій и говоритъ, что все различіе между дѣйствіями законными и незаконными зависитъ отъ одного произвола гражданскихъ законодателей; но въ этомъ никто не можетъ съ нимъ согласиться, кромѣ презрѣннѣйшихъ изверговъ челоуѣчества. Такое основаніе законодательства прилично одной только ужаснѣйшей тираніи: оно есть гробъ всякой добродѣтели, богослуженія, челоуѣческаго достоинства и благополучія. И такое ли основаніе законодательства долженъ былъ я защищать? Нѣтъ, я бы не усумнился опровергать его и тогда, когда бы, дабы заставить меня быть защитникомъ его, предложены были мнѣ, съ одной стороны, короны, а съ другой мученія самого ада. Одному только Кайю Калигулѣ, наигнуснѣйшему изъ тиранновъ, свойственно было, какъ повѣствуется у Светонія, нѣкогда сказать: *помни, что мнѣ позволительно все и надъ всѣми*. Если же я злословилъ въ этомъ мѣстѣ російскія постановленія не словами самаго злословія, но одною противоположностію моихъ правилъ этимъ постановленіямъ, то изъ этого слѣдовало бы, что эти постановленія имѣютъ своимъ основаніемъ такое положеніе, которымъ уничтожается всякое существенное различіе между добродѣтелью и порокомъ, между справедливостію и несправедливостію, а по сему и самыя понятія о священномъ гласѣ совѣсти и безусловной обязанности, истекающія изъ предвѣчнаго разума и подтверждаемыя ученіемъ Іисуса Христа, почитаются за одни только призраки воображенія. Изъ сего слѣдовало бы, что и апостолы, равно какъ и христіане первенствующей церкви поступали несправедливо, когда, вопреки запрещенію языческихъ императоровъ, не только были послѣдователями христіанскаго ученія, но и защитниками, и распространителями его. Изъ этого же слѣдовало бы, что и самъ Іисусъ Христосъ возбуждалъ тогда къ мятежу, когда говорилъ: (Матѣ. X. 28): *не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; убойтесь же паче могущаго, и душу и тѣло погубити въ гееннѣ*. Равнымъ образомъ и эти всѣхъ апостоловъ слова.—(Дѣян. V. 29): *яко повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели челоуѣкомъ*—были

бы не иное что, какъ общій вызовъ къ возмущенію. Но святъ гласъ совѣсти каждаго человѣка не только по ученію евангелія и здраваго разума; свята каждая безусловная обязанность; свято убѣжденіе во всякой истинѣ, относящейся къ высшему назначенію человѣка; свято дарованіе свободы, въ слѣдствіе коей мы можемъ мыслить и дѣйствовать по точному первообразію Богоподобія. Приписывать русскому законоположенію такія правила, которыя въ отношеніи къ этимъ священнымъ и вѣчнымъ истинамъ составляютъ совершенную противоположность, есть хула противъ него самая наглая и всякаго наказанія достойная, есть такая хула, въ которой самъ обвинитель остается виновнымъ и чрезъ которую онъ опорочилъ русское правительство даже предъ лицомъ государствъ иностранныхъ. Ибо съ самаго изгнанія меня изъ Россіи въ качествѣ преступника, я не иначе могъ быть почитаемъ во всякомъ мѣстѣ, куда бы я не явился, какъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, подозрительнымъ, а потому и политически не иначе могъ быть терпимъ, какъ подъ условіемъ моей невинности; самое же объясненіе не иначе могло быть учинено, какъ представленіемъ мѣстному правительству, вмѣстѣ съ доносными пунктами, и самыхъ тѣхъ сочиненій, которыя я издалъ въ Россіи и за которыя, по одному только доносу, безъ всякаго выслушиванія моихъ оправданій, осужденъ рѣшительно. Такимъ образомъ, долженъ былъ я объясняться предъ правительствомъ Берлинскимъ и Веймарскимъ, и всякій, кто только ни сличалъ мои сочиненія съ этими, совершенно клеветническими пунктами, не могъ достаточно надивиться дѣйствию ихъ на русское правительство; а вслѣдствіе этого самое происшествіе это, по необходимости, бросало на русское правительство очень темную тѣнь. Я же, съ своей стороны, хотя и старался доказывать вездѣ, что все случившееся со мною и моимъ семействомъ несчастіе произошло не отъ самого правительства, но отъ насилія клеветы, произведенной столь коварнымъ образомъ, что правительство, по необходимости, ею было обмануто, и дѣйствительность такого моего поведенія можетъ засвидѣтельствовать самъ Великій Герцогъ Веймарскій и даже доказать это представленнымъ ему отъ меня обстоятельнымъ изложеніемъ моей невинности, если только благоугодно будетъ ему сообщить это изложеніе русскому правительству, при всемъ томъ, я не въ состояніи былъ предотвратить невыгодныхъ мнѣній по этому случаю особенно тогда, когда отняли у меня и самый остатокъ моего имущества.

Не понятно, какимъ образомъ графъ Северинъ Потоцкій, прежде бывшій попечителемъ Харьковскаго университета, могъ не только самъ одобрить столь безстыдную на мои сочиненія клевету профессора Де-

гурова, но и представить ее высшему начальству, съ присовокупленіемъ своего увѣренія, что онъ разсматривалъ сдѣланный на меня доносъ, въ продолженіи цѣлаго года, самымъ строжайшимъ и самымъ безпристрастнѣйшимъ образомъ и нашелъ его совершенно справедливымъ во всѣхъ частяхъ. При такомъ увѣреніи, нельзя было не обмануться правительству, праводушнѣйшему и человеколюбивѣйшему, а особенно высшему правительству столь обширнаго государства, какова Россія, гдѣ нѣтъ возможности всегда повѣрять сдѣланныя уже изслѣдованія новыми разслѣдованіями, если только правительство не будетъ имѣть въ виду достаточныхъ причинъ, которыми бы оно могло доказать, что представленныя ему изслѣдованія сдѣланы не справедливо. Да и можно ли было подозрѣвать, чтобы столь значительная особа, какъ попечитель университета, могъ говорить не самую сущую истину въ такомъ дѣлѣ, которое касается благосостоянія профессора и его семейства, а хотѣлъ бы только удовлетворить мстительности и злобѣ какого-либо клеветника? Въ силу этихъ обстоятельствъ министры имѣли основаніе думать, что къ свидѣтельству попечителя надобно имѣть полную довѣренность, что дошедшее до нихъ дѣло не могло не быть изслѣдовано и разсмотрѣно достаточнымъ образомъ и что имъ, послѣ этого, не остается ничего болѣе, какъ положить наказаніе, соотвѣтствующее преступленію.

Второе обвиненіе заключается въ томъ, что *все отдѣленіе о бракѣ*, по словамъ обвинителя, *представлено въ соблазнительномъ и для нравственнаго чувства отвратительномъ видѣ*. Но всякій, кто бы ни прочелъ въ моемъ „Естественномъ правѣ“ отдѣленіе подъ заглавіемъ: *право семейственное*, простирающееся отъ страницы 283 до 320, всякій, безъ сомнѣнія, увидѣлъ бы, что этотъ важный предметъ изложенъ мною въ выраженіяхъ столь чистыхъ, цѣломудренныхъ и духовныхъ, что, въ подобномъ случаѣ, едва ли поступилъ такимъ же образомъ какой либо философъ, законоискусникъ и даже богословъ. Въ слѣдующихъ мѣстахъ, находящихся на стр. 283, 286 и 290, изложены главныя понятія, по которымъ образовано и все цѣлое. „Всеблагій и премудрый творецъ естества, дабы самымъ началомъ человѣческаго рода показать, что онъ есть не что иное, какъ изображеніе вѣчныя любви, какъ одно только семейство, соединенное взаимною любовію, сотворилъ человѣка такъ, чтобъ въ двухъ лицахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изображалось единое существо человѣка.—Слѣдовательно, истинный человѣкъ заключается не въ одномъ только мужчинѣ и не въ одной только женщинѣ, но во внутреннемъ соединеніи обоихъ. Такое внутреннее соединеніе производится не властію или силою, но единою взаимною любовію, къ

сладостямъ коей влечется и та, и другая сторона пріятною необходимостію. И эта то взаимность любви производитъ то совершенное равенство права, по которому ни одно изъ двухъ лицъ не можетъ употреблять другое единственно въ видѣ средства, ибо каждое изъ нихъ есть и средство, и цѣль для другого. Мужчина наиболѣе отличается отъ женщины преимуществомъ крѣпости, какъ тѣлесной, такъ и духовной, а въ женщинѣ наиболѣе выражается прелесть, благотворительность, кротость, красота. Собственные качества того и другого лица должны совокупиться во едино, дабы составить собою образъ истиннаго и совершеннаго человѣка. Мужчина, рассматриваемый въ отдѣльности, составляетъ только половину человѣка, также точно и женщина. Слѣдовательно, истинный образъ человѣчества скрывается въ одномъ только внутреннемъ соединеніи обоихъ лицъ и осуществляется взаимнымъ сообщеніемъ и слияніемъ способностей и свойствъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ. Такое соединеніе производитъ все, что можетъ человѣка возвысить и сдѣлать благополучнымъ, ибо оно налагаетъ пріятную необходимость отречься отъ всякаго своекорыстія и самолюбія и жить для великаго семейства людей, на которое обращено вниманіе и попечительность небеснаго Отца; оно дѣлаетъ человѣка участникомъ предвѣчнаго совѣта въ отношеніи къ человѣческому роду,—участникомъ въ томъ отношеніи, по которому онъ какъ бы изливается всѣмъ своимъ существомъ въ океанъ разумныхъ существъ, оставляетъ несообщительную единичность своего естества и обращаетъ всѣ свои мысли, всѣ дѣянія ко благу человѣчества вообще. Полъ мужскій, находясь въ этомъ состояніи соединенія, совлекается своей естественной жесткости и обидной суровости, ибо устрашающая сила его, какъ тѣлесная, такъ и душевная, смягчается нѣжностью и плѣнительнымъ характеромъ иного пола и, вмѣстѣ съ симъ, напечатлѣвается на немъ такая наружность, которая внушаетъ къ нему и уваженіе, и любовь. Нѣжность женскаго пола, сочетавающаяся съ крѣпостію мужскаго, проникаемая ею, наконецъ сливается съ нею во едино, воспріимлетъ нѣкоторый видъ божественности, во взорахъ коей усматривается и сила, и благотворительность, возбуждающія чувство не только довѣренности, но и любви. Женщина, подобно виноградной лозѣ, износящей и распространяющей свои нѣжныя отрасли, соединяясь тѣснѣйшимъ образомъ со своимъ супругомъ, какъ своею опорою и поддержкою, никакихъ не опасается бурь. Она, такъ сказать, теряетъ себя въ своемъ супругѣ, дабы въ немъ же найти себя, и супругъ, благорасположенный и правомыслящій, по своему великодушію, жертвуетъ всѣмъ для своей возлюблен-

лой, старается воздать ей гораздо болѣе, нежели сколько отъ нея приметъ, и, по вступленіи въ благороднѣйшее состязаніе любви, усердія и всемирной услужливости, можетъ наслаждаться самой жизнью и почитать себя благополучнымъ тогда только, когда бываетъ увѣренъ, что онъ живетъ только для нея. Здѣсь совершается истинный разиѣнъ личностей, по которому всякое побужденіе своекорыстія совершенно подавляется и искореняется“. Какъ можно сказать, чтобы столь священные, столь чистыя и столь духовныя понятія о бракосочетаніи, кои всѣ заимствованы изъ божественнаго духа вѣроисповѣданія Иисусова, возмущали нравственность, или были соблазнительны? Сколь бы свѣтъ былъ счастливъ, если бы таковыя мысли и расположенія господствовали всюду и были бы общимъ правиломъ жизни! Если онѣ заключаютъ соблазнъ, то я желалъ бы заразить этимъ соблазномъ цѣлый свѣтъ, будучи увѣренъ, что тогда было бы небо на землѣ. Но сколь надобно быть слѣпу и развратну, чтобы подъ этою любовью, каковую я полагаю въ основаніе брачнаго союза, разумѣть одно только скотское плотоугодіе! Всѣ качества описываемой мною любви показываютъ, что она совсѣмъ не зависитъ отъ наслажденія чувственнаго, возносится превыше всякой чувственности, (1 Кор. XIII. 5, 7), *любитъ всё*, мудрствуетъ небесная, не измѣняется и въ самой вѣчности и есть отблескъ той вѣчной любви, которая воззвала насъ къ бытію и которая, послѣ того, какъ мы умерщвлены были грѣхомъ, воскресила насъ закланіемъ своей величайшей жертвы, принесенной на крестѣ. Если же кто всегда видѣлъ въ брачномъ союзѣ одно только животное дѣторожденіе, нисколько не отличающее человѣка отъ прочихъ животныхъ, и всегда почиталъ его главнѣйшею, даже единственною цѣлію этого союза, тотъ никогда не простираетъ своего взора за тѣсный кругъ инстинкта животныхъ, никогда въ самомъ себѣ не испытывалъ того небеснаго, восхитительнаго чувства, когда мы, вознесясь превыше всего земнаго, усматриваемъ, даже въ чувственныхъ нашихъ наслажденіяхъ, единыя знаменія дѣйствій этого божественнаго духа, который владычествуетъ надъ сферою чувственности и который, открывая предъ очами нашими небо, ставитъ его цѣлію всѣхъ земныхъ нашихъ наклонностей, занятій и удовольствій. И просвѣщенный разумъ увѣряетъ, и Евангеліе свидѣтельствуетъ, что всякое намѣреніе и всякое удовлетвореніе естественнымъ наклонностямъ, не имѣющее въ виду ничего инаго, кромѣ чувственности, есть грѣхъ, равняющійся, нѣкоторымъ образомъ, идолослуженію. Вотъ высшій смыслъ, который намъ открываетъ и которымъ руководствоваться совѣтуетъ Евангеліе, въ союзѣ супружества! *Мужіе*, говоритъ апостолъ Павелъ (Ефес. V. 25, 32), *любите своя жены, якоже и Христосъ возлюбилъ церковь, и себе предаде*

за ню. Тайна сія велика есть; азъ же глаголю во Христа и во Церковь. И подлинно, великая тайна во Христа и во Церковь, есть то сліяніе сердець, какое бываетъ между двумя благонравными супругами,—нѣжное участіе одного лица во всѣмъ, относящемся до другого,—истинное доброжелательство, искреннее супружество, непоколебимая вѣрность во всѣхъ искушеніяхъ и несчастіяхъ,—все это—чистѣйшая и пламенная любовь, которая, жертвуя всѣмъ, не падить и самой себя, и которая не только въ самой холодной и глубокой старости, умерщвляющей всю способность къ дѣторожденію, обнаруживаетъ самую живѣйшую горячность, но не угасаетъ и по смерти,—это—священнѣйшее рвеніе вновь обрѣсти другъ друга въ лучшей жизни, и, подобно существамъ духовнымъ и святымъ, совершенно удаленнымъ отъ всякаго побужденія къ дѣторожденію, подобно ангеламъ божіимъ, любить и обнимать другъ друга вѣчно. Столь возвышенныя мысли и чувства въ состояніи супружества составляютъ такую тайну, о которой ни одинъ изъ чувственныхъ людей, ни одинъ изъ пресмыкающихся разумомъ и духомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Счастливъ я, что эту священную и превыше всякаго животнаго инстинкта восходящую любовь, извѣстную мнѣ прежде изъ ученія евангельскаго, нынѣ знаю изъ опыта. Одну добродѣтельную супругу похитила у меня смерть; а другую, еще при жизни ея, исторгла изъ моихъ объятій человѣческая злоба. Отъ обѣихъ я не могу уже ожидать ничего, лестнаго для чувственности, но вѣчная любовь соединила насъ не разрывнымъ союзомъ; я опять увижу ихъ, опять найду ихъ вѣрныхъ и любезнѣйшихъ спутницъ моего странствованія, опять обрящу ихъ въ той блаженнѣйшей жизни, гдѣ не буду болѣе опасаться никакой разлуки. Эту-то священную привязанность разумѣю я подъ именемъ любви, считая ее и первою и послѣднею цѣлью супружества! Что же касается до намѣренія рождать дѣтей, то оно не только не противно этому священному понятію о состояніи супружества, но еще совмѣщается съ нимъ, какъ слѣдствіе той же любви, какъ дѣйствіе, подчиненное той же высшей цѣли, отъ которой оно заимствуетъ свою возвышенность и получаетъ нѣкоторый отпечатокъ отъ той божественной любви, какая открыта намъ въ твореніи и искупленіи міра. На этомъ основаніи, я опредѣляю супружество слѣдующимъ образомъ (стр. 291). „Союзъ двухъ лицъ различнаго пола, сочетающихся другъ другу для наслажденія взаимною любовію, совмѣстною однакожъ и съ намѣреніемъ дѣторожденія, называется супружескимъ“. Изъ этого опредѣленія выведено слѣдующее положеніе (стр. 294). „Наслаждающіеся супружескою любовію не должны дѣлать ничего такого, что бы

могло препятствовать дѣторожденію“. А что рожденіе дѣтей не можетъ быть единственною и самою главною цѣлію супружества, это доказываю я, между прочимъ, изъ слѣдующихъ началъ (стр. 292, 293). „Дѣторожденіе въ состояніи супружества есть вообще нѣчто неизвѣстное и случайное, посему оно и не можетъ быть почитаемо *первоначальною* цѣлію супружества. Притомъ, если бы оно дѣйствительно было *первоначальною* цѣлію, то безъ нарушенія права естественнаго нельзя было бы вступать въ состояніе супружества ни одному изъ тѣхъ, кто не надѣется быть способнымъ къ дѣторожденію, а потому и супружества такого рода не были бы дозволяемы законами гражданскими, ибо они не могутъ дозволить ничего такого, что совершенно противно естественному праву. Погрѣшили бы противъ закона совѣсти и тѣ, которые находятся уже въ состояніи супружества и, не взирая на свой возрастъ, отымающій у нихъ всю надежду на дѣторожденіе, продолжаютъ пользоваться правами супружества. Должны бы воздерживаться отъ употребленія супружескихъ правъ и всѣ вообще супруги, какъ скоро замѣтили бы они вѣрные признаки зачатія младенца во утробѣ. Въ силу этихъ обстоятельствъ оказалась бы также крайняя запутанность въ двухъ, весьма важныхъ наукахъ, какъ то,—въ умозрительномъ правовѣденіи и естественной нравственности. Но ежели любовь принята будетъ за основаніе этого священнѣйшаго союза, то всѣ таковыя затрудненія удобно согласены будутъ со своимъ началомъ, ибо изъ него слѣдуетъ только то, что, при употребленіи правъ супружества, не надобно препятствовать способности дѣторожденія“.

Главная уловка, посредствомъ которой обвинитель старался меня и мою философію сдѣлать ненавистными, состояла въ томъ, что онъ огласилъ меня приверженцемъ *Шеллимовой философіи*. Но противъ этого я замѣчу: 1) то, что мой обвинитель, по мѣсторожденію французъ, не знаетъ ни одного нѣмецкаго слова и потому никогда не читалъ нѣмецкихъ философовъ, такъ что, если бы у него спросили, въ чемъ состоитъ Шеллингова философія, онъ бы былъ тотчасъ изобличенъ въ своемъ совершенномъ невѣденіи ея. Какимъ же образомъ могъ онъ утверждать, что мои сочиненія написаны по началамъ Шеллинговой философіи? 2) Шеллинга наиболѣе порицаютъ зато, что онъ, основываясь на одной только природѣ, обоготворилъ ее. Справедливо ли это обвиненіе, или нѣтъ, здѣсь не мѣсто разсуждать. Но если и предположимъ, что положеніе—*самая природа есть Богъ*—составляетъ духъ Шеллинговой философіи, то и тогда всякій, читающій мои сочиненія, на каждой страницѣ будетъ видѣть, что моя философія совершенно удалена отъ таковаго духа, и что собственный духъ ея есть только

тотъ, который стремится ниспровергнуть всѣ алтари этого злоче-
ваго и для всего человѣчества крайне опаснаго духа, равно какъ и
его самого низринуть въ вѣчную ночь, откуда онъ и вышелъ. Нельзя
выдумать никакой иной болѣе злобной клеветы, нежели та, которая
приписала и поставила мнѣ въ порокъ совершенную противополож-
ность моего образа мыслей, т. е. якобы бы я утверждалъ, что самая
природа есть Богъ. Напротивъ, я увѣренъ, и на это имѣю въ моихъ
сочиненіяхъ самыя ясныя доказательства, что не только моя философія,
но и всѣ мои ученые занятія единственно клонятся къ тому, дабы
утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ не одиѣ только истины есте-
ственного богослуженія, которыя нынѣ много ослаблены господствующею
философіею, но и положительное (откровенное) христіанское
ученіе подкрѣпить и объяснить такими доказательствами, которыя
заимствованы изъ всеобщихъ началъ разума и, будучи столько же
вѣчны, какъ и самая вѣчность, представляли бы ученіе Іисуса Хри-
ста во всемъ его великолѣпіи, ясности и красотѣ, такъ чтобы каждый
могъ видѣть все его достоинство, всю божественность, и, въ исполне-
ніи его, свое собственное блаженство. Я совершенно увѣренъ, что мое
величайшее благополучіе и моя высочайшая мудрость заключается въ
томъ, чтобы во всемъ мірозданіи,—отъ персти до человѣка, во всѣхъ
происшествіяхъ свѣта, во всей природѣ, въ искусствахъ, въ наукахъ
умозрительныхъ, видѣть Бога и Христа Іисуса, Бога-Создателя и Иску-
пителя, Бога—Источника вѣчной любви, открывающейся въ дѣйстви-
яхъ или творенія, или искупленія, видѣть такъ, что безъ Бога, яко
Творца и Искупителя, всякое земное благополучіе было бы для меня
не иное что, какъ несчастіе, всякая мудрость—буйство, всякая обра-
зованность—порча. Я внутренно увѣренъ, что евангеліе, которое я
читаю ежедневно съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, объ-
ясняетъ мнѣ важнѣйшія человѣческія происшествія и даже тайны,
сокрытыя отъ высочайшихъ духовъ, несравненно лучше представляетъ
убѣжденія къ добру несравненно сильнѣйшія, и наконецъ успокаиваетъ
и радуетъ гораздо сладостнѣе, нежели всѣ сочиненія философовъ. Я
сердечно увѣренъ, что, при всѣхъ моихъ занятіяхъ и трудахъ, я не
имѣю для себя ничего болѣе важнаго, какъ обязанность познавать
ученіе Іисуса Христа, *въ немъ же, какъ говоритъ апостолъ (колосс.
11. 3) суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна*, всегда
съ большею ясностію и назидательностію, и обращать таковое спа-
сительное познаніе не къ одному только усовершенствованію самого
себя, но и распространять его между людьми изустно и письменно,
со всевозможнѣйшею ревностію, дабы такимъ образомъ истребить отъ

лица всей земли, выѣстъ съ новою философіею возникшее изычество, и уничтожить всѣ пагубныя его послѣдствія. Я увѣренъ собственнымъ сознаніемъ, что я не только не стыжусь вносить евангеліи и въ самую область философіи, но и велегласно исповѣдую, что крестъ Іисуса Христа есть единственная каеэдра, съ которой слышатся глаголы истинной мудрости.—Я увѣренъ самою совѣстію, что несчастье, постигшее меня за имя Іисусово, не только не привело меня въ уныніе, но еще наполнило душу мою утѣшеніемъ и радостію, такъ что я готовъ теперь, если бы это было нужно, пожертвовать и самою жизнію за ученіе Іисусово. Вотъ духъ моей философіи, которую я всеусильно старался распространять въ Россіи какъ словесно, такъ и письменно! И если этотъ же самый духъ господствуетъ и въ Шеллинговой философіи, то, подлинно, ничего болѣе не остается желать, какъ только, чтобы весь свѣтъ присягнулъ въ преданности этому духу. Я не знаю, какъ самъ Шеллингъ думаетъ объ этихъ сверхъестественныхъ и вышечувственныхъ священныхъ предметахъ, составляющихъ преимущественнѣйшее содержаніе моей философіи: знаю только то, какъ я о нихъ думаю, равно какъ и то, что можетъ узнать мои мысли объ этихъ предметахъ всякій, кто будетъ читать мои сочиненія. Признаюсь, что я заимствовалъ изъ сочиненій Лейбница, котораго почитаю глубочайшимъ философомъ и христіаниномъ, нѣкоторыя лучшія мысли, положенныя мною въ основаніе моей совершенно христіанской философіи. Воспользовался и Шеллингъ нѣкоторыми изъ этихъ же мыслей среди доказательствъ своей естественной философіи. Но эти доказательства были бы справедливы тогда только, когда бы самая система, подобно системѣ Лейбница, и нисходила, по своимъ началамъ, отъ Бога, и восходила бы паки, своею цѣлію, къ Богу. И потому система Шеллинга, какъ не выходящая изъ круга природы, не только не имѣетъ для меня никакихъ твердыхъ началъ, но еще ведетъ къ развращенію. Притомъ, предметъ моей философіи не есть природа, подлежащая чувствамъ человѣка, но та высшая сфера бытія, въ коей однимъ умозрѣніемъ разсматривается все то, что справедливо или несправедливо, добродѣтель или порокъ, достоинство или низость, заслуги или преступленіе, свобода или необходимость, также безсмертіе души, богослуженіе вообще, христіанское вѣроисповѣданіе, и все то, что относится къ высшему назначенію человѣка. Злонамѣренность и клевета издревле имѣли обыкновеніе называть какими нибудь ненавистными именами самыхъ благороднѣйшихъ и общеплезнѣйшихъ друзей истины, дабы, очернивъ ихъ такимъ образомъ, тѣмъ большую имѣть возможность ихъ преслѣдовать. Но при безпристрастномъ изысканіи истины,

не надобно смотрѣть на имена, но на самое дѣло, на истинность дѣла, на его назначеніе и цѣль. Не о томъ надобно спрашивать, *кто* утверждаетъ что либо, но *что* утверждаетъ кто либо? справедливо ли утверждаетъ и достойно ли особеннаго вниманія, полезно ли, необходимо ли для человѣчества то, что онъ утверждаетъ? Руководствуясь такими правилами, и я утверждаю многое, что утверждаетъ и Кантъ, такъ какъ я нахожу это справедливымъ, хотя, относительно главнаго предмета его философіи, равно какъ и ея основаній и цѣли, я весьма не согласенъ съ Кантомъ. Всякій, именующійся философомъ, между тѣмъ обучающій однимъ только заблужденіямъ, и, при изложеніи пагубныхъ своихъ заблужденій, выдаваемыхъ имъ за истину, очень рѣдко встрѣчающійся съ самою истиною, не только не можетъ быть названъ философомъ, но еще заслуживаетъ наименованія человѣка сумасброднаго. Сорокъ лѣтъ занимался я чтеніемъ древнихъ и новыхъ философовъ съ величайшимъ прилежаніемъ и часто, подъ дразгомъ самыхъ вздорныхъ и заразительныхъ мнѣній, находилъ я драгоцѣннѣйшіе бисеры истины, которыя и употреблялъ съ благодарностію для покрѣпленія или для украшенія моей системы.

И такъ, возможно ли, чтобы кто либо, по прочтеніи моего естественнаго права, могъ замѣтить во мнѣ намѣреніе обоготворить одну только природу? Доселѣ нѣтъ, можетъ быть, ни одной книги подобнаго содержанія, въ которой бы о Богѣ и вещахъ божественныхъ, говорено было съ вѣщающею силою и возвышенностію, чѣмъ говорилъ я объ этихъ предметахъ въ моемъ естественномъ правѣ. Пусть найдется хотя одинъ человѣкъ, который бы, прочитавши, изъ числа многихъ иныхъ, покрайней мѣрѣ одно нижеслѣдующее мѣсто, могъ не быть совершенно увѣренъ въ томъ, что для меня нѣтъ ничего священнаго, какъ обязанность богослуженія, и что вся моя философія, яко основанная на началахъ благочестія, дышетъ единымъ только благочестіемъ. Такъ изъясняюсь я на стран. 242. „По истинѣ, всѣ люди имѣютъ врожденное понятіе о существѣ всесвятѣйшемъ и всесовершеннѣйшемъ, которое хотя видимъ мы, какъ бы въ нѣкоемъ зеркалѣ, во всемъ мірозданіи, но котораго самое лучшее начертаніе и образъ есть человѣкъ. Оно управляетъ всѣмъ, что есть или бываетъ, располагая все вообще по своимъ благодѣтельнѣйшимъ намѣреніямъ и обращая все къ концу. Изъ такового о немъ понятія выводится благонадежность всякаго человѣческаго достоинства и благополучія; изъ него же несомнѣнность совершенной свободы, съ какою дѣйствуетъ воля и разумъ; изъ него же—самыя твердыя основанія всякой истины, добродѣтели и справедливости; изъ него же—убѣдительность и удостовѣреніе въ

высочайшемъ предназначеніи и вообще во всемъ; относящемся къ высшей природѣ; изъ него же—столь утѣшительное въ счастьи и несчастіи, столь возжелѣнное и вѣрное, столь радостное и восхитительное упованіе безсмертія; изъ него же—неотдѣлимость добродѣтели отъ соотвѣтственнаго ей благополучія, и увѣренность въ совершеннѣйшемъ правосудіи міроправителя; изъ него же—божественная сила совѣсти, спокойствіе мысли, постоянство духа, не возмущаемаго никакими бѣдствіями, никакою неожиданностію приключеній, изъ него же равнодушіе къ смерти и небреженіе о всѣхъ отдѣльныхъ вещахъ; изъ него же—и сладчайшее веселіе и превыспренность, ощущаемыя при созерцаніи міра, ибо въ то время, какъ скоро представится намъ понятіе о существѣ всесвятѣйшемъ, премудрѣйшемъ, всещедромъ, всемогущемъ, и озаритъ своимъ сіяніемъ, подобно солнцу, все мірозданіе,—въ то же самое время, безконечная ночь начинается превращаться въ день, смѣшеніе въ порядокъ, смерть въ жизнь, вещество въ духъ, вмѣстилище ада въ жилище неба и всеобщее разногласіе въ гармоническое общество. Слѣдовательно, всякій человѣкъ имѣетъ полное и никакими гражданскими законами, никакою тираническою властію не нарушимое право—безпрерывно углубляться въ созерцаніе такого понятія, взирать на него, какъ на общее начало и конецъ всѣхъ размышленій, усилій, желаній, намѣреній, дѣйствій; свободно и предъ всѣми объ этомъ бесѣдовать и выражать свои мысли чувственными знаками. Всѣ добродѣтельнѣйшіе и ревностнѣйшіе исповѣдники не только претерпѣвали несчастія всякаго рода, но жертвовали и самою жизнью со всею готовностію, для защиты этого священнѣйшаго права. Ибо, такъ называемая, жизнь безъ Бога есть смерть. Или надобно совсѣмъ не жить, или жить только въ Богѣ. Смерть за Бога есть истинная жизнь“.

А что не богослуженіе только вообще, но и богослуженіе христіанское составляетъ духъ моей философіи, доказательствомъ этого служить вся моя книга. Всякій, кто только читалъ ее, могъ замѣтить этотъ священный духъ богослуженія Іисусова, даже въ самомъ ея началѣ, гдѣ между прочимъ сказано. „Поклоняясь божественной мудрости, изложенной въ священныхъ книгахъ ветхаго и особенно новаго завета, я почитаю всякую философію ученіемъ ложнымъ и пагубнымъ и, слѣдовательно, отвергаю ее, если только она утверждаетъ что либо противное тѣмъ истинамъ, которыя служатъ основаніемъ всякаго человѣческаго достоинства и благополучія и которыя проповѣдуются богослуженіемъ Іисусовымъ въ образѣ нѣкой величественной простоты, приспособленной къ понятію всѣхъ и cadaго. И сіи—то столь священныя, столь необходимыя, столь спасительныя истины я желалъ и

желаю въ моихъ философскихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже и изданы и нѣкоторыя готовятся еще къ изданію, подкрѣпить такими доказательствами, которыя бы ни насиліемъ времени, ни переѣчивостію человѣческихъ мыслей, ни безразсудностію блуждающаго разума, ни благовидностію ложной философій, ни необузданностію своевольной жизни, не могли быть никогда ни опровергнуты, ни ослаблены; и сей-то, предпринятый мною трудъ, эти самыя занятія я почитаю утѣшительными для моей старости и славными для остатка моей жизни!“

Желалъ бы я, чтобы столь отличнѣйшій, по своему благочестію, министръ народнаго просвѣщенія или самъ прочиталъ мое сочиненіе о естественномъ правѣ, или приказалъ бы настрояйше рассмотреть его мужамъ ученымъ и праводушнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, тогда увидѣлъ бы, что графъ Потоцкій и его любимецъ Дегуровъ обманули его самымъ недостойнѣйшимъ образомъ, увидѣлъ бы, что и всѣ прочіе обвинительные пункты заключаютъ въ себѣ столь же явную клевету, какъ и тѣ, о которыхъ упоминаемо было доселѣ; увидѣлъ бы, что книга эта вмѣщаетъ въ себѣ все то, что сообразно съ его собственными правилами, съ его благочестивыми, общепользовными и патристическими намѣреніями; увидѣлъ бы, что состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи точно соответствовало бы его желанію, если бы всѣ, находящіеся въ Россіи учителя имѣли тѣ же самыя мысли, тѣ же чувствованія, каковыя изложены въ моемъ естественномъ правѣ; покойный митрополитъ Амвросій, мужъ отличнаго образованія, благоразумія, добродѣтели и ревности къ христіанскому вѣроисповѣданію, не безъ причины принялъ мои сочиненія съ особенною благосклонностію, такъ что, при закупкѣ значительнаго количества экземпляровъ для раздачи ихъ русскому духовенству, купилъ, между прочими, 20-ть экземпляровъ моего естественнаго права. Сколь бы я былъ счастливъ, если бы Его Императорскому Величеству сообщено было удовлетворительное и обстоятельное свѣдѣніе о точномъ содержаніи книги! Я не опасаясь никакого изслѣдованія безпристрастныхъ и ученыхъ любителей истины. Чѣмъ оно будетъ строже, тѣмъ оно для меня выгоднѣе. Съ этою книгою готовъ я предстать не только предъ судилище цѣлаго свѣта, но и предъ самаго судію міра, отъ котораго не можетъ укрыться никакое злоупотребленіе, никакая клевета. Я осужденъ безъ выслушанія моихъ оправданій, по одному только доносу профессора Дегурова, и вслѣдствіе присовокупленнаго графомъ Потоцкимъ увѣрительнаго отзыва касательно основательности доноса. Но если бы и нынѣ дозволено было мнѣ привести мои оправданія и для

выслушанія ихъ приказано было бы вызвать меня въ Петербургъ, а бы и нынѣ могъ доказать, что всѣ пункты, каковыя представлены въ обвиненіе моего естественнаго права, или совершенно ложны, или ложны, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, въ каковомъ они приняты. Я бы доказалъ и то, что все воздвигнутое противъ меня говеніе есть слѣдствіе одной только французской интриги.

Вторая книга, на которую тотъ же человѣкъ и такую же написалъ клевету, издана подъ заглавіемъ „*De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum*“ (о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима отъ Ромула до Августа). Изданіе этой книги поручено мнѣ было Харьковскимъ университетскимъ совѣтомъ для употребленія ея по гимназіямъ. Поводомъ къ этому было нижеслѣдующее обстоятельство. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, предписалъ университету, чтобы онъ постарался объ изданіи латинскихъ классическихкихъ писателей, для употребленія ихъ по университетамъ и гимназіямъ Россійской имперіи. Университетскій совѣтъ имѣлъ уже особенное довѣріе къ моимъ свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ и словесности, какъ извѣстнымъ ему изъ различныхъ прежнихъ случаевъ, почему и поручилъ мнѣ заняться этимъ весьма важнымъ, многотруднымъ и общепользовательнымъ дѣломъ. Классическихкихъ писателей надобно было издать въ такомъ видѣ, чтобы изданіе соответствовало потребностямъ учащихся и учащихся въ Россіи и, слѣдовательно, заключало бы въ себѣ приличныя объясненія трудныхъ и темныхъ мѣстъ. Я принялъ на себя это дѣло изъ одного только патріотическаго и отъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ удаленнаго намѣренія, донесши совѣту, что за свой трудъ не желаю никакого почетнаго вознагражденія, дабы изданіе латинскихъ классиковъ могло продаваться, сколько возможно, дешевле, а такимъ образомъ и обученіе латинскому языку, столь необходимому для образованія въ наукахъ, производимо было бы тѣмъ съ большимъ удобствомъ и пользою. Если бы я пожелалъ за этотъ трудъ обычнаго въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ вознагражденія, каковое получалъ и мой предѣстникъ по латинской словесности, проф. Роммель, за изданныя имъ книги, то предоставлено было бы въ мою пользу полное изданіе классическихкихъ писателей, цѣною до 20.000 р. Но я хотѣлъ пожертвовать этою значительною суммою пользѣ народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ благотѣльнымъ намѣреніемъ Его Императорскаго Величества. Я предположилъ начать этотъ трудъ изданіемъ книги, подъ заглавіемъ „*О славнѣйшихъ гражданахъ города Рима, отъ Ромула до Августа*“, сочиненной Авреліемъ Викторомъ. Та же самая книга издана уже была нѣкимъ французомъ, по имени Ломондомъ,

но въ видѣ самомъ краткомъ, величиною почти въ четыре листа въ четверку, и притомъ съ различными измѣненіями подлиннаго текста. По этой причинѣ я пользовался не однимъ только изданіемъ Ломонда, но и сочиненіемъ Виктора Аврелія, соображаясь вездѣ съ моею цѣлю, принаровленною къ потребностямъ россійскихъ гимназій. При составленіи книги, имѣлъ я троякую цѣль: 1) представить ее въ видѣ латинской хрестоматіи, для употребленія по гимназіямъ. Дабы достигнуть этой цѣли, я долженъ былъ распространить изданіе Ломонда, что и сдѣлалъ, пополнивши его извлеченіемъ лучшихъ мѣстъ, взятыхъ изъ различныхъ классическихъ писателей, ибо изъ книги, величиною въ 4 только листа, нельзя было дѣтямъ научиться латинскому языку такъ, чтобы они сами, послѣ этого могли изъяснять сочиненія латинскихъ классиковъ. Изданіе увеличилъ я до 16 листовъ, помѣстивши въ немъ самыя значительныя и достопримѣчательныя черты, коими отличались славнѣйшіе изъ Римскихъ гражданъ, жившихъ отъ времени Ромула до Августа. Хрестоматія такой величины достаточна была для сообщенія обучающемуся по гимназіямъ россійскому юношеству приготовительныхъ свѣдѣній въ латинскомъ языкѣ, и была не только назидательна, но и недорога; 2) старался я расположить самую хрестоматію такъ, чтобы она была сокращеніемъ Римской исторіи, и юношество могло бы въ одно и то же время не только обучаться латинскому языку, но и замѣчать въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія Римскія происшествія, такъ какъ они имѣли весьма большое вліяніе на судьбу прочихъ народовъ и состояніе всего образованнаго свѣта. Для достиженія этой цѣли, надобно было присовокупить различныя объясненія, относящіяся къ Римскимъ древностямъ, нравамъ, обыкновеніямъ и законамъ, каковыя и присовокуплены были мною съ соблюденіемъ надлежащей краткости. Но такъ какъ не только моя философія, но и всѣ ученыя мои занятія клонились къ распространенію благочестія и добродѣтели, такъ что безъ нихъ, по моей совершеннѣйшей въ семъ увѣренности, всякое образованіе должно быть почитаемо занятіемъ не только бесполезнымъ но даже вреднымъ, то я всего болѣе старался 3) о томъ, чтобы, при обученіи латинскому языку, возбуждаемы были, въ сердцахъ россійскаго юношества, ощущенія благородныя, патріотическія, нравственныя и благочестивыя, и такимъ образомъ самая сухость занятія мертвымъ языкомъ обращалась бы въ упражненіе привлекательное, назидательное и спасительное. Для достиженія этой цѣли, извлекалъ я изъ лучшихъ классиковъ примѣры самыхъ изыщныхъ, самыхъ высокихъ и самыхъ героическихъ добродѣтелей древнихъ Римлянъ, полагая, что посредствомъ ихъ воспламеня-

оны будутъ въ сердцахъ россійскаго юношества, даже при первоначальномъ обученіи латинскому языку, самыя благородныя чувства. Планъ этотъ, по истинѣ, достойный всякаго одобренія, представленъ былъ мною, крѣдъ самымъ изданіемъ сочиненія, университетскому совѣту и былъ имъ одобренъ во всѣхъ частяхъ. Я помѣстилъ его и въ предисловіи, но здѣсь приведу изъ него только тѣ мѣста, которыя относятся къ примѣрамъ добродѣтели.....

Вотъ мое самое искреннее, общепользное и священное намѣреніе, которымъ я руководствовался при составленіи этой книги, котораго я достигалъ во всѣхъ ея отдѣльныхъ частяхъ и которое клонилось къ тому только, чтобы воспламенить въ юныхъ и неповрежденныхъ сердцахъ россійскаго юношества любовь къ добродѣтели. Въ дѣйствительности такого намѣренія можетъ быть удостовѣренъ всякій, кто только знаетъ латинскій языкъ и прочтетъ со вниманіемъ мою книгу. Между тѣмъ, это же самое намѣреніе принято профессоромъ Дегуровымъ и его благотворителемъ графомъ Потоцкимъ за такое преступленіе, которое стоило примѣрнаго наказанія и которое требовало, чтобы я не только отрѣшенъ былъ отъ должности и выгнанъ изъ Россіи, но чтобы и самая книга сожжена была всенародно. И это исполнено было на самомъ дѣлѣ, ибо въ 1817 году, т. е. годъ спустя послѣ того, какъ я высланъ былъ изъ Россіи, все изданіе этого сочиненія, къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ и къ удовольствію прочихъ зрителей, публично сожжено было въ Ботаническомъ саду Харьковскаго университета. Впрочемъ и обвинителямъ моей книги крайне нужно было истребить всѣ экземпляры ея, дабы послѣ нельзя было ихъ подвергнуть отвѣтственности и наказанію, по содержанію гнусной ихъ клеветы. Но они обманулись въ своемъ предположеніи, ибо не всѣ еще экземпляры этого сочиненія истреблены. Одинъ изъ нихъ находится у Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая, получивши свѣдѣніе о достоинствѣ этой книги отъ мужей благонамѣренныхъ и ученыхъ, всемилостивѣйше пожаловала мнѣ, какъ за самую эту книгу, такъ и за прочія мои сочиненія, еще въ бытность мою въ Харьковѣ, и при томъ въ то самое время, какъ я былъ оклеветанъ моими обвинителями, драгоценную табакерку съ изображеніемъ августѣйшей фамиліи, препроводивъ ее при письмѣ, въ которомъ сказано было, что эти, много изданныя книги, т. е. естественное право, логика, книга о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима и рѣчь о возстановленіи свободы въ Европѣ *превосходныя произведенія, для просвѣщенія народнаго весьма полезныя, и вообще сочиненія такого рода, которыя, идъ только они ни будутъ читаны,*

вездѣ будутъ распространителями моей славы. Этотъ драгоценнѣйшій даръ и отзывъ Ея Императорскаго Величества всегда будутъ утѣшать меня въ моемъ несчастіи, въ которое низвержень я клеветою безпримѣрною. Есть одинъ экземпляръ той же книги у ея сіятельства графа Стурдзы, которому поднесенъ мною, въ бытность его въ Веймарѣ. Представленъ одинъ же экземпляръ Его Высочеству, Великому Герцогу Веймарскому для доказательства моей невинности. Наконецъ, остался и у меня одинъ экземпляръ, который для своего оправданія могу сообщить всякому, въ доказательство дерзкаго и безчиннаго поступка Дегурова противъ російскаго правительства.

Даже первый пунктъ обвиненнаго противъ этой книги обвиненія—клевета, ибо имъ вмѣняется мнѣ въ преступленіе, что будто бы, при изданіи книги, обойдена была цензура. Дѣло происходило такимъ образомъ. Приступая къ изданію своей книги, я просилъ университетское правленіе подвергнуть ее цензурѣ, но оно въ этомъ мнѣ отказало, по той причинѣ, что правилами о цензурѣ, объясненными въ уставѣ Харьковскаго университета, постановлено между прочимъ относительно книгъ, издаваемыхъ при этомъ университетѣ, *чтобъ тѣ сочиненія, которыя поручаетъ составить какому либо профессору университетскій советъ, не были подвергаемы цензурѣ.* А такъ какъ сочиненіе и изданіе этой книги производимы были по порученію совѣта, то и въ дозволеніи отдать ее на разсмотрѣніе цензора мнѣ было отказано. Притомъ, латинскіе классики издавались по предписанію самого министра, графа Разумовскаго, и такъ какъ изданная по этому предписанію книга заключала въ себѣ не иное что, какъ одно только извлеченіе изъ самыхъ лучшихъ и по всѣмъ гимназіямъ употребляемыхъ писателей, то какимъ же образомъ можно было Дегурову, не изболчивъ самого себя въ явной клеветѣ, обвинять меня въ томъ, что эта книга вышла, безъ разсмотрѣнія цензуры? Такое обвиненіе тѣмъ болѣе странно, что Дегуровъ въ то время, какъ писалъ это обвиненіе, самъ былъ членомъ университетскаго цензурнаго комитета и потому не могъ не знать всего того, что сказано въ университетскихъ правилахъ, по предмету цензуры. Изъ этого явствуетъ, что его обвиненіе основано было на одномъ только желаніи оклеветать, на одномъ его намѣреніи причинить мнѣ вредъ, вопреки очевидной ясности постановленій.

Но болѣе всего обвиняется въ этой книгѣ то, что должно обратить на себя особенное вниманіе и одобреніе всякого любителя добродѣтели, т. е. обвиняются въ ней самые примѣры отличныхъ добродѣтелей, избранные мною изъ классическихъ писателей и расположенные какъ бы въ нѣкоемъ галлерейномъ порядкѣ. Между образцами

героическихъ добродѣтелей древнихъ Римлянъ и Римлянковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два примѣра—Лукреція и Виргинія, въ отношеніи къ цѣломудрію. Ни одинъ писатель не имѣлъ такого искусства—представлять добродѣтель въ ея прелестнѣйшемъ, а порокъ въ его омерзительнѣйшемъ видѣ, каковымъ обладалъ Ливій. Онъ доказалъ свою способность и знаніе особенно тамъ, гдѣ описываетъ героическій духъ Лукреціи и Виргиніи, защищающихъ нязищнѣйшую изъ добродѣтелей своего пола,—собственное ихъ цѣломудріе. А такъ какъ такія описанія преимущественно способствуютъ къ возвышенію юныхъ сердець, то я и внесъ въ свою книгу эти примѣры цѣломудрія, Лукрецію и Виргинію, точно тѣми же словами, каковыми изобразило ихъ цѣломудренное краснорѣчіе Ливія и каковыми онѣ описаны въ другихъ латинскихъ хрестоматіяхъ. Эта выписка показалась профессору Дегурову великимъ преступленіемъ, ибо она, по словамъ его, служитъ соблазномъ для юношества. Но каждый здравомыслящій другъ добродѣтели и юношества знаетъ и увѣренъ въ томъ, что повѣствованія тогда только обращаются въ претыканіе и соблазнъ, когда порокъ представляется въ нихъ въ видѣ привлекательномъ, какъ это дѣлается болѣею частію въ романахъ, а не тогда, когда юношество предостерегается отъ него, съ выраженіемъ важности и строгости, и когда самое преступленіе описывается съ омерзеніемъ, потрясающимъ чувство и самого развратнѣйшаго сластолюбца. Оба Ливіевы описанія превосходны и возбуждаютъ крайнее омерзеніе къ преступленію. Если же предположимъ, что, для предостереженія юношества отъ нѣкоторыхъ пороковъ, какъ, напр., отъ порока любострастія, лучше бы ему объ нихъ совсѣмъ не напоминать, то, по этому предположенію, слѣдовало бы прежде сдѣлать людей совершенно иными, нежели каковы они нынѣ; надобно бы было уничтожить ихъ врожденную склонность ко грѣху и слѣдовательно оставить ихъ въ первобытномъ состояніи невинности. Но такъ какъ опытъ доказываетъ, что пламень нѣкоторыхъ страстей сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ въ юношескихъ сердцахъ и что опасность развращенія и нравственной гибели тогда бываетъ къ нимъ крайне близка, то благоразуміе и любовь къ человѣчеству обязываютъ cadaго, а особенно образователей юношества, чтобы они въ тѣ года, въ которые обыкновенно начинается этотъ опасный пламень, показывали юношеству бездну, въ какую она можетъ низринутъ, если только не будетъ заранѣе стараться владычествовать надъ своими страстями, а особенно надъ своими страстными пожеланіями, возникающими изъ побужденія пола. Всѣмъ извѣстно изъ опыта, что юношество ни къ какому иному пороку не имѣетъ такой

наклонности, какъ къ пороку любострастія, и, если не предостережено бываетъ заблаговременно, то, впадая въ него, большею частию, по незнанію и недостатку благовременной предосторожности, развращается отъ пагубнаго навыка до такой степени, что, при всѣхъ въ послѣдствіи дѣлаемыхъ ему увѣщаніяхъ, никакъ не можетъ освободиться отъ своего любострастнаго плѣна и рабства. Знаменитый воспитатель юношества *Кампе*, тридцать лѣтъ тому назадъ, предлагалъ всѣмъ, занимавшимся въ Германіи воспитаніемъ юношества, съ общаніемъ въ вознагражденіе 100 червонныхъ, написать такое разсужденіе, въ которомъ бы показана была главнѣйшая причина господствующихъ юношескихъ пороковъ и вмѣстѣ изложены были бы надежнѣйшія средства противъ нихъ. Единогласный по этому предмету отзывъ опытнѣйшихъ воспитателей состоялъ въ томъ, что самая главная причина юношескихъ пороковъ есть ихъ невѣденіе и что самое надежнѣйшее и необходимѣйшее средство противъ нихъ есть благоразумное предъувѣдомленіе и увѣщательное объясненіе пагубныхъ послѣдствій изъ нихъ проистекающихъ. При точнѣйшемъ изслѣдованіи найдено, что всѣ вообще училища, учрежденные для дѣтей какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, заражены были порокомъ любострастія, и что эта нравственная зараза вошла въ нихъ стезею незнанія. Россія, какъ мнѣ кажется, должна преимущественно опасаться подобной заразы, по причинѣ существующаго въ ней крѣпостнаго состоянія крестьянъ, при которомъ молодой сластолюбецъ не подвергается никакой отвѣтственности, хотя бы онъ и сдѣлалъ злоупотребленіе изъ женщины не свободнаго состоянія. Отселѣ происходятъ тысячи развратныхъ поступковъ, поощряемыхъ и самою безнаказанностію, каковыя однакожъ въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ соединенныхъ съ выполненіемъ ихъ большихъ трудностей, или совсѣмъ не имѣютъ мѣста, или, по крайней мѣрѣ, не столь бываютъ опасны. Если же предположимъ, что российское юношество ни подъ какимъ видомъ не должно быть предостерегаемо отъ порока любострастія, даже посредствомъ тѣхъ поразительнѣйшихъ картинъ, каковыя начертаны Ливіемъ, при описаніи героическихъ поступковъ Лукреціи и Виргиніи, то по этому же предположенію должны быть изгнаны изъ Россіи самые лучшіе и вмѣстѣ цѣломудреннѣйшіе классическіе писатели, каковы, напримѣръ, Цицеронъ, Саллюстій, Корнелій Непотъ и Ливій. Ибо Цицеронъ въ своихъ прекрасныхъ рѣчахъ, употребляемыхъ по всѣмъ гимназіямъ, указываетъ на нѣкоторые гнусные поступки любострастія, хотя и описываетъ ихъ, какъ мужъ, исполненный пламенной любви къ добродѣтели, съ величайшимъ отвращеніемъ и предастъ ихъ вѣчному про-

клятію; Саллюстій, описывая нравственность изверговъ Римскаго племени, особенно въ отношеніи къ пороку любострастія, изображаетъ ее также въ отвратительномъ и гнусномъ видѣ; подобнымъ образомъ изъясняется и Корнелій Непотъ въ своихъ жизнеописаніяхъ, гдѣ онъ, повѣствуя о греческихъ военачальникахъ и герояхъ, упоминаетъ о нѣкоторомъ, совершенно противуестественномъ, хотя между греками, не исключая даже и самыхъ образованнѣйшихъ, весьма обыкновенномъ пороку. Таковыми же описаніями наполнены и сочиненія Тацита, который, въ правленіе первыхъ кесарей, былъ открытымъ гонителемъ и яростнымъ бичомъ порока. Да и священное писаніе надлежало бы также изгнать изъ Россіи, если бы въ ней признаваемы были за преступленіе такіа дѣйствія, коими предупреждается неистовое стремленіе къ любострастію, ибо и въ Новомъ Завѣтѣ упоминается о самыхъ постыднѣйшихъ видахъ любострастія, какъ слѣдствіяхъ сердечной срамоты, которая есть мерзость предъ Господомъ и которая исключаетъ всякаго (Римл. 1. 26—29. 1. Кор. V. 1. VI. 9, 10) изъ наслѣдія небеснаго. Особенно часто упоминается о такихъ поступкахъ въ различныхъ посланіяхъ апостола Павла, наиболѣе же въ посланіи къ Римлянамъ. Между тѣмъ, мѣста эти, дабы предотвратить юношество отъ самого преступленія, помѣщены въ катехизисахъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и даже задаются дѣтямъ для выучиванія наизусть. По тому же предположенію, надлежало бы и изъ самого Десятословія, при обученіи дѣтей закону, исключить эти два запрещенія: не любодѣйствуй, не прелюбы сотвори. Исход. XX. 13. Вотъ какъ обширна, по своимъ послѣдствіямъ, жалоба француза, обвиняющаго эти прекраснѣйшія произведенія Ливіева пера, помѣщенные въ моей хрестоматіи! Я почитаю заразою свѣта, изшедшею изъ Франціи, и то правоученіе, которымъ совѣтуется совсѣмъ не касаться порока любострастія и не дѣлать никакихъ предварительныхъ увѣщаній противъ него, якобы по причинѣ деликатности и раздражительности этого предмета, хотя сами совѣтующіе не только не почитаютъ за долгъ стыдиться своего собственнаго любострастія, но еще причисляютъ распутство этого рода къ состоянію утонченной свѣтскости, къ просвѣщенному образу мыслей, къ поведенію удаленному отъ предразсудковъ, и даже къ предметамъ изящества и щегольства. Сама госпожа Сталь говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что мужчины, хотя бы и имѣли право отступать отъ законовъ брака, но этого не должны бы дѣлать, по крайней мѣрѣ, изъ великодушія. Дай Богъ, чтобъ Россія никогда не имѣла подобныхъ правилъ и чтобъ нѣкогда дарованы были ей такіе правоучители, которые бы, воспламенены будучи любовію къ

добродѣтели, особенно къ добродѣтели цѣломудрія, вооружились всѣмъ краснорѣчіемъ Ливія противъ такого порока, который, коль скоро сдѣлался господствующимъ въ какомъ либо народѣ, истребляетъ всякое благородное чувство, и, рано или поздно, низвергаетъ все государство въ бездну разврата. Я могу похвалиться тѣмъ, что, за свою ревность и попеченіе о распространеніи цѣломудрія въ Россіи, былъ нѣкогда оклеветанъ французомъ. Чистота моего намѣренія, безъ сомнѣнія, будетъ оправдана и вознаграждена Иисусомъ Христомъ, Покровителемъ юности. И потому ничего инаго болѣе не желаю, какъ только того чтобы слова и выраженія Ливія, коими онъ изображаетъ любовнаго страстіе въ отвратительнѣйшемъ видѣ, неизгладимо начертаны были въ сердцѣ каждого Россійскаго юноши.

Другая причина, побудившая меня внести эти мѣста въ мою Латинскую хрестоматію, была нижеслѣдующая. Хрестоматія должна была быть вмѣстѣ и краткимъ начертаніемъ Римской Исторіи. Но Лукреція и Виргинія, будучи образцами героическаго цѣломудрія, были вмѣстѣ съ тѣмъ и такими лицами, на коихъ утверждалось зданіе римской республики и продолженіе дальнѣйшей римской исторіи, ибо этимъ только происшествіями можно объяснить, какимъ образомъ Римъ, бывшій съ самаго начала подъ монархическимъ правленіемъ, обратился потомъ въ республику, и какимъ образомъ въ послѣдствіи удержалъ онъ свое республиканское же состояніе. Все могущество и величіе Рима, обладавшаго цѣлымъ свѣтомъ, основано было на добродѣтели цѣломудрія и продолжалось до тѣхъ только поръ, пока эта священная добродѣтель не изгнана была изъ нравственности Римлянъ противоположнымъ порокомъ. Цѣломудріе есть мать всякаго величія, блага, изящества и славы какого бы то ни было народа; оно есть источникъ всякаго народнаго благополучія. Это доказываетъ римская исторія примѣрами Лукреціи и Виргиніи, на которыхъ основано было величіе Рима, и по сей-то причинѣ эти происшествія никакъ не могли быть выпущены изъ исторіи Рима. Дегуровъ былъ профессоромъ исторіи при Харьковскомъ университетѣ; но если онъ могъ мнѣ вѣннать въ преступленіе то, что я помѣстилъ эти происшествія въ книгѣ, долженствовавшей быть краткимъ начертаніемъ Римской Имперіи, то и одно это обстоятельство довольно показываетъ, на сколько онъ былъ неспособенъ къ упомянутой училищной должности. Да и можно ли ожидать, чтобы бывшій во время революціи Парижскій книгопродавецъ могъ имѣть надлежащее понятіе о духѣ, въ какомъ должна быть преподаваема исторія.

Самая главѣйшая причина, по которой моя книга о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима сдѣлалась ненавистною Дегурову, заключается въ замѣчаніи, сдѣланномъ мною относительно великаго, обожаемаго имъ Наполеона. Дегуровъ, въ надеждѣ своей на покровительство графа Потоцкаго, дерзнулъ жаловаться и на это замѣчаніе. Оно сдѣлано по поводу нижеслѣдующаго текста. Въ текстѣ книги, взятомъ изъ Ливія, предварительно описываются добродѣтели Аннибала; а за симъ описаніемъ, сочинитель, продолжая далѣе говорить: „Но и пороки его были столько же велики, какъ и его добродѣтели: его жестокость была безчеловѣчная; вѣроломство болѣе, нежели пуническое; онъ чуждъ былъ всякой истины, чуждъ всего священнаго; не имѣлъ ни малѣйшаго благоговѣнія къ богамъ, ни малѣйшаго уваженія къ клятвѣ, ни малѣйшаго вниманія къ закону богослуженія“. Въ моемъ замѣчаніи на это мѣсто сказано такъ (стр. 91). „Кто не вспомнить здѣсь о Наполеонѣ и народѣ французскомъ? Въ наше время, самое величайшее вѣроломство, по справедливости, можно называть вѣроломствомъ *французскимъ*“. Другое замѣчаніе, равно ненавистное для поклонниковъ Наполеона, помѣщено на стр. 96, гдѣ сказано: „Таковыя же благоразуміемъ (каковымъ и Фабій Максимъ Кунктаторъ), постоянствомъ и мужествомъ, побѣдилъ знаменитѣйшій Фабій Кунктаторъ нашего времени (Кутузовъ) Аннибала *Корсиканскаго*, это бранное чудовище, скрывавшееся между развалинами Москвы и наконецъ, изъ его ущелій, вызванное на открытое поле брани“.

И другая, подобная книга, изданная мною также по порученію Харьковскаго университетскаго совѣта, для употребленія ея по университетамъ и гимназіямъ, т. е. моя *нѣмецкая хрестоматія*, вышедшая въ свѣтъ въ 1813 году, сдѣлалась крайне ненавистною графу Потоцкому и его любимцамъ, по той же самой причинѣ, именно по причинѣ моей патріотической приверженности къ Россіи. Въ самомъ предисловіи встрѣчается нижеслѣдующее для всѣхъ имъ подобныхъ крайне непріятное мѣсто: „По нынѣшнимъ обстоятельствамъ, преимущественно совѣтуется российскому юношеству заниматься изученіемъ нѣмецкаго языка и словесности, ибо отъ счастливыхъ успѣховъ російскаго оружія можно ожидать, что Россія, по совершеніи своего безсмертнаго дѣла, достойнаго подвиговъ великаго парода, т. е. по освобожденіи всей Европы отъ угрожавшей ей гибели, и по доставленіи ей прочнаго мира, будетъ поддерживать свою тѣснѣйшую связь съ могущественнѣйшими государями Германіи, ея нынѣшними союзниками, и соучастниками благороднѣйшей брани, увѣнчанной и самою побѣдою,—будетъ поддерживать съ тѣмъ, чтобы этого, изъ чрева мерзостей фран-

цузской революціи, на пагубу людей изверженнаго генія, погрузить навсегда во мраках древней ночи, или, по крайней мѣрѣ, принудить его къ тому, чтобъ онъ круговращалъ свой блѣдный пламенный вѣдъ однихъ только предѣлахъ собственной отчизны и свирѣпствовалъ бы надъ одною только, произведшею его на свѣтъ, утробою. Соображеніе таковыхъ обстоятельствъ дѣлаетъ нѣмецкій языкъ необходимымъ для всякаго образованнаго россиянина, желающаго быть полезнымъ не только своему отечеству, но и содѣйствовать къ сохраненію общаго блага Европы“. Въ этой хрестоматіи помѣщены еще двѣ рѣчи, которыми также раздражалась ненависть и мщеніе моихъ гонителей: одна изъ этихъ рѣчей сочинена мною противъ французской революціи, а другая Раупакомъ противъ Наполеона. Обѣ написаны съ жаромъ и обнаруживаютъ благороднѣйшее негодованіе и отвращеніе, приличныя предмету каждой. Я приведу здѣсь одно только мѣсто изъ приступа второй рѣчи. „Тираннъ уже не далекъ отъ своей цѣли, отъ своей гибели, каковую онъ заслуживаетъ: его глава уже склоняется долу, подобно вершинѣ древа, которое сильная буря порываетъ къ паденію, но котораго корень еще не исторгнутъ изъ животворнаго нѣдра земли. Такъ, любезные братія, вашъ злобный притѣснитель уже находится близъ самаго жерла уничтоженія; еще ударъ,—и онъ низверженъ: и вы доселѣ въ бездѣйствіи, народы утѣсенные?! Вашъ кровопійца, пронзенный собственнымъ оружіемъ, уже издыхаетъ отъ смертнаго удара, и вы, будучи друзьями жертвъ, закланныхъ его рукою, будучи сами жертвами, обреченными на такое же закланіе,—вы доселѣ остаетесь въ бездѣйствіи? Непомѣрная гордость ослѣпила его до такой степени, что онъ предпринялъ дѣло, котораго не былъ въ состояніи выполнить; онъ отважилъ свое кровожадное счастье на игру безразсудную, сдѣлалъ выходъ—и игра потеряна; и вы, не взирая на все это, доселѣ остаетесь въ бездѣйствіи, доселѣ смотрите отверзтыми очами лунатика, совсѣмъ не види, что часъ спасенія вашего уже сотрясаетъ слухъ вашъ? Его могущество въ безсиліи; поля російскія покрыты трупами его соратаевъ; болота и рѣки поглотили его артиллерію: и еще ли между Рейномъ и Одеромъ развѣваются знамена французскія, еще ли между Рейномъ и Одеромъ остаются воззванія, призывающія ко брани не за возстановленіе свободы? Тираннъ исторгнулся изъ предѣловъ Россіи, подобно хищнику, гонимому своими преслѣдователями—и вы, народы германскіе, еще ли страшитесь его имени?“

Могъ ли я, какъ профессоръ російскаго университета, особенно въ столь знаменательное для всей Россіи время, когда она, находясь сперва въ величайшей опасности, вскорѣ озарена была блистательнѣй-

шими побѣдами,—могъ ли я въ это время предпринять что либо болѣе полезное и общаго вниманія достойное, какъ моими сочиненіями, которыхъ большая часть издана была въ это достопамятное время, возбуждать каждаго россіянина къ его патріотическимъ обязанностямъ, а наипаче стараться воспламенить и усугубить въ сердцахъ россійскаго юношества священный огонь любви къ отечеству? И могъ ли я тогда предполагать, что какой либо Потоцкій, Дегуровъ, Стойковичъ, или иной кто либо изъ любимцевъ тогдашняго Харьковскаго попечителя, сдѣлаетъ въ послѣдствіи такой оборотъ, что моя патріотическая приверженность къ Россіи будетъ причиною величайшаго несчастія какъ для меня, такъ и для моего семейства, или, что такіа-то мои сочиненія, которыя, по сознанію каждаго благомыслищаго россіянина, должны непремѣнно послужить къ моей чести и пользѣ Россіи, вмѣнены мнѣ будутъ, дѣйствіемъ такой клеветы, въ преступленіе государственное?

Изданіемъ этой хрестоматіи предполагалъ я распространять не одни только патріотическія, но и совершенно нравственныя цѣли. По этому побужденію старался я выписывать изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, на каждый родъ нѣмецкаго стиля такіе образцы, которые бы имѣли самое благотѣльное вліяніе на дальнѣйшее образованіе юношества, особенно на нравственность и благочестіе. Хотя такіе образцы разсѣяны по всей книгѣ, но въ вознагражденіе этого неудобства, помѣщено въ концѣ книги такое прибавленіе, въ которомъ собраны различныя изреченія, относящіяся до важнѣйшихъ предметовъ чловѣческаго познанія, объясняющихъ вмѣстѣ и предназначеніе чловѣка. Эти изреченія выбраны изъ главнѣйшихъ писателей всѣхъ вообще народовъ, какіе только когда либо, прежде или нынѣ, достигли высшей степени образованности! Предметы упомянутыхъ изреченій суть нижеслѣдующіе: 1) чловѣкъ, 2) чувственность, 3) разумъ, 4) нравственный законъ, 5) нравственная свобода, 6) должность, 7) добродѣтель, 8) высочайшее благо и безсмертіе, 9) Богъ.

Но самая сущность, цѣль и духъ моей философіи, равно какъ и всѣхъ ученыхъ моихъ занятій, объяснены преимущественно въ моемъ разсужденіи „*О свободѣ чловѣческой способности мыслить*“, которое написано было съ дозволенія философскаго факультета Харьковскаго университета, по случаю предположеннаго тогда производства одного магистра въ доктора. Дѣло происходило такимъ образомъ. Я предложилъ философскому факультету, чтобъ онъ, пользуясь такими случаями, положилъ издавать въ свѣтъ, одно за другимъ, подробныя изслѣдованія важнѣйшихъ предметовъ чловѣческаго познанія, предостав-

для мнѣ всегда назначать ищущему докторской степени какую либо важную тему, для сочиненія разсужденія, и потомъ, когда его разсужденіе будетъ одобрено, довершать мнѣ самому тоже самое разсужденіе со всевозможнѣйшимъ тщаніемъ, относительно основательности доказательствъ, и чистоты латинскаго языка. Такимъ образомъ, мало по малу, могли бы быть изданы многія, весьма занимательныя разсужденія. Ибо разсужденія, сочиняемыя студентами, особенно на латинскомъ языкѣ, въ которомъ они имѣютъ недостаточныя свѣдѣнія, не могутъ быть ни полезны, ни занимательны для ученой публики. Факультетъ одобрилъ тогда мое столько же честное, какъ и общепользное намѣреніе. Доселѣ, можетъ быть, не представлялось никогда, при подобномъ случаѣ, такого философскаго разсужденія, въ которомъ бы добродѣтель, богослуженіе и христіанское вѣроисповѣданіе защищаемы были съ такою же ревностію и искренностію, съ такимъ же краснорѣчіемъ и убѣдительностію, съ каковыми эти три предмета защищаются въ моемъ разсужденіи. Философія нынѣшняго времени частію совсѣмъ отрицаетъ, частію же представляетъ въ видѣ сомнительномъ самыя священнѣйшія и необходимѣйшія истины, почему разсужденія такого рода не только драгоцѣнны сами по себѣ, но заслуживали бы всякаго ободренія и со стороны высшаго начальства, дабы мракъ вредныхъ заблужденій тѣмъ съ большимъ удобствомъ разсѣваемъ былъ свѣтомъ истины. Но графъ Потоцкій, по одному только неодобренію и жалобѣ Дегурова, преслѣдовалъ мое разсужденіе до такой степени, что и тому, кто искалъ докторскаго званія, отказано было въ выдачѣ диплома, хотя онъ защищалъ это разсужденіе съ особеннымъ усиліемъ и выдержалъ всѣ университетскимъ уставомъ предписанныя испытанія съ отличнымъ одобреніемъ. Столь несправедливое притѣсненіе побуждаетъ меня предложить здѣсь нѣкоторые мѣста изъ этого разсужденія, служащія очевиднѣйшимъ доказательствомъ его нравственнаго, благочестиваго и съ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ совершенно согласнаго духа. Цѣль разсужденія объясняется вкратцѣ въ предисловіи его такимъ образомъ. „Магистръ философскихъ наукъ, Петръ Ковалевскій, въ слѣдствіе поданнаго имъ прошенія о возведеніи его на степень доктора философскихъ наукъ, подвергался недавно, на основаніи университетскихъ по сему предмету постановленій, какъ словеснымъ, такъ письменнымъ испытаніямъ, и, выдержавъ ихъ, представилъ этико-политическому факультету свое разсужденіе *„О свободѣ челоуческой способности мыслить“*, удостоенное въ послѣдствіи одобренія факультета. Считаю предметъ сего разсужденія такимъ, при изложеніи коего могъ бы я, къ удовольствію любящихъ заниматься чтеніемъ философскихъ

сочиненій, объяснить вкратцѣ начало, сущность и цѣль моей философіи, я рѣшился, съ дозволенія *этико-политическаго факультета*, представить то же самое разсужденіе нѣсколько въ болѣе пространномъ видѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительность свободы человѣческаго размышленія, какъ предмета весьма важнаго по его вліянію на самое достоинство и благополучіе человѣка, доказана и объяснена была, во всѣхъ отношеніяхъ, со всевозможнѣйшею удовлетворительностію“. Причина, по которой Дегуровъ напалъ и на это разсужденіе, заключалась наиболѣе въ томъ, что я опровергалъ здѣсь нѣкоторыхъ французскихъ философовъ и представлялъ новѣйшую французскую словесность опасною. Такого содержанія нижеслѣдующее мѣсто. „Если кто, начиная свое философское поприще отъ опыта, старается, отъ перваго предѣла вещественныхъ стихій, достигнуть до другаго, ему противоположнаго (природы духовъ), и изъ всѣхъ существъ вообще составить единый всеобъемлющій міръ, то начала, по которымъ онъ и необходимость физическую, и свободу независящую отъ этой необходимости, такъ какъ два совершенно противоположныя свойства отнюдь не можетъ принять за отличительныя признаки одного и того же всемірія, должны непременно довести его до такого заключенія, что необходимость физическая, по его положенію, будетъ составлять существенное качество цѣлаго всемірія, а потому и всѣ дѣйствія человеческой способности мыслить будутъ слѣдовать общему со всѣми прочими, внѣ нашего разума находящимися предметами закону необходимости, и феноменъ (явленіе) свободы, усматриваемый въ самыхъ размышленіяхъ, будетъ одинъ только обманчивый видъ, не заключающій въ себѣ ничего дѣйствительнаго. Послѣ этого, не должно казаться удивительнымъ, что, при разсмотрѣніи природы человеческой способности мыслить, самые остроумнѣйшіе мужи впадали въ величайшія и опаснѣйшія заблужденія. Таковъ былъ *Бель*, который утверждалъ, что если бы то, всюду удобообращаемое орудіе, какое обыкновенно становится на кровляхъ зданій для показанія вѣтра, одарено было способностію мыслить, и между тѣмъ не имѣло бы ни малѣйшаго понятія о силѣ вѣтра, комѣ движется по необходимости, то и ему надлежало бы также думать, что оно одарено свободою вращаться по своему произволу. Такихъ мыслей былъ и *Боннетъ*, который, въ своемъ Психологическомъ опытѣ, изъясняется такъ“. „И въ человѣкѣ подобно тому какъ и въ предметахъ вещественныхъ, все идетъ по одному и тому же закону. Человѣкъ есть не иное что, какъ тѣлонаправственная машина, коея движенія и игривость производятся смотря по разности ея отношеній къ внѣшнимъ вещамъ. Движеніемъ производится представленіе, представ-

лѣніемъ созволеніе или воля, волею свобода, т. е. феноменъ, обольщающій насъ однимъ только призракомъ свободы, хотя феноменъ этотъ самъ въ себѣ есть не иное что, какъ произведеніе своеприродной необходимости. Движенія, представленія, внутреннія дѣйствія воли, и самыя наши дѣловыполненія имѣютъ столь тѣсную связь между собою, что взаимно бываютъ и причиною, и произведеніемъ одно другаго. Между мозгомъ и разумомъ продолжается непрерывное дѣйствіе и противодѣйствіе—и въ этомъ состоитъ вся жизнь существъ такой смѣшанной природы, какъ у человѣка. Слѣдовательно феноменъ свободы проистекаетъ, по самой необходимости, изъ связи причинъ и долженъ быть изъясняемъ изъ ихъ взаимной зависимости; а эта связь отнюдь не зависитъ отъ произвола дѣйствующихъ существъ“. Ламетри, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „*Машинальный человекъ*“, изъясняется еще съ большею дерзостію, ибо онъ не только отрицаетъ дѣйствительность свободы, но и надъ всѣми прочими священнѣйшими истинами издѣвается съ явною безсовѣстностію и нечестіемъ. Таковой образъ философствованія, именуемый вездѣ, хотя и весьма справедливо, философіею естественною, принимается за высочайшую мудрость не только между большею частію ученыхъ французовъ, именующихъ себя философами, да и всѣ почти французы заражены имъ до такой степени, что изъ этого только всеобщаго развращенія умовъ и сердецъ можно объяснить всѣ тѣ вѣчнаго проклятія достойныя злодѣйства, каковыми Франція, со времени насильственного ея переворота по дѣламъ гражданскимъ, оскверняла себя донинѣ. Таковыми заразительными началами напоены и всѣ почти сочиненія новѣйшихъ французскихъ писателей, особенно тѣхъ, кои кажутся занимательными по ихъ остроумію, учености, изяществу слога и инымъ искусственнымъ украшеніямъ, служащимъ къ уловленію и обольщенію читателей“.

А что разсужденіе это заключаетъ въ себѣ не только новыя и непоколебимыя основанія *одной изъ важнѣйшихъ истинъ*, но есть вмѣстѣ и убѣдительнѣйшая апологія добродѣтели, богослуженія вообще и христіанскаго въ особенности, это видѣть можно, кромѣ иныхъ мѣстъ, изъ нижеслѣдующаго извлеченія: „Истина, судя по ея началу, не есть нѣчто умозрительное, но дѣятельное, т. е. ея первоначальное жилище заключается не въ способности *умствованія*, или, какъ говорятъ иные, не въ *разумѣ умозрительномъ*, но въ *сердцѣ чистомъ*: по сему-то *страхъ Господень есть начало всякой премудрости* (Пс. СХ., 10); по сему-то и самая премудрость никогда не входитъ въ *злхудожную душу*, *ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннымъ грѣху* (Притч. 1. 7). Но эта же дѣятельная истина, если она утверждается на одномъ только расположе-

ніи духа, хотя бы оно было самое искреннее, а не на раздѣльномъ понятіи, есть не иное что, какъ *свѣтъ, святящійся во тьмѣ*, ибо, въ отношеніи къ умозрѣнію, все покрыто густѣйшимъ мракомъ. Всякой, кто, по своему праводушію и одинаковой любви своей какъ къ истинѣ, такъ и добродѣтели, усиливается выйти изъ такого мрака, обыкновенно принимаетъ свѣтильникъ умозрительнаго разума, дабы при свѣтѣ его можно было ему ясно видѣть все то, что онъ дѣлаетъ, или чего желаетъ по инстинкту (своеприродному влеченію) разума, и даже обозрѣвать все поприще жизни, и предъусматривать свое высшее предназначеніе. Но такъ какъ и при свѣтѣ этого свѣтильника, разумъ запинаемъ и останавливаемъ бываетъ различными противорѣчіями, которыя старается обойти способомъ ложныхъ началъ и такъ какъ изъ ложныхъ началъ должны вытекать и ложныя послѣдствія, то этими началами, по необходимости, былъ бы онъ завлеченъ въ такую бездну заблужденій, изъ которой совсѣмъ нельзя бы было ему выйти, если бы онъ продолжалъ далѣе имъ слѣдовать. Такую опасность предъотвращаетъ одинъ только инстинктъ безусловнаго разума, по которому мы, дабы вовсе не отказаться отъ собственного достоинства, соглашаемся лучше, съ непоколебимою твердостію, вѣрить тому, что, по нашему умозрѣнію, т. е. по принятымъ нами началамъ, представляется намъ явнымъ противорѣчіемъ, нежели рѣшиться утверждать и признавать за точную истину мнимую истинность послѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ этихъ началъ. По этой-то причинѣ всякій истинно-мудрый и даже всякій правдолюбивый человѣкъ почитается юродивымъ у всѣхъ тѣхъ, которые судятъ, заключаютъ и оцѣниваютъ вещи, смотря по тому, какъ онѣ имъ кажутся, или каковыми онѣ оказываются по лживымъ правиламъ ихъ умствованія. Но на этомъ божественномъ юродствѣ основана не только истинная философія, но и богослуженіе христіанское, *въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. 11. 3), ибо ученіе этого вѣроисповѣданія, утвержденнаго крестомъ, одобряетъ все то, что каждому, пресмыкающемуся мыслию между одними только чувственными предметами, представляется безразсуднымъ и отвратительнымъ. А по сему не только въ отношеніи къ христіанскому вѣроисповѣданію, но и въ отношеніи къ ученію философскому весьма справедливо говорить Апостолъ Павелъ, что *слово крестное попибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совпросникъ чька сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего? Понеже бо въ премудрости Божіей (изъ инстинкта безусловнаго разума) не разумъ міръ*

премудростию Бога, (не достигнувъ истиннаго Богопознанія посредствомъ умозрительныхъ началъ, изобрѣтенныхъ философами): благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти тѣхъ. Понеже и Иудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Иудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самѣмъ же званымъ, Иудеемъ же и Еллиномъ, Христа Божію силу, и Божію премудрость. Зане буетъ Божіе премудрѣе челоувѣкъ есть; и немоущее Божіе крѣпче челоувѣкъ есть. Видите бо званіе ваше, братіе, яко не мнози премудри по плоти (по общему образу мыслей, или мнѣнію тѣхъ, кои, чужды будучи всякой возвышенности понятій, возводящей къ познанію предметовъ сверхъ-чувственныхъ и божественныхъ, судятъ о вещахъ по однимъ только наблюденіямъ пріобрѣтаемымъ изъ опыта), не мнози сильни, не мнози благородни; но буяя міра избра Богъ, да премудрѣе посрамить; и немоущая міра избра Богъ, да посрамить крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и несущая (явныя, повидимому, противорѣчія), да сущая (т. е. все, подлежащее чувствамъ) упразднитъ (Кор. 1. 18—28).

„И такъ, если кому либо изъ искреннихъ любителей истины и добродѣтели, руководимыхъ инстинктомъ безусловнаго разума, если бы кому либо изъ таковыхъ и случилось иногда, во время изслѣдованія истины, впасть въ такія противорѣчія, которыя угрожали бы ему разрушеніемъ и уничтоженіемъ всего его достоинства и благополучія, и, слѣдовательно, самую потерю высшаго его предназначенія, въ такомъ случаѣ онъ, не взирая на свою преклонность вѣрить соображеніямъ разсудка, прилѣпляющагося къ обманчивымъ правиламъ умышленія, согласится лучше, въ духѣ вѣры (вѣры къ безусловному разуму), покориться тѣмъ священнѣйшимъ истинамъ, на коихъ основано все его достоинство, нежели изъ малодушія рѣшится утверждать то, въ чемъ, по видимому, удостовѣряетъ собственный его опытъ,—согласится лучше, преплывая волны и бурю сомнѣній, достигать надежнѣйшаго пристанища спасенія со дскою вѣры, нежели рѣшиться не вѣрить такимъ истинамъ, кои, по началамъ разсудка, должны заключать въ себѣ противорѣчіе, и слѣдовательно невозможность самаго ихъ бытія, такъ какъ и все то, что заключаетъ въ себѣ дѣйствительное и подлинное противорѣчіе, не можетъ быть ни предметомъ дальнѣйшаго размысленія, ни заключать въ себѣ внутренней возможности своего бытія. Такимъ образомъ, онъ убѣждается вѣрить, что *есть Существо всесвятѣйшее*, сотворившее все мірозданіе и съ неизяснимою премудростию управляющее всѣми предметами своего творенія, какъ въ мірѣ тѣлесномъ, такъ и духовномъ, по закону всеобъемлющаго—совершеннѣй-

шаго согласія, ради достиженія нравственныхъ цѣлей, ради вѣщаго совершенства и благополучія человѣка, хотя опытъ, съ одной стороны, и не представляетъ ничего инаго, какъ одни только слѣпыя стремленія силъ естественныхъ, одну случайность, одни ужаснѣйшія превращенія и перемѣны, или орудія разрушеній, а съ другой, почти повсемѣстный мятежъ противъ вѣнценосной власти Разума, наиболѣе открывающійся въ низостяхъ и гнусностяхъ всякаго рода, въ открытыхъ торжествахъ злодѣянія, въ страданіяхъ, преслѣдованіяхъ и гибели невинности, а потому и въ обоихъ мірахъ, т. е. тѣлесномъ и духовномъ, представляетъ взору наблюдателя не иное что, какъ всеобщее смѣшеніе и разстройство, поглощающія чувство вѣры въ бытіе Существа всевысшійшаго. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить, что въ *дѣйствіяхъ* *человѣческой способности мыслить владычествуетъ свобода*, хотя по тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи и изслѣдованіи остроумнѣйшихъ доказательствъ, заимствуемыхъ отъ опыта и умствованія, оказывается, что эти доказательства на столько противорѣчатъ самимъ себѣ и въ такомъ равновѣсіи благопріятствуютъ какъ свободѣ, такъ и необходимости размысленій, что, при строжайшемъ соблюденіи правилъ умозаключенія, отнюдь не можетъ оставаться увѣреннымъ въ свободѣ, а еще, напротивъ того, болѣе расположенъ бываетъ вѣрить, что всѣ человѣческія дѣйствія подлежатъ своеприродной необходимости, въ равной мѣрѣ со всѣми прочими измѣненіями, или произведеніями вещественнаго міра. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить, что *добродѣтель должна быть предпочитаема всему*, что всякая вѣчная обязанность и право должны быть для него священны и неотъемлемы и что, въ исполненіи этихъ обязанностей и правъ заключается его верховное благо и высочайшее предназначеніе, такъ что, если бы этого потребовали обстоятельства, онъ долженъ бы былъ, съ пламенною ревностію, отринуть всѣ земныя блага и даже пожертвовать собственною жизнію, хотя въ то же время и видѣлъ бы изъ опыта, что самая наибольшая часть людей презираетъ такіе поступки, какъ безрасудные, что добродѣтель, какъ нѣкое пагубнѣйшее зло для человѣчества, почти всюду бываетъ угнетаема и преслѣдуема, и что, на противъ того, высшая цѣль человѣка поставляется, большею частію, въ одномъ только приобрѣтеніи благъ земныхъ, какъ то,—въ изобиліи богатства, въ утѣхахъ чувственныхъ, въ блескѣ почестей, въ могуществѣ и владычествѣ; да и въ самомъ себѣ находилъ, между тѣмъ, нѣкоторое невольное влеченіе къ одному только благополучію, и изъ этого усматривалъ бы, что онъ назначенъ наслаждаться жизнію, сколько возможно счастливѣйшею. Истинная добродѣтель существуетъ въ одномъ

только понятіи, а на самомъ дѣлѣ ея совѣмъ нѣтъ; почему и безразсудно бы было по видимому держаться одного только понятія, не заключающаго въ себѣ, по свидѣтельству опыта, ничего дѣйствительнаго, и, изъ любви къ такой мечтѣ, презирать и отвергать многочисленныя блага, предлагаемыя опытомъ, блага крайне лестныя для чувственности, блага обворожающія воображеніи, наполняющія душу всѣми сладостями настоящаго, и наконецъ общающія нашимъ желаніямъ совершеннѣйшее удовлетвореніе. Но честный человѣкъ, и одушевляемый чувствомъ божественнаго естества и безусловнаго достоинства, не взирая ни на какія чувственные прелести или ужасы, ни на какія собственные страсти, порывающія душу его къ наслажденію благами настоящими и видимыми, ни на какія свидѣтельства опыта, и доказательства умствованія, ни на какую очевидность внѣшняго образа вещей, ни на какую вѣроятность и естественность хода вещей, подтверждаемыя ежедневнымъ опытомъ,—не взирая на все это, живетъ въ одномъ только, такъ сказать, понятіи добродѣтели, т. е. по этому одному понятію судить о достоинствѣ, качествахъ и назначеніи каждой вещи, и съ этимъ же единственно понятіемъ соображаетъ всѣ свои мысли, чувствованія, желанія и поступки. Обтекая съ этимъ свѣтильникомъ вѣры все мірозданіе, онъ находитъ всѣ вещи совершенно въ иномъ образѣ существованія, находитъ въ нихъ совѣмъ иную природу, столько же истинную, какъ и различную отъ той, каковая представлялась его разсудку, утвердившемуся на чувствахъ и умствованіяхъ. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить *безсмертію души*, т. е. безпредѣльному продолженію ихъ жизни, дабы онѣ, при такой безконечности своего существованія, могли безпрестанно болѣе и болѣе успѣвать въ добродѣтели и истинѣ, болѣе и болѣе восходить на высоту божественныхъ совершенствъ, и наконецъ болѣе и болѣе приближаться къ своей крайней цѣли, которая состоитъ въ совершеннѣйшемъ соединеніи, и даже совершеннѣйшемъ единствѣ добродѣтели и благополучія. При такой увѣренности въ безсмертіи, онъ нисколько не смущается угрозами смерти, ни мало не содрагается при самомъ образѣ ея, ежедневно представляющемся взору его, какъ бы для его ощутительнѣйшаго увѣренія въ томъ, что, со смертію тѣла, умираетъ все существо человѣка, и что человѣкъ имѣетъ точно такой же конецъ, какъ и всѣ прочія вещи, подлежащія разрушенію; ни мало не тревожится и тѣмъ, что мысль безъ тѣла, по собственному его наблюденію человѣческой природы, ни какъ не можетъ обнаруживать обыкновенныхъ дѣйствій своихъ, хотя отселѣ и слѣдовало бы заключить, что самая способность мыслить есть не иное что, какъ высочайшая

степень физической жизни; ни мало не увлекается остроуміемъ и благовидностію доказательствъ, приводимыхъ философами противнаго ему мнѣнія, и потому ни мало не разувѣряется и не испытываетъ ни малѣйшаго недоумѣнія со стороны возраженій, какія только могутъ быть взяты изъ опыта или изъ умозрѣнія, въ опроверженіе безсмертія. И такъ, при свѣтѣ своей вѣры, онъ непремѣнно будетъ видѣть въ наигустѣйшемъ мракѣ ясный полдень невечерняго дня, въ величайшемъ смѣшеніи всѣхъ вещей совершеннѣйшій порядокъ, во всеобщемъ разстройствѣ повсемѣстное согласіе, въ предметахъ отвратительныхъ красоту, въ убожествѣ благополучіе, въ заблужденіяхъ истину, въ юродствѣ мудрость, въ смерти жизнь, въ ничтожествѣ истинную природу вещей и образъ всякаго существованія. И самая вѣра, по которой человѣкъ почитаетъ одно только *не-сущее* дѣйствительно сущимъ, а *сущее* дѣйствительно не сущимъ, т. е. все то, что кажется противнымъ опыту, и противорѣчающимъ самому себѣ, но что заключаетъ однокожъ въ себѣ единственное и повсемѣстное условіе человѣческаго достоинства, признаетъ онъ дѣйствительно существующимъ, по необходимости существующимъ, и притомъ существующимъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представляется простому созерпанію, производимому инстинктомъ Разума, а напротивъ того тотъ образъ существованія, который усматривается изъ опыта, признаетъ онъ только мнимымъ, обманчивымъ и на самомъ дѣлѣ со всѣмъ не существующимъ,—эта самая вѣра человѣка есть для него корень и начало всякой истины, всякаго достоинства и превосходства, равно какъ противоположная этой вѣрѣ увѣренность въ томъ, что предметы, дѣйствительно существующіе, суть тѣ только, которые опытъ представляетъ таковыми нашимъ чувствамъ и нашему разсудку, или что дѣйствительный образъ существованія и дѣйствительныя свойства вещей суть только тѣ, которыя подтверждаются опытомъ, есть источникъ всякаго юродства, низости и бѣдствій человѣка.

„Весьма ясно и совершенно точно выраженъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой этотъ образъ мыслей людей свѣтскихъ, останавливающихся на одной только видимости вещей и погрязающихъ во тьмѣ земныя персти, гл. II, 1—23“.

„Вотъ изображеніе свѣтской мудрости, отвращающей всѣхъ тѣхъ созерцательныхъ понятій, которыми выражается что либо, превышающее грубую чувственность. Но таковая мудрость предъ взоромъ Высшаго Разума есть дѣйствительное буйство, такъ какъ и противоположная ей мудрость, возносящаяся выше всего чувственно-видимаго, и симъ выше-чувственнымъ предметамъ приписующая неоспоримую истину—

ность, считается между людьми, „земная мудрствующими“, дѣйствительнымъ буйствомъ. *Душевенъ бо человекъ*, говоритъ Ап. Павелъ (1 Кор. 11. 14, 15), *не приѣмлетъ, яже Духа Божія: породство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовне востязуется. Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется.* — (1 Кор. 11. 10). *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія*“.

„Блаженна вѣра, возносящая человѣка отъ праха земныхъ вещей и низкихъ наклонностей ко всему высокому, превыспреннему, божественному, и, еще во время пребыванія его на землѣ, содѣвающая жизнь его достойною небожителей! Счастливо то заблужденіе, которое, получивъ свое бытіе отъ ложныхъ началъ и свое образованіе отъ ложныхъ образовъ умствованія, вопреки логической законности умозаключенія, вѣрить, съ непоколебимою твердостью, бытію такихъ предметовъ, которыхъ, какъ казалось-бы, совсѣмъ нѣтъ, или которыхъ возможность противорѣчить опыту всѣхъ и каждаго,—вѣрить, и покоряется внушеніямъ своей вѣры, нисходящимъ свыше въ видѣ инстинкта безусловнаго разума“!

„На этой то вѣрѣ основано все христіанское Богослуженіе, которое имѣетъ своимъ предметомъ возбудить тающую въ душахъ нашихъ искру божественнаго разума, и, возбудивши ее, вознести и усилить ее до такой степени, пока она не обратится въ источникъ пламени и свѣта, озаряющій, подобно солнцу, всю вселенную, и представляющій мысленному взору, въ полной ясности, истинную природу и назначеніе всѣхъ вещей, и, по разсѣяніи мраковъ, ослѣпляющихъ души, поработенныя чувственности, разливающій по всему мірозданію великолѣпнѣйшій и блаженнѣйшій день. На основаніи той-же вѣры проповѣдуетъ это Богослуженіе всѣмъ людямъ, какъ образованнымъ, такъ и необразованнымъ, проповѣдуетъ съ простотою и величіемъ, совмѣстными съ понятіемъ каждаго, такое ученіе, которое, будучи само по себѣ слѣдствіемъ, извлеченнымъ изъ глубочайшихъ началъ премудрости, возноситъ насъ выше всякой человѣческой мудрости, но не съ тѣмъ, чтобъ таковое преимущество было поводомъ къ самохвалству, тщеславію и надменности, но послужило-бы къ исправленію и святости жизни, и все это производится, со стороны этого святѣйшаго Богослуженія, не посредствомъ какого-либо познанія, возводимаго отъ первыхъ началъ всякаго вѣдѣнія до степени понятій раздѣльныхъ, но посредствомъ одной только вѣры, вытекающей изъ инстинкта безусловнаго разума, изъ сердца чистаго, изъ воли, воспламеняемой искреннею любовію къ истинѣ и добродѣтели, т. е. такой вѣры, которая, вопреки всякой чувственной вѣщности, убѣждаетъ, съ непоколебимою довѣренностію, принимать

за несомнѣнную, вѣчную и никогда неизмѣняемую истину то только, чего требуетъ достоинство нашего разума, наше высшее предназначеніе, самозависимость нашей воли, всеобъемлющій законъ согласія и наше созерцательное понятіе (idea) о Существѣ всесвятѣйшемъ, хотя все это не только не подлежитъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, но и дѣйствительность существованія этихъ предметовъ, повидимому, противорѣчить опыту каждаго“.

„На этой же вѣрѣ основана и самая философія, ибо она утверждаетъ то-же самое, что и христіанское вѣроисповѣданіе, въ разсужденіи лживости внѣшняго вида вещей, представляющихся разсудку или такой познавательной способности, которая есть органъ вѣдѣнія, приобретаемаго опытомъ; то-же самое утверждаетъ оно и въ разсужденіи вѣчности и неизмѣняемости природы вещей, познаваемой изъ созерцательныхъ понятій безусловнаго разума, съ тою только разницею, что христіанское вѣроисповѣданіе, какъ основанное на внутреннемъ ощущеніи одного только безусловнаго разума, предлагаетъ свои слѣдствія, извлеченныя изъ сокровищъ вѣчной премудрости, въ простомъ видѣ и безъ всякихъ доказательствъ, убѣждая своимъ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, вѣрить симъ извлеченнымъ истинамъ, между тѣмъ какъ философія почитаетъ своею обязанностію выводить тѣ-же самыя истины изъ первыхъ началъ разума, предлагать ихъ въ ихъ взаимной и необходимой связи и совокуплять все, по подобію органическаго тѣла, въ единство системы. Слѣдовательно и философія, достойная этого имени, не только не противорѣчитъ ученію этого святѣйшаго Богослуженія, но еще служитъ ему величайшимъ пособіемъ и подкрѣпленіемъ, *преображая вѣру въ очевидное вѣдѣніе*, ибо она удаляетъ всѣ противорѣчія, какія только встрѣчаются между разумомъ умозрительнымъ и дѣятельнымъ (theoreticam et practicam), и, показавъ совершенное согласіе между тѣмъ и другимъ видоизмѣненіемъ безусловнаго разума, утверждаетъ за несомнѣнную и очевидную истину то только, что вытекаетъ изъ природы безусловнаго разума, какъ самаго чистѣйшаго источника всякой истины, хотя-бы истины этого рода и не были подтверждаемы опытомъ, но еще находились-бы въ совершенной къ нему противоположности“ (стр. 19—31).

Мнѣ кажется, что вышеприведенное мною мѣсто изъ книги премудрости Соломоновой помѣстилъ я въ своемъ разсужденіи по внушенію нѣкоего пророческаго духа. Ибо враги мои, за исключеніемъ смерти, причинили мнѣ всѣ тѣ несчастія, каковыми въ этой книгѣ угрожаютъ нечестивые праведному; да и самыя истины, которыя я защищалъ, бываютъ столь ненавистны для нечестивыхъ, что ихъ, обыкновенно, по-

буждаютъ вооружаться мщеніемъ и преслѣдованіемъ. Но для меня весьма утѣшительно то, что я сдѣлался несчастенъ отъ несправедливости, вопіющей за меня на небо, а еще утѣшительнѣе быть внутренно увѣрену, какъ я увѣренъ, что я за самую справедливость, за имя Іисусово, посредствомъ мрачной клеветы, потерялъ все то, что только могло быть для меня драгоцѣнно въ этой жизни. Сколь-же нынѣ должны быть для меня священные, сколь любезны, сколь несравненны съ состояніемъ всякаго счастья или несчастья тѣ истины, коихъ мужественная защита низвергла меня въ теперешнее несчастіе!

Но ничѣмъ столько не доказывается сообразность всей моей философіи съ духомъ истинной добродѣтели и Богослуженія, какъ тѣмъ, что я распространялъ понятіе обыкновеннѣйшихъ философскихъ словъ на самыя священнѣйшія истины... *Отъ избытка бо сердца уста глаголютъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ (Матѣ. XII. 34, 35). *Благій человекъ отъ благаго сокровища износитъ благая, и лукавый человекъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая*, т. е. человекъ, коего сердце пламенеетъ любовію къ Богослуженію и добродѣтели, всюду ищетъ и вездѣ находитъ Бога и угодное Богу. Какой философъ, или даже Богословъ, объяснялъ когда-либо эти два слова: *углубленіе* и *отвлеченіе* (*reflectio et abstractio*) такимъ же образомъ, какъ они объяснены въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ: „Мы ни о чемъ не можемъ размышлять безъ отвлеченія и углубленія, всегда слѣдующихъ одно за другимъ, ибо, дабы размыслить о какомъ либо предметѣ, всегда надобно прежде отвлечь себя отъ всѣхъ прочихъ. А такъ какъ сила, производящая такое отвлеченіе, совершенно свободна, то и всякое дѣйствіе размышленія *относительно ея образа* также свободно. Ничто въ свѣтѣ не можетъ принудить человека, чтобы онъ углублялся мыслію въ какой либо предметъ, или отвлекалъ отъ него свое вниманіе тогда, когда-бы онъ этого совсѣмъ не хотѣлъ. Сила, производящая отвлеченіе и углубленіе, имѣетъ нѣчто божественное. Ею, всего болѣе, обнаруживается наша свобода и вообще высшія качества нашей природы. Добродѣтель всякой добродѣтели состоитъ въ томъ, чтобы преодолѣть или свое стремленіе къ чему либо *привлекательному*, или свое отвращеніе отъ чего либо *ужаснаго*, посредствомъ коихъ, вопреки закону полной свободы, старается чувственная природа или очаровать насъ, или утѣшить ниспроверженіемъ нашего существованія. Но мы не могли-бы противиться ни *привлекательному*, ни *ужасному*, если бы не имѣли полной свободы. *Отвлеченіемъ* побѣждается *привлекательное*, *углубленіемъ* *ужасное*. Отвлеченіе, въ этомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ *блгству*; а углубленіе *нападенію*. И потому всегда надобно отвлекать себя отъ тѣхъ предметовъ, которые, привлекая

насъ къ себѣ своею усладительностію, побуждаютъ отречься отъ закона свободы. Нигдѣ, кромѣ священнаго писанія, не находимъ мы столь достопримѣчательнаго, по этому предмету, мѣста, и столь мужественнаго, при подобныхъ обстоятельствахъ, поступка, какъ въ XXXIX главѣ Бытія, гдѣ говорится (6—12)... О рабъ, превышающій достоинство всякаго Господина и даже всѣхъ людей сего свѣта! О бѣгство самое славнѣйшее! Смѣются такому поступку люди свѣтскіе, даже украшенные всѣми дарами счастья, а можетъ быть, и образованностію ума; смѣются сельской простотѣ и глупости; смѣются самой философіи, которая удивляется такому поступку и превозноситъ его достоинство; но пусть смѣются!—Иного рода побѣда и торжество приобрѣтаются не бѣгствомъ, но наступленіемъ на непріятеля и вступленіемъ въ самое сраженіе“.

„Но нужно ли приводить еще доказательства, подтверждающія дѣйствительное существованіе свободы въ человѣческой способности мыслить? Васъ всѣхъ, Божественныя души, обитавшія нѣкогда во плоти, васъ всѣхъ, которыя были извѣстны не своими философскими свѣдѣніями, или обширными познаніями въ многоразличныхъ наукахъ, не величіемъ власти, или земными триумфами, но которыя, проводя жизнь въ простотѣ и непорочности сердца, всѣхъ очевиднѣе доказали, нашимъ нравственнымъ *бытвомъ* или *противоборствомъ* дѣйствительность человѣческой свободы,—васъ всѣхъ, безъ исключенія, представляю свидѣтелями защищаемой мною свободы. Что же касается до прочихъ, коимъ совсѣмъ неизвѣстны такія побѣды, со всѣми этими, какъ несвободными, напрасно было бы, точно также какъ и съ глупыми, собесѣдовать объ этомъ предметѣ“.

Въ концѣ этого разсужденія помѣщены еще нѣкоторыя положенія, которыя также показываютъ духъ моей философіи и изъ которыхъ примѣчательнѣйшія суть нижеслѣдующія: 1) „Нельзя представить себѣ никакой философіи безъ богоисповѣданія, т. е. безъ достовѣрнаго и очевиднаго вѣдѣнія Существа всесвятѣйшаго, сотворившаго всю вселенную и управляющаго ею сообразно нравственнымъ цѣлямъ; 2) Поэтому метафизика, по моему мнѣнію, есть не иное что, какъ извлеченное изъ созерцательнаго понятія о Существовѣ всесвятѣйшемъ и всеобъемлющемъ умозрительное начертаніе всемірія, имѣющее своимъ предметомъ соглашеніе и уничтоженіе всѣхъ разногласій, встрѣчающихся въ мірѣ тѣлесномъ и нравственномъ; 3) На основаніи этого только единачнаго начала можно разсматривать природу міра вещественнаго и духовнаго, составляющихъ единое всемірное; 4) На этомъ же началѣ должны быть основаны и всѣ прочія науки, ибо безъ богоисповѣданія и богослуженія всякая наука приноситъ болѣе вреда,

нежели полвы, 5) Слѣдовательно, есть Существо всесвятѣйшее, 6) Есть свобода въ дѣйствіяхъ человѣческой способности мыслить, 7) Есть безсмертіе душъ, 8) Есть безусловный законъ, на коемъ основано всякое право и всякая обязанность, 9) Есть семейственный, гражданскій и народный природный законъ, ибо есть, какъ утверждаетъ Цицеронъ весьма справедливо, такой законъ, *который не изданъ нами, но съ нами рожденъ, который мы не затвердили, заняли или прочли, но изъ самой природы уразумѣли, почерпнули, извлекали, и къ которому мы не приучены, но рождены, не приспособлены, но сотворены*“.

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, изъ всѣхъ моихъ сочиненій, изъ каждой страницы моихъ сочиненій, очень ясно усматривается тотъ духъ, каковымъ одушевляется не только моя философія, но и всѣ мои ученыя занятія, т. е. духъ пламенной ревности и попеченія о добродѣтели, благочестіи, христіанскомъ вѣроисповѣданіи и томъ священномъ дѣлѣ, за которое почти вся Европа, а наиболѣе Россія, сражалась, проливала кровь сыновъ своихъ и торжествовала;—тотъ духъ, который, неустомимо трудясь день и ночь, старается изъ множества и изъ смѣси самыхъ пагубныхъ заблужденій, покрывающихъ вѣчнымъ мракомъ и безславіемъ нашъ просвѣщенный, философскій вѣкъ, извлечь такія истины, которыя бы служили прочнымъ и неизблемымъ основаніемъ всего, относящагося къ сохраненію достоинства и благополучія человѣка;—тотъ духъ, который, бѣгая заразы правилъ нынѣшняго времени, проклиная ихъ подъ крестомъ Иисуса Христа и повергаетъ къ ногамъ распятаго всякую человѣческую мудрость, дабы отъ него единого научиться премудрости, сообщающей истину и животъ (Іоан. XIV. 6), и потомъ проповѣдывать эту премудрость всему міру;—тотъ духъ, который, хотя образуется въ училищѣ міра, но который однакожъ во всѣхъ явленіяхъ цѣлаго всемірія, во всѣхъ тваряхъ, отъ персти и червя до человѣка, и отъ человѣка до высочайшаго изъ серафимовъ, видитъ не иное что, какъ единую вѣчную любовь, то изливающую себя въ свои творенія, то спасающую ихъ собственною жертвою самозакланія;—тотъ духъ, для котораго каждая истина, изученная въ училищѣ креста Иисусова, каждое доброе намѣреніе, сообразное съ его божественнымъ ученіемъ, несравненно драгоцѣннѣе всѣхъ величій свѣта, и который, по этой причинѣ, съ радостію готовъ претерпѣть, за эти священные истины, всѣ несчастія свѣта и даже пожертвовать собственною жизнію;—тотъ духъ, коего пламенная ревность ничего иного не желаетъ, какъ только, чтобы низвергнуть былъ идолъ обожаемой нынѣ и всему христіанству, равно какъ и всякому иному богопоклоненію враждебной философіи; и чтобы на прахъ его алтаря воздвигнуто было знамя

всѣмїрнаго спасенія, предъ которымъ бы наконецъ и самая кичливость философіи принуждена была преклонить свои колѣна и обратить свое оружіе на защиту, утвержденіе и прославленіе богослуженія Іисусова; — тотъ духъ, который, пользуясь всѣмъ, т. е. и природою и искусствомъ, и разумомъ и откровеніемъ, и свѣтскими сочиненіями и свящ. писаніемъ, для достиженія цѣли своихъ непорочныхъ намѣреній, стремится въ особенности къ тому, чтобы поселить въ сердцахъ еще неразвращеннаго юношества искру божественнаго огня, принесеннаго въ міръ Іисусомъ, и усилить ее до такой степени, чтобы она обратилась въ пламенное море рвенія ко всякому благу.

Гдѣ можно найти философовъ, которые бы, при такомъ же образѣ мыслей, имѣли таковую же и ревность? Къ сожалѣнію, ихъ произведенія очень ясно доказываютъ, что сердца ихъ, зараженными глѣтворствомъ ложныхъ началъ, овладѣло хлоднокрое, нечувствительность, всегдашнее занятіе сомнѣніями и даже рѣшительное невѣріе, такъ что не только Іисусово богослуженіе буйствомъ, но и естественное богослуженіе кажется имъ неразрѣшимой загадкою, а потому и снайтельная сила какъ того, такъ и другаго богопоклоненія, не приносить имъ нимаѣйшей пользы, и человекъ, при таковыхъ обстоятельствахъ, обыкновенно предается всѣмъ заблужденіямъ ума и сердца. По мнѣнію Канта, всякое утвердительное ученіе, переходящее за горизонтъ опыта, есть *фанатическій бредъ, лжеверіе, произвольное заблужденіе и склонность къ чудодѣйствію*, и такое его мнѣніе проповѣдуется нынѣ на кафедрахъ не только всѣми философами и весьма многими изъ свѣтскихъ богослововъ, но повторяется и въ самыхъ хижинахъ поселянъ. Такимъ образомъ, и въ простомъ уже народѣ теряетъ свою силу и жизнь богослуженіе христіанское, и даже исчезаетъ довѣренность къ истинамъ естественнаго богопочитанія, получившаго нѣкогда свою твердость, ясность и силу отъ богослуженія христіанскаго. Уже многіе изъ простаго народа начинаютъ сомнѣваться въ бытіи Бога, въ существованіи свободной воли, безсмертія душъ, безусловной и необходимой должности. Слѣдствія такого образа мыслей суть ужаснѣйшее растлѣніе нравственности и самоубійство, общія нынѣ всѣмъ уже состояніямъ, но никогда и ни въ какомъ состояніи не случавшіяся столь часто доселѣ. Сколь же благотѣльна была бы та философія, которая бы истребила корень этого нравственнаго зла, т. е. нынѣшнюю склонность умовъ отрицать божественность христіанскаго ученія, и даже самыя основанія естественнаго богопочитанія признавать или сомнительными или совершенно ложными. Тотъ философъ, который бы, въ одной и той же системѣ,

доказалъ, самыми твердыми и непоколебимыми доказательствами не только важнѣйшія истины естественнаго богопочитанія, но и существенные догматы христіанскаго вѣроисповѣданія соединилъ бы съ этими естественными истинами наитѣснѣйшимъ союзомъ, такъ чтобъ догматы уже болѣе не казались странными или противоположными разуму, а представлялись бы собственными и вѣчными истинами самаго разума,—такой философъ, безъ сомнѣнія, оказалъ-бы человечеству величайшую услугу. Даже и тотъ, кто предпринялъ бы намѣреніе составить такую систему и проводилъ бы свое намѣреніе въ самое дѣйствіе, безъ сомнѣнія, заслуживалъ бы всякаго одобренія и вспомоствованія. Такое намѣреніе предпринято мною уже давно: я поставилъ его цѣлью всѣхъ моихъ философскихъ и литературныхъ занятій; и наконецъ былъ столь счастливъ, что достигъ моей цѣли, увѣренъ будучи въ этомъ совершенно. Важнѣйшія истины естественнаго богопочитанія представляются мнѣ въ совершеннѣйшей очевидности, такъ что для меня теперь столь-же невозможно сомнѣваться въ этихъ истинахъ, какъ и въ дѣйствительности предметовъ видимыхъ и осязаемыхъ, или въ дѣйствительности моего собственного бытія; не менѣе удостовѣренъ я и въ истинности существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроисповѣданія, равно какъ и неразрывности ихъ союза съ важнѣйшими истинами естественнаго богопочитанія. Даже въ дѣйствительности предметовъ, превышающихъ наши чувства и заключающихъ въ себѣ единственные условія нашихъ достоинствъ и нашего предназначенія, удостовѣренъ я гораздо болѣе, нежели въ предметахъ чувствъ и опыта, ибо все то, что мы познаемъ изъ опыта, подвержено вѣчнымъ перемѣнамъ, непрерывнымъ видоизмѣненіямъ, и потому не можетъ заключать въ себѣ истиннаго бытія вещей, которое совсѣмъ неприступно для опыта и чувствъ и которое, по сей причинѣ, должно быть познаваемо ими изъ разума, или изъ откровенія. Но поелику *невидимая вѣчна суть, а видимая временна*, какъ говоритъ ап. Павелъ (¹ Кор. 11. 15), то предметы, неприступные для чувствъ, или невидимые, если открыты и узнаны будутъ однажды, производятъ въ насъ гораздо большую достовѣрность, нежели всѣ прочіе, подлежащіе чувствамъ, или все то, что обыкновенно переходитъ изъ этого образа въ другой. Столь высокая достовѣрность важнѣйшихъ истинъ естественнаго богопочитанія и существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроисповѣданія самымъ очевиднѣйшимъ образомъ вытекаетъ изъ началъ моей философіи. Истины какъ того, такъ и другаго образа богопоклоненія суть для меня не иное что, какъ чистѣйшіе лучи одного и того же Вѣчнаго Разума, отражающагося отчасти и въ нашемъ разумѣ, хотя это отраженіе и покрывается тьмою, какъ говоритъ Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ. *Въ томъ животъ бжъ, и*

животъ бы свѣтъ чловѣкомъ; и свѣтъ во тѣмъ свѣтитсѣ и тѣма ею необъятъ (Іоан. 1. 4). Причина этой тѣмы заключается частію и въ ограниченности нашей природы, но всего болѣе она происходитъ отъ прародительскаго, и, въ дополненіе, самими нами приумноженнаго растлѣнія духа и сердца, равно какъ и отъ проистекающихъ отселѣ нашихъ заблужденій. До тѣхъ поръ, пока мы прибываемъ въ этой слѣпотѣ, истины христіанскаго вѣроисповѣданія представляются намъ въ видѣ ученія положительнаго (ученія безъ доказательствъ) или такого, которое кажется страннымъ, или даже противнымъ разуму, ибо *тѣма не можетъ объятъ* (вмѣстить, уразумѣть) ихъ. Но христіанское же ученіе, ежели мы стараемся въ точности слѣдовать ему, избавляетъ насъ отъ этой слѣпоты духа и сердца и возноситъ на такую степень внутренней высоты, съ которой мы, обозрѣвая все христіанское богослуженіе во всемъ его изяществѣ, величіи и божественности, усматриваемъ въ немъ вѣчное и единственное царство разума, преисполненное свѣта, *иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка, иредущаго въ міръ*, какъ свидѣлствуетъ тотъ же Апостоль Іоаннъ (Іоан. 1. 9). Къ этому величественному и никогда не оскудѣвающему свѣту христіанскаго богослуженія привела меня моя философія, которая, по этой причинѣ, и составляетъ нынѣ величайшее благополучіе моей жизни. И эту то самую философію, столь сообразную съ божественнымъ ученіемъ христіанскаго вѣроисповѣданія, старался я, по долгу моего званія, во все продолженіе 13-лѣтней моей службы, преподавать обучавшемуся у меня Россійскому юношеству, со всею, съ моей стороны, неутомимою дѣятельностію и сообщить, посредствомъ изданныхъ мною книгъ, всякому образованному Россіянину, дабы такимъ образомъ распространить въ Россійскомъ государствѣ, сколько это зависѣло отъ моихъ способностей, добродѣтель и благоденствіе. Даже простеръ я свою патріотическую ревность до такой степени, что намѣревался дѣйствовать изнутри Россіи и на прочія государства, особливо на Германію, и тѣмъ сдѣлать честь русскому народу. Гордяся происхожденіемъ политической свободы изъ среды Россійской Имперіи, разрушившей предположеніе всесвѣтной тираніи и даровавшей независимость Европѣ, я полагалъ, что и спасительному свѣту познанія истиннаго просвѣщенія прилично бы также возсіять и распространиться отъ полночи къ полудню, и тогда бы Европа обизана была Россіи не одною только политическою свободою. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, чтобъ при столь ужаснѣйшей ночи заблужденій, какою покрыты европейскія области и какую произвела на свѣтъ усилившаяся нынѣ и отъ Бога и Иисуса Христа отступившая философія,—при столь сильныхъ опустошеніяхъ заразы, убійственной для цѣлаго

свѣта,—при столь явныхъ опытахъ возстановленія древняго язычества въ самыхъ нѣдрахъ христіанства,—при столь бѣдственномъ умощреніи тѣхъ ученыхъ, кои, именуя себя критиками, помышляютъ то о томъ, чтобъ, испровергнувъ всѣ основанія добродѣтели, благочестія и христіанскаго богослуженія, испровергнуть вмѣстѣ съ этимъ и весь гражданскій морядокъ, подорвать благополучіе каждаго и уничтожить всѣ основанія государствъ,—нельзя не согласиться, чтобъ, при столь ужаснѣйшихъ предвѣщательныхъ признакахъ, не была весьма несмѣтельна, возжелѣнна и достойна вспоможеній всякаго благомыслящаго такая философія, которая бы, облекшись во всеоружіе разума и отирокновенія и воспріявши побѣдоносное знамя Іисуса Христа, сразилась мужественно и употребила всѣ усилія къ истребленію и уничтоженію враговъ человѣчества. Нельзя не видѣть, что, если бы такая философія получила свое существованіе въ Россіи и оттолкъ разпространилась бы за ея предѣлы, безъ сомнѣнія, увѣнчала бы тѣ великія и для всей Европы благодѣтельныя дѣянія россіянъ, какія неотъемлемо принадлежать этому народу героевъ и какими онъ приобрѣлъ себѣ безсмертную славу, ибо всякій народъ тогда только можетъ сдѣлаться истинно великимъ и благополучнымъ, когда онъ своими побѣдами приобретаетъ независимость нравственную, охраняетъ царство добродѣтели и расточаетъ полчища враговъ ея. Но, ахъ! Кто повѣритъ, чтобы столь благонамѣренная философія была преслѣдуема въ Россіи точно также, какъ и нѣкое величайшее государственное преступленіе, чтобъ виновникъ и распространитель ея системы и ученія, жившій, трудившійся и, по побужденію своего патріотическаго честолюбія, жертвовавшій собою для блага Россіи цѣлыя тридцать лѣтъ, наконецъ заклеименъ былъ именемъ безчестнѣйшаго преступника, именемъ развратителя россійскаго юношества и духовенства и потому отставленъ отъ своей должности, немедленно выгнанъ за границу, лишенъ принадлежавшаго ему имущества, удаленъ отъ своего любезнаго семейства и, при его глубокой старости, при крайней слабости здоровья, разстроеннаго многолѣтними его занятіями, осужденъ на всѣ несчастія и на самую опасность умереть отъ голода. Кто повѣритъ, чтобъ все это онъ долженъ былъ претерпѣть, не получивши возможности и права, даруемаго даже тѣмъ преступникамъ, которые заслуживаютъ смертной казни, т. е. права отвѣтствовать на сдѣланныя противъ него обвиненія и защищать свою невинность? Какой другъ человѣчества можетъ выслушать такое происшествіе безъ внутренняго содроганія? Горе свѣту, если и малое количество друзей истины, равно какъ и ихъ произведенія, будутъ гонимы и преслѣдуемы такъ, что для враговъ человѣчества не

останется болѣе никакого препятствія, могущаго удерживать ихъ дѣлѣннѣйшія покушенія. И если философія, если образъ мыслей, если намѣренія, если дѣятельность такого рода достойны столь примѣрнаго наказанія, то какого же образа обученія требуютъ отъ обучающихъ въ публичныхъ училищахъ? Или долженъ былъ я утверждать и преподавать правила, совершенно противныя тѣмъ, какія заключаются въ моихъ сочиненіяхъ? И не долженъ ли подумать всякій, находящійся внѣ Россіи и не знающій тѣхъ коварныхъ интригъ, посредствомъ ка-кихъ произведено все, случившееся со мною, не долженъ ли, услышавъ о моемъ несчастіи, подумать, что въ Россіи не только невинность и заслуги, но и самыя священнѣйшія истины были въ моемъ лицѣ преслѣдованы и поруганы?

Нѣтъ, я увѣренъ, совершенно увѣренъ въ томъ, что отнюдь не было предполагаемо преслѣдовать во мнѣ человека невиннаго, благонамѣреннаго и заслуженнаго, человека искренно любящаго добродѣтель, благочестіе и христіанское богослуженіе, особенно такого человека, коего всѣ сочиненія суть несомнѣнныя доказательства и вѣчныя памятники его невинности, патріотической ревности и христіанской нравственности. Нѣтъ, Россійское Правительство совсѣмъ не способно поступать такимъ образомъ! Во мнѣ преслѣдуемъ былъ не иной кто либо, какъ только преступникъ, опасный для руссійскаго народа и особенно вредный для руссійскаго юдошества, ибо такимъ умѣла представить меня, предъ лицомъ праводушнѣйшихъ министровъ, наковарнѣйшая клевета. Всѣ случившіяся со мною неурядицы, несчастія и разныя несправедливости суть дѣло тьмы, всегда враждующей противъ свѣта, суть произведенія утонченнѣйшей лжи и самой злобной мстительности. Никогда бѣ не могъ столь благочестивый, правосудный и человеколюбивый министръ, каковъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, — никогда бы не могли и прочіе господа министры учинить столь насильственной и на небо вопіющей несправедливости! Никогда бѣ и Всероссійскій Государь Александръ не рѣшился подписать моего осужденія, если бѣ отдаленность мѣстополюженія не была препятствіемъ видѣть мою невинность! Я увѣренъ, что Его Императорское Величество, равно какъ и прочіе господа министры наградили-бѣ меня отличнымъ образомъ, если-бѣ только знали мой подлинный характеръ, мои благородныя и общепользыя намѣренія и подъятыя мною для блага Россіи труды. Но вмѣсто всего этого, они видѣли изъ представленія не иное что, какъ такую философію, которая клонилась къ ниспроверженію добродѣтели, богослуженія и гражданскаго порядка, — такія покушенія, которыя имѣли въ ви-

ду развращеніе російскаго юношества и духовенства,—такія сочиненія, которыя заключали въ себѣ самыя дерзкія ругательства противъ Россійскихъ законовъ и были вредны для всего Государства; и все это видѣли они изъ представленія такого человѣка, къ которому нельзя было не имѣть полной довѣренности, какъ по причинѣ возложеннаго на него званія попечителя, такъ и по тому особенно, что онъ, какъ сказано въ его представленіи, цѣлый годъ разсматривалъ дѣло самымъ строжайшимъ и безпристрастнѣйшимъ образомъ. Ибо если не будетъ довѣряемо такимъ лицамъ, какъ попечитель, то къ кому же высшее Правительство будетъ имѣть довѣріе, особенно Правительство столь обширнаго Государства, какова Россія, гдѣ, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ, никакъ нельзя не умножать, ни увеличивать тяжёбныхъ изслѣдованій, не подвергая Государство совершенной остановкѣ производства правосудія. Никакому народу, никакому Правительству, особенно при нынѣшнемъ поврежденіи нравственности, столь усилившемся во всѣхъ состояніяхъ, нельзя поставить того въ вину, что есть въ его области люди злонамѣренныя, такіе, которые, желая сдѣлать несчастными невинность и заслугу, порочатъ ихъ и преслѣдуютъ. Подобныя происшествія встрѣчаются вездѣ и даже очень часто въ такихъ государствахъ, коихъ образованность доведена до высокой степени и коихъ способъ управленія почитается образцовымъ. Какъ высшее, такъ и низшее начальство заслуживаетъ одобренія предъ Богомъ и предъ всѣми людьми, если только оно вознаграждаетъ свою несправедливость, происшедшую отъ клеветы, если принимаетъ подъ свое покровительство угнетаемую невинность и приводитъ въ извѣстность заслугу, скрываемую во мракѣ неизвѣстности. Всякое Правительство для того только и устанавливается, чтобы сохранять правосудіе и преслѣдовать несправедливость, защищать невинность и наказывать пороки. По этимъ причинамъ я надѣюсь и увѣренъ, что Россійское Правительство не преминетъ оказать мнѣ свое правосудіе, коль скоро увидитъ несправедливость, происшедшую отъ клеветы. И это сдѣлать очень легко, ибо каждая книга моего сочиненія заключаетъ въ себѣ очевиднѣйшія доказательства моей невинности, моихъ общепользныхъ и безукоризненныхъ намѣреній и вмѣстѣ съ симъ злоумышленной мстительности и клеветы того, кѣмъ сдѣланъ на меня доносъ. Стоитъ только сличить эту записку съ самыми книгами, чтобы увѣриться въ истинѣ всего вышесказаннаго.

А что оклеветатель мой полагался единственно на покровительство графа Потоцкаго, это видно изъ того, что онъ, во все шестилѣтнее пребываніе графа въ Польшѣ, не дававшего, въ теченіе этого вре-

мени, никакого о себѣ извѣстія, не осмѣливался даже и издали дѣйствовать противъ моихъ сочиненій, хотя многія изъ нихъ давно уже употребляемы были въ числѣ учебныхъ и воспитательныхъ книгъ какъ въ университетѣ, такъ и по гимназіямъ. Но лишь только пронесся слухъ въ Харьковѣ, что попечитель вскорѣ возвратится въ городъ изъ Польши, тотчасъ обнаружилась жесточайшая ненависть и мстительство профессора Дегурова, равно и друзей его, какую они столь долго таили и питали въ самихъ себѣ. Весьма замѣчательное въ этомъ отношеніи происшествіе случилось со мною 25 декабря 1815 г., при публичномъ собраніи всѣхъ членовъ университета и многихъ знатнѣйшихъ особъ города Харькова. Университетъ, предположивши въ этотъ день торжествовать вновь одержаннаго надъ Наполеономъ и Франціею знаменитѣйшія побѣды, назначилъ мнѣ латинскую рѣчь. Я говорилъ ее изъ предложенія *о возстановленіи богослуженія* въ соотвѣтствіе говоренной мною въ тотъ же день въ минувшемъ 1814 году рѣчи *о возстановленіи свободы въ Европѣ*. Въ этомъ собраніи вмѣстѣ съ прочими посѣтителями были и Харьковскіе ученые священники греко-россійскаго исповѣданія, которые, въ засвидѣтельствованіе своего отличнѣйшаго одобренія, утверждали, что никакой епископъ не могъ бы говорить о богослуженіи съ большимъ достоинствомъ, нежели какъ я объ этомъ предметѣ изъяснялся, и потому просили доставить имъ 200 экземпляровъ этой рѣчи, если она будетъ напечатана и издана въ свѣтъ, дабы и воспитанники епархіальнаго коллегіума могли имѣть ее, какъ въ виду простоты латинскаго языка, такъ и въ виду самаго ея содержанія. Но, не взирая на это, французскій профессоръ осмѣлился, еще при чтеніи приступа рѣчи, открыть тревогу и шумъ и вслухъ ругать меня поноснѣйшими именами и даже требовать отъ ректора университета, чтобы стащили меня съ кафедръ. Я былъ въ такомъ положеніи, какъ бы находился въ Парижскомъ національномъ конвентѣ. Но, не приходя отъ этого въ замѣшательство и не обращая вниманія на дерзость француза, я продолжалъ свою рѣчь, съ надлежащимъ приличіемъ и выразительностію. Единственною причиною этого бѣшеннаго своеволія, этого французскаго безчинія, учиненнаго въ самой Россіи, было то, что я, какъ о вѣроломствѣ возвратившагося съ острова Эльбы, такъ и измѣнническомъ поступкѣ Франціи, которая приняла его съ распростертыми объятіями, оставя своего законнаго Государя, выражался съ отвращеніемъ, достойнымъ и Тиранна и Народа, превозноси притомъ, съ торжествующимъ краснорѣчіемъ, знаменитыя побѣды союзныхъ Государей. Годомъ ранѣе, столь своевольная дерзость была бы наказана ссылкой въ Сибирь, но въ то время, какъ со дня на день

ожидали прибытія графа Потоцкаго изъ Польши, многіе даже изъ профессоровъ, въ числѣ коихъ былъ и ректоръ университета Осиповскій, не только одобрили дерзость француза, но еще постарались воспрепятствовать изданію въ свѣтъ моей рѣчи, которую одинъ изъ ученѣйшихъ Россійской церкви протоіереевъ наилучшимъ образомъ перевелъ на русскій языкъ. Вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Харьковъ графъ Потоцкій, и я тогда же жаловался ему на обиду, причиненную мнѣ при публичномъ собраніи, во время самаго исполненія моей должности. Но попечитель, защищая виновника обиды, сказалъ мнѣ: *ужели стѣшно надобно ругать французовъ?* Я представлялъ ему, что еще нѣсколько мѣсяцевъ, прошло послѣ того, какъ Тираниъ снова побѣждаетъ, и свергнуть съ престола, — что Государь Императоръ положилъ навсегда приносить, въ концѣ сего мѣсяца, торжественныя Господу Богу благодаренія за дарованныя имъ побѣды, — и что университетъ, по этому случаю, поручилъ мнѣ выразить торжественною рѣчью общія чувства всего народа. Я ссылаясь и на изданный въ то время манифестъ, въ которомъ громогласно осуждаемы были отвратительныя поступки французовъ. Но попечитель оставался при своемъ противъ меня мнѣніи. Онъ обнаружилъ въ тоже время свое негодованіе на мою философію и мои прочія сочиненія столь ясно, что я не могъ не замѣтить его рѣшимости погубить меня, въ удовлетвореніе своего любимца Дегурова. Наконецъ я отвѣтствовалъ ему со всѣмъ приличіемъ и твердостью, что я научился самой важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, т. е. наукѣ умерать за чистоту и святость дѣла, какое я защищалъ письменно и устно. Въ этомъ могу я сослаться на нѣкоторыхъ свидѣтелей, бывшихъ при разговорѣ, какъ то: статскаго совѣтника Каразина, надворнаго совѣтника Ели и магистра Ковалевскаго. Слѣдствіемъ моей жалобы и просьбы о сдѣланіи надлежащаго удовлетворенія за нанесенную мнѣ въ публичномъ собраніи обиду было 1) то, что рѣчь, удостоенная отличнаго одобренія всей ученой публики города Харькова, не была напечатана, 2) профессору Дегурову поручено было попечителемъ написать доносныя замѣчанія на мои книги и представить попечителю; 3) сообразно этимъ замѣчаніямъ, за истинность коихъ попечитель ручался предъ гг. министрами, рѣшено было отставить меня отъ должности и выгнать за границу, какъ преступника.

Этому же несчастію очень много содѣйствовалъ и другой человекъ, а именно, прежде бывший профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета Афанасій Стойковичъ, отличнѣйшій любимецъ графа Потоцкаго. Его можно назвать, въ моемъ дѣлѣ, предтечею графа Потоцкаго и профессора Дегурова, ибо онъ, еще за два года до случив-

шагосъ со мною въ Харьковѣ несчастія, объявлялъ, что поѣдетъ въ Петербургъ для того только, дабы успѣть ниеринуть меня, хоти бы это стоило ему 50.000 рублей. Столь непримиримую ненависть, этого человѣка я навлекъ на себя не инымъ чѣмъ, какъ, выполнениемъ же моей должности, которую я никакъ не могъ нарушить, не сдѣлавшись человѣкомъ презрѣннѣйшимъ. Именно встрѣтился случай, по которому надобно было разрѣшить вопросъ: можно ли мнѣ, какъ честному и добросовѣстному человѣку, какъ ревностному христианину, какъ члену Харьковского университета, рѣшиться не пренебречь Стойковичу учинить ложную присягу, между тѣмъ какъ я могъ его до этого не допустить? Всякій, кто хотя нѣсколько дорожитъ совѣстію, благоче- стіемъ и евангельскимъ богослуженіемъ, безъ сомнѣнія, отвѣтствовалъ бы на такой вопросъ отрицательно. Стойковичъ же, дабы уклониться отъ отвѣтственности за нѣкоторый весьма не хорошій поступокъ и вмѣстѣ предъотвратить изслѣдованіе, какое, по этому случаю, предпи- сано было сдѣлать господиномъ министромъ Разумовскимъ, просилъ письменно университетскій совѣтъ о томъ, чтобъ ему дозволено было доказать лживость учиненнаго на него довѣса одною клятвою. Но онъ прибѣгнулъ къ такому доказательству, коего лживость была очевидна, ибо случайнымъ образомъ попался мнѣ въ руки самыя яснѣйшія доказательства лживости его оправданія, коего истинность однакожъ хотѣлъ Стойковичъ подтвердить присягою. Упомянутыя доказательства были такого рода, что при нихъ всякое дальнѣйшее изслѣдованіе осталось не нужнымъ, такъ какъ умышленность клятвеннаго преступленія обнаружилась во всей ясности. Я представилъ эти доказательства, вмѣстѣ съ рукописью самаго Стойковича, университетскому управленію съ тѣмъ, дабы не допустить университетскаго ректора, до клятвеннаго преступленія и тѣмъ самымъ предъотвратить имѣвшій отъ этого произойти ужасный соблазнъ и стыдъ университета предъ всею публикою. По виду этого обстоятельства, дѣло препровождено было къ минис- тру, который потомъ предписалъ университетскому совѣту избрать другаго ректора. Акты этого дѣла, коимъ Стойковичъ самъ себя за- щиталъ навсегда, безъ сомнѣнія, и поныѣ лежатъ въ архивѣ Харь- ковскаго университетскаго управленія и совѣта. Въ 1815 году онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ, гдѣ наконецъ удалось ему, пресмыкатель- ствомъ и хитростями, расположить въ свою пользу различныхъ знаме- нитыхъ и сильныхъ особъ, и между прочими статсъ-секретаря Молча- нова, которые о дурномъ его поведеніи не имѣли ни малѣйшаго свѣ- дѣнія. Стойковичъ, воспользовався благорасположеніемъ вельможъ не для своего только благополучія, но и вмѣстѣ для моего злополучія,

ибо безпрестанно твердилъ о моей философіи и моихъ книгахъ, какъ сочиненійхъ крайне опасныхъ,—твердилъ предъ лицомъ такихъ особъ, которые не знали ни меня самого, ни моей философіи, ни моихъ другихъ сочиненій и которые, по своей благонамѣренности, имѣли совершенно искреннее и при томъ совершенно справедливое отвращеніе отъ философіи нынѣшняго времени. Такимъ образомъ, будучи включенъ въ число тѣхъ вреднѣйшихъ для благосостоянія общественнаго философовъ, которые явно стараются уничтожить добродѣтель, благочестіе и христіанское вѣроисповѣданіе, и противъ которыхъ моя философія подвизается со всею ревностію, я не могъ не подвергнуться величайшему негодованію этихъ знаменитѣйшихъ, сильныхъ, благонамѣренныхъ и даже благочестивѣйшихъ особъ, обманутыхъ тогда призракомъ истины. Ихъ негодованіе было совершенно справедливо, по мѣрѣ ихъ убѣжденія въ справедливости обвиненій Стойковича. И я самъ всеусердно желаю доселѣ, чтобъ Богъ благоволилъ избавить Россію отъ такой философіи, какая господствуетъ въ Германіи между большею частію ученыхъ, почему и употребилъ я еще въ бытность мою въ Россіи всѣ мѣры устнаго и письменнаго наставленія единственно на то, дабы не только заградить путь въ Россію этой философіи, но, сколько это зависѣло отъ моихъ способностей, изгнать ее изъ всего свѣта посредствомъ основательныхъ опроверженій. Но это патріотическое, честное и благочестивое мое намѣреніе скрывалось со всевозможнѣйшимъ тщаніемъ и приписано было такое, которое ему совершенно противно. Даже и то обстоятельство, что покойный митрополитъ Амвросій, коему весьма понравилась моя философія, купилъ значительное количество моихъ сочиненій, для раздачи ихъ между Россійскимъ духовенствомъ, равно какъ и то, что ученые Харьковскіе священники частнымъ образомъ слушали мою философію,—оба эти обстоятельства, которыя должны были послужить къ моей вящей чести и могли быть доказательствомъ истинно христіанскаго содержанія моей философіи, перетолкованы были такъ, что якобы я имѣлъ намѣреніе развратить моими правилами русское духовенство.

Такимъ-то образомъ все, служившее къ увеличенію моей чести, похвалы и заслугъ, обращалось въ ядовитую клевету мнѣ же въ укоризну и преступленіе. Такимъ-то образомъ Стойковичъ, поклявшійся нѣкогда погубить меня за то, что я ему воспрепятствовалъ выполнить ужаснѣйшій грѣхъ клятвопреступленія, предъуготовилъ путь своему покровителю, графу Потоцкому, и своему достойному другу, профессору Дегурову, для достиженія цѣли составленныхъ ими противъ меня замысловъ.—По прибытіи графа Потоцкаго въ С.-Петербургъ вызванъ

былъ туда же и Дегуровъ и въ это-то время всѣ трое соединенно дѣйствовали къ моей гибели. Знаменитѣйшія особы, отъ единого слова которыхъ зависѣла моя участь, безпрестанно слышали обо мнѣ самые худые отзывы, относительно моей философіи и моихъ сочиненій, которыя называемы были крайне вредными для благосостоянія общественнаго и особенно пагубными для обучающагося юношества. Когда же графъ Потоцкій замѣтилъ, что все, нужное для выполненія его намѣреній, было уже готово, немедленно представилъ доносныя замѣчанія профессора Дегурова господину министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, мужу, исполненному отличнѣйшихъ достоинствъ патриотизма и любви къ благочестію, который не задолго предъ тѣмъ вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія и который притомъ совсѣмъ не зналъ меня, а слышалъ обо мнѣ одни только предъосудительные отзывы и клеветы,—представилъ съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія объ этихъ замѣчаніяхъ, т. е. якобы онъ нашелъ ихъ совершенно основательными. Мое паденіе было неизбежно, ибо министры, при всемъ ихъ желаніи удовлетворить обязанности своего званія, не могли поступить иначе, нежели какъ они поступили. Я самъ, который сдѣлался жертвой этой клеветы, сохраняю глубочайшее уваженіе къ образу дѣйствія министровъ. Священнѣйшая обязанность требовала отъ нихъ того, чтобъ немедленно удаленъ былъ отъ училищной должности такой человекъ, который, какъ видно было изъ представленія попечителя, и устно и письменно старался распространять самое пагубное ученіе, не только между обучающимся юношествомъ, но и между иными людьми, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго состоянія. Министры никоимъ образомъ образомъ не могли подозрѣвать, чтобы все дѣло, въ своемъ существѣ, было не иное что, какъ произведеніе умысленной мстительности и коварнѣйшихъ интригъ. Они должны были судить о немъ, смотря по тому, какъ оно представлено было отъ попечителя; представлено же было оно въ такомъ видѣ, якобы попечитель самъ разсматривалъ и соображалъ его цѣлый годъ, со всею строгостію и безпристрастіемъ. Слѣдовательно не можно уже было думать ни о какомъ дальнѣйшемъ переислѣдованіи: оставалось только положить наказаніе за преступленіе, которое, какъ казалось, не подлежало никакому сомнѣнію. Да хотя бы и положено было учинить новое по этому предмету изслѣдованіе, то и тогда бы надлежало препоручить его попечителю, что было бы совершенно противно предположенной цѣли, такъ какъ попечитель, съ своей стороны, уже сдѣлалъ все то, что надобно было сдѣлать. Самое наказаніе, каковое положено было гг. министрами, какъ должно-

важнее состоятъ въ одномъ только изгнаніи меня изъ Россіи, было весьма снисходительное и человеколюбивое, ибо всякій наставникъ, дѣлающій столь великое злоупотребленіе изъ своей должности, всякій обвиняемый въ развращеніи юношества и людей различныхъ состояній, каковымъ я выставленъ былъ въ представленіи попечителя, долженъ быть почитаемъ человекомъ болѣе вреднымъ, нежели каковъ Государственный измѣнникъ, въ особенности по тому что слѣдствія, произтекающія изъ всякаго противуправственнаго ученія или такого, которымъ потрясается добродѣтель, благочестіе и христіанское богослуженіе бываютъ гораздо опаснѣе, распространяются гораздо далѣе, продолжаютъ долговременнѣе и истребляются несравненно съ болѣею трудностію. *Иже соблазнятъ единого маму съи, вѣрующаго въ Мя, говоритъ Иисусъ Христосъ (Матѣ. XVIII. 6, 7), уне есть ему, да обѣщится жерновъ осельскій на око его, и потонетъ въ пучинѣ морстей.* Слѣдовательно, если и учинена со мною самая величайшая и самая наглая несправедливость, то вся вина несправедливости падаетъ не на министровъ, но на сочинителя ложнаго доноса и на попечителя, который побудилъ его составить таковой доносъ и сверхъ того далъ торжественное увѣреніе въ его истинѣ. Что же касается до того, что Харьковскому губернатору приказано было тотчасъ, по полученіи предписанія, выслать меня изъ города и тогда же велѣть вывезти меня за границу, такъ что, не взирая на мою жестокую болѣзнь, въ каковой я тогда находился, долженъ былъ я внезапно оставить и жену и дѣтей, и домъ, и вещи домашнія, и вообще все мое имущество, съ очевидною опасностію лишиться всей моей собственности, что въ послѣдствіи и случилось,—все это, безъ сомнѣнія, произведено было уже по особливымъ домогательствамъ моихъ непріятелей. Для нихъ крайне нужно было, чтобъ посредствомъ внезапнаго изгнанія меня изъ Россіи приведенъ я былъ въ совершенную невозможность представить что либо высшему начальству для своего оправданія, ибо они знали, что какъ скоро бы мнѣ дозволено было оправдываться, то не только моя невинность и мои заслуги приведены были бы въ извѣстность, но и сами они, за столь дерзкую клевету, каковою меня очернили, были бы наказаны по законамъ. Такое же опасеніе было причиною и тѣхъ, употребленныхъ съ ихъ стороны интригъ, по которымъ доселѣ не выдается ни мнѣ, ни моему несчастному семейству даже и малый остатокъ моего имущества. Ихъ намѣреніе, очевидно, клонится къ тому, чтобъ отнятіемъ у меня всѣхъ вспомогательныхъ средствъ довести меня и мое семейство до совершеннаго разоренія и такимъ образомъ недопустить, чтобъ та ужасная несправедливость, какую они учинили

противъ меня и моего семейства, и то безчестіе, какое они нанесли справедливѣйшимъ и человѣколюбивѣйшимъ министрамъ и даже священнѣйшему имени Государя Императора, могли когда либо выйти наружу. Но такъ какъ они живутъ въ Петербургѣ и знаютъ всѣ пути, могущіе предохранять ихъ отъ опасности, то и могутъ, безъ всякаго затрудненія, выдумывать и употреблять всякую ложь, для опроверженія всего того, что бы я ни писалъ изъ Германіи въ Петербургъ, въ свое оправданіе; а на основаніи этого предположенія, желали они также и того, чтобы мнѣ строго запрещено былъ вѣздъ не только въ Россію, но и въ самую Польшу.

Изъ этихъ обстоятельствъ довольно явствуетъ, что, если моя невинность должна быть нѣкогда представлена въ полной ясности, если право оправдывать себя, столь свято сохраняемое между всѣми народами, должно быть нѣкогда предоставлено и мнѣ, то для этого неперемѣнно надлежало бы вызвать меня въ Петербургъ и дозволить лично отвѣтствовать въ присутствіи моихъ обвинителей. До тѣхъ поръ, пока этого не будетъ сдѣлано, нельзя будетъ сказать, чтобы мои оправданія были выслушаны. И потому желалъ бы я быть столько же счастливъ, какъ и апостолъ Павелъ въ то время, когда онъ былъ судимъ судіею язычникомъ. Знатнѣйшіе изъ іерусалимскихъ іудеевъ жаловались на апостола проконсулу Порцію Фесту въ томъ, якобы онъ, по словамъ ихъ, распространялъ пагубное ученіе, и потому просили Феста, дабы онъ, не пріемля никакихъ оправданій отъ апостола, осудилъ его, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія. Но этотъ язычникъ сказалъ имъ нижеслѣдующія достопамятнѣйшія слова: *нѣсть обычай римлянамъ выдати челоуѣка коѣю на потибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицемъ клеветующихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметь о своемъ соиръшеніи*. Дѣян. XXV. 16. Для чего же и мнѣ, послѣ столь многихъ доказательствъ моей невинности, послѣ 13-лѣтней моей службы, которую я проходилъ съ искреннѣйшею ревностію, при намѣреніяхъ безкорыстнѣйшихъ и общеплезнѣйшихъ, для чего же и мнѣ не надѣяться подобнаго счастія, равномѣрнаго доказательства правосудія, столь свято почитаемого и самыми язычниками? для чего не надѣяться сего отъ такого Монарха, коего царствованіе не токмо строгостію правосудія, но и снисходительнѣйшимъ человѣколюбіемъ пріобрѣтаетъ безсмертное уваженіе и признательность отъ цѣлаго свѣта? для чего не ожидать сего отъ тѣхъ министровъ, которые стараются со всею ревностію соответствовать расположеніямъ своего Монарха? и особенно отъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который, по своей приверженности къ добродѣтели, благочестію и во всему

священному для человечества, отнюдь не может быть равнодушенъ къ тому, что, при самомъ его вступленіи въ управленіе министерствомъ, самая гнусная клевета и злонамѣреннѣйшая интрига осмѣлилась столь безсовѣстнымъ и наглымъ образомъ обмануть его и даже совершенно вопреки его правиламъ и благонамѣренности довести до того, что онъ рѣшился сдѣлать несчастнымъ цѣлое семейство такого человѣка, который, неутомимо трудясь день и ночь, старался споспѣшествовать выполненію великаго дѣла, могущаго, посредствомъ благочестиваго и нравственнаго образованія Россійскаго народа, улучшить и возвысить человечество, и слѣдовательно такого наставника, который точно былъ таковъ, каковымъ желаетъ быть господинъ министръ всякому наставнику юношества, хотя онъ и рѣшился учинить это потому только, что ему нельзя было не почестъ этого человѣка, на основаніи представленнаго ему отъ Попечителя доноса, имѣвшаго всю благовидность истины, — нельзя было не почестъ этого человѣка развратителемъ юношества и слѣдовательно преступникомъ противъ благосостоянія общественнаго. Какъ? Ужели такой министръ, какъ князь Голицынъ, можетъ быть столько равнодушенъ, чтобы попустить этому несчастному скитаться за-границею и своимъ несчастнѣйшимъ, но вмѣстѣ и безвиннѣйшимъ положеніемъ, сдѣлавшимся его участію, во время его министерства, возбуждать къ себѣ живѣйшее соболѣзнованіе всякаго друга человечества? Ужели столь знаменитый другъ человечества, столь просвѣщенный и ревностный попечитель христіанства хладнокровно можетъ взирать даже и на самый поводъ къ подозрѣнію, якобы, подъ его начальствомъ, заслуга и невинность были угнетаемы, а клевета была одобряема и награждаема? Или будетъ онъ почитать унижительнымъ для своего достоинства принимать невинность подъ свое покровительство и не воздавать ей должную справедливость тогда, когда тайна злобы и коварства была бы открыта уже въ послѣдствіи? Нѣтъ! Я никоимъ образомъ не могу ожидать ничего подобнаго. Я скорѣе повѣрю, что всеблаговому Провидѣнію такъ угодно, чтобы вся тайна этого злодѣянія осталась сокрытой отъ взора човѣколюбиваго министра и чтобы я сдѣлался жертвою злобы. По премудрѣйшимъ Божиимъ судьбамъ, случается очень нерѣдко, что дѣло злобы и ненависти не получаетъ своего рѣшенія въ сей жизни, а предоставляется окончательно и навсегда рѣшить его Судии Мира въ будущей жизни, гдѣ каждому, со всею точностію, воздано будетъ по дѣламъ его: и отъ сей-то отсрочки рѣшенія нерѣдко здѣсь угнетаемъ бываетъ невинный и торжествуетъ злодѣй, наслаждавшійся всегда постояннымъ счастіемъ и даже умирающій въ нѣдрѣ благополучія. А потому, ежели и въ отношеніи ко мнѣ,

такъ угодно всещедрому Отцу человѣковъ и Творцу всей твари, чтобъ я оставленъ былъ всѣми людьми, даже и тѣми, которые и могли, и обязаны были защищать меня, и чтобъ я, такимъ образомъ, неизбѣжно сдѣлался жертвою злобы и несправедливости, то я покоряюсь такому предопредѣленію отъ всего моего сердца, ожидая, съ младенческою довѣренностію, окончательнаго рѣшенія отъ Единого, Всевѣдущаго, Всесвятаго и Преправеднаго Судіи, отъ котораго не можетъ укрыться никакая тайна клеветы и котораго не обольститъ никакое пресмыкательство лести, не сдѣлаетъ пристрастнымъ никакое лицепріятіе и не устрашитъ никакое величіе власти. *Испытай сердца и утробы приведетъ въ извѣстность тайная тѣмъ и обнаружитъ всѣ совѣты сердечные* (1 Кор. VI. 5). *Страшно есть, еже впасти въ руки Бога живаго*, говоритъ апостолъ Павелъ (Евр. X. 31); но для угнетаемой въ этомъ свѣтѣ невинности есть начало ея торжества и блаженства то время, когда она переходитъ, изъ рукъ судей, человѣковъ въ руки Судіи и Бога. Къ сему Верховному Судіи я перенесу мое дѣло, коль скоро осужденъ буду всѣми судилищами человѣческими. Ему препоручу свою несчастную супругу, которую, еще при жизни моей, человѣческая злоба сдѣлала вдовою безпріютною. Ему же препоручу и дѣтей моихъ, которыхъ та же злоба низринула въ нынѣшнее ихъ сиротство. Отъ него же буду ожидать себѣ разрѣшенія и въ разсужденіи остатка моего имущества, пріобрѣтеннаго многолѣтними трудами для поддержанія моего семейства, если только и жена и дѣти мои будутъ слышать тѣ же отказы въ полученіи его, какіе дѣлаемы были доселѣ. Утонченная хитрость можетъ обмануть людей и самыхъ проницательнѣйшихъ, но Бога никогда.

Я столько увѣренъ въ своей невинности и имѣю столь неограниченную довѣренность къ правосудію російскаго правительства, что, по одному мановенію Его Императорскаго Величества, готовъ немедленно отправиться въ Петербургъ и предстать предъ моихъ обвинителей съ тѣмъ, чтобы я обязанъ былъ въ послѣдствіи подвергнуться всякому наказанію, ежели только, съ моей стороны, не дано будетъ удовлетворительнѣйшаго отвѣта хотя на одно какое либо изъ ихъ обвиненій. Тотъ самый способъ оправданія, который долженъ казаться ужаснымъ всякому преступнику, т. е. такой способъ, по которому бы ему надлежало оправдываться въ присутствіи обвинителей справедливыхъ и судей безпристрастныхъ, я *почелъ бы для себя величайшею милостию*. Я увѣренъ, что непремѣнно буду оправданъ, если только выслушаны будутъ мои оправданія и если судимъ буду по закону строжайшей справедливости, въ какой никогда не отказывается и самому

злѣйшему преступнику. Вижу также и опасность, какой подвергаюсь я въ такомъ случаѣ, ибо очень возможно, что тѣ же самые люди, которые, посредствомъ употребленнаго ими коварства, приобретеннаго ими покровительства и множества иныхъ способовъ, состоявшихъ въ ихъ распоряженіи, могли, за три года передъ симъ, низринуть меня въ теперешнее мое несчастіе, безъ всякой моей вины,—очень возможно, что тѣ же самые люди и такимъ же способомъ довершатъ нынѣ мое несчастіе. И древнія, и новая исторія представляютъ множество примѣровъ такихъ людей, которые, при всей ихъ невинности и отличнѣйшихъ заслугахъ, при всемъ праводушіи и человеколюбіи ихъ правительствъ, пали, подъ усиліями злобы и коварства, яко жертвы законѣнія. Но я рѣшаюсь предпринять это опаснѣйшее дѣло для своей собственной чести, для своего несчастнаго семейства, для святости дѣла, которое я защищалъ и защищаю, для своей патріотической приверженности къ Россіи, для чести російскаго правительства, на которое тайна содѣяннаго надо мною злодѣянія и клеветы навлекли, со стороны иностранныхъ зрителей дѣла, ненавистную тѣнь, и наконецъ для священнѣйшаго имени Государи Императора, которое беззаконною дерзостію употреблено во зло и обезславлено. Должно дать замѣтить всей Германіи, что невинность въ Россіи, подобно какъ и въ другихъ государствахъ, хотя и можетъ быть доведена до несчастія, посредствомъ какого либо вымышленнаго преступленія, посредствомъ злобнаго и хитраго оклеветанія, но коль скоро ея поведеніе сдѣлается извѣстнымъ и преслѣдованіе тайной злобы очевиднымъ, то невинность никогда въ такихъ случаяхъ не остается безъ защиты, безъ вознагражденія, безъ удовлетворенія. Должно дать замѣтить всей Германіи, что російское правительство не почитаетъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые,—не почитаетъ унижительнымъ для своего достоинства принимать подъ свое покровительство того невиннаго, о которомъ оно, будучи обольщено чародѣйственнымъ искусствомъ клеветы, думало сначала совершенно превратнымъ образомъ, но о которомъ нынѣ получило точнѣйшее свѣдѣніе. Для славы и могущества какого бы то ни было правительства, нѣтъ ни малѣйшаго униженія оправдывать дознанную невинность, а напротивъ того всякое правительство подвергается дѣйствительному униженію, когда оставляетъ ее безъ защиты и покровительства противъ насилиа злобы.

Но если Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ Всемилостивѣйше повелѣть вызвать меня въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы я принесъ мое оправданіе противу сдѣланнаго на меня доноса, то я, на сей случай, предполагаю, 1) что до того времени, пока не выслу-

шаны будутъ мои оправданія и пока не буду я уличенъ въ какомъ либо преступленіи, поступаемо будетъ со мною не только какъ съ чело­вѣкомъ совершенно невиннымъ, но и какъ съ коллежскимъ совѣтни­комъ російской службы и слѣдовательно привезенъ буду въ Петер­бургъ не въ видѣ какого либо преступника, но такого чиновника, который проѣзжаетъ совершенно свободно, 2) надѣюсь, что для проѣзда выдаю будетъ мнѣ потребное количество прогонныхъ денегъ, 3) же­лаю, чтобъ, по прибытіи моемъ въ Петербургъ, дозволено было мнѣ, безъ всякаго гражданскаго надзора, жить у моей жены и свободно заниматься моими дѣлами въ городѣ, 4) полагаю, что потребные для моего оправданія способы никоимъ образомъ не будутъ мнѣ затруд­няемы. Но коль скоро и при всѣхъ этихъ условіяхъ, по учиненіи стро­жайшаго и безпристрастнѣйшаго изслѣдованія представленныхъ на меня доносныхъ пунктовъ, останусь я виновенъ хотя въ одномъ ка­комъ либо преступленіи, тогда пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ; тогда я готовъ буду претерпѣть наказаніе и ссылкой, и заключеніемъ въ темницу, и самою смертію; тогда я не буду жаловаться, хотя бы я наказанъ былъ гораздо строже, нежели какое наказаніе заслуживалъ бы. *Аще бо неправдоу, или достойно смерти сотворишъ что, не отме­туся умерети,* отвѣтствовалъ апостоль Павелъ проконсулу Порцію Фесту; *аще ли же ничтоже есть во мнѣ, еже сіи на мя клеветуютъ, никто же мя можетъ тѣмъ выдати.* Кесаря нарицаю. Тогда Фестъ, со­стязаяся съ совѣтниками, отвѣща: *Кесаря ли нарекалъ еси, къ кесарю поидеши.* Дѣян. XXV. 11, 12. И я приѣмлю ту же самую рѣшимость, каковую нѣкогда имѣлъ апостоль Павелъ, ибо я нахожу себя столько же невиннымъ въ моемъ дѣлѣ, какъ и онъ, почему и объявляю тор­жественно, что я переносу мое дѣло на разрѣшеніе Всероссійскаго Монарха, нарицаю кесаря христіаннѣйшаго, правосуднѣйшаго и чело­вѣколюбивѣйшаго, ожидая, съ полною довѣренностію, отъ Его Импе­раторскаго Величества себѣ оправданія и защиты.

Но быть можетъ, что и сей одной записки достаточно будетъ для совершеннаго удостовѣренія о моей невинности, такъ что не най­дено будетъ уже нужнымъ вызывать меня въ Петербургъ, для даль­нѣйшаго изслѣдованія моего дѣла. Если такое мое предположеніе оправ­дано будетъ самымъ событіемъ, то я умоляю правительство о пощадѣ и помилованіи моихъ непріятелей. Объявляю торжественно, что я не желаю имъ никакого за себя возмездія. Богъ свидѣтель, что молюсь о нихъ ежедневно съ искреннѣйшимъ усердіемъ, дабы они исправили свое поведеніе, признали свою несправедливость и были бы временно и вѣчно благополучны. Двое изъ тѣхъ, которые способствовали намѣ-

реніямъ Дегурова и графа Потоцкаго, умерли въ прошедшемъ году, въ одно время. Дай Богъ, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, предъ своею смертію, рассказали въ своей несправедливости и обрѣли бы въ Богѣ своего милосерднаго Судію! Дай Богъ, чтобъ я, къ моему вѣщшему благополучію, могъ найти ихъ въ будущей жизни моими помилованными собратіями! Сего же желаю я и всѣмъ прочимъ, въ живыхъ находящимся, моимъ непріятелямъ, обвинителямъ и оклеветателямъ. Примиреніе, вѣчное примиреніе да будетъ между ими и мною! Я столько удаленъ отъ духа мстительности, что, еслибы получилъ я удовлетвореніе самое блистательнѣйшее, и участь моя обратилась бы въ наисчастливѣйшую, то и тогда бъ я не могъ быть счастливымъ, если бы зналъ, что они сдѣлались несчастными чрезъ меня. Есть и безъ того довольно несчастій въ семъ свѣтѣ. Я отнюдь не желаю, чтобъ кто либо сдѣлался несчастнымъ, чтобъ кто либо сѣтовалъ или проливалъ слезы чрезъ меня. Даже и тогда, когда бъ я искушаемъ былъ всѣми несчастіями, и до самаго гроба ничего бъ иного не предвидѣлъ, кромѣ злополучія, и тогда желалъ бы я осушить слезы всякаго несчастнаго, видѣть каждаго благополучнымъ и радоваться самому мнѣ, по крайней мѣрѣ, смотря на благополучіе ближняго. Всякій тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ своемъ хотя малѣйшую мстительность, не есть уже христіанинъ. Иисусъ Христосъ умеръ за всѣхъ насъ, грѣшниковъ сущихъ (Римл. V. 6); посему и мы должны не только прощать враговъ своихъ, но и умирать за нихъ (1 Іоан. III. 16), если того потребуютъ обстоятельства. И такъ я умоляю Бога и людей о помилованіи моихъ непріятелей.

Для себя въ особенности я ничего иного не прошу, какъ только, чтобы Всемиловитѣйше пожаловано было мнѣ обѣщанное Его Императорскимъ Величествомъ въ утвержденной грамотѣ Харьковскаго университета (§ 18) вознагражденіе тѣмъ чиновникамъ, кои, въ продолженіи многихъ годовъ, исправно служили при университетѣ и кои, за старостію или слабостію здоровья, не могутъ болѣе служить при немъ. 13 лѣтъ служилъ я при Харьковскомъ университетѣ съ отличнѣйшимъ усердіемъ, ревностію и патріотизмомъ, такъ что, можетъ быть, ни одинъ служащій въ Россіи профессоръ столько не жертвовалъ собою своей службѣ, какъ я. И днемъ и ночью трудился я для достиженія цѣли моего назначенія. Весь день проводилъ я въ преподаваніи изустныхъ наставленій, частію у себя въ домѣ и даже большую часть ночи, вмѣсто необходимо нужнаго отдохновенія, употреблялъ я на сочиненіе такихъ книгъ, въ которыхъ бы остались сѣмена, могущія и послѣ моей смерти возникнуть и принести спасительные плоды. Да и универси-

теть, съ своей стороны, имѣлъ такую довѣренность къ моей благонамѣренности и свѣдѣніямъ, что поручалъ мнѣ многія постороннія дѣла, совсѣмъ не относившіяся къ моей профессіи, на какую я былъ вызванъ. Въ числѣ такихъ дѣлъ исправлялъ я цѣлыя 7 лѣтъ должность секретаря при университетскомъ совѣтѣ, проходя ее съ такою исправностію и благоразуміемъ что во всю бытность мою секретаремъ не было ни одной тяжёлой ссоры въ университетѣ, какъ это видѣть можно изъ протоколовъ, веденныхъ мною по дѣламъ совѣта. Но какъ скоро Стойковичъ, въ качествѣ ректора, поручилъ эту должность другому, тотчасъ начались упущенія, интриги и распри между профессорами и усилились до такой степени, что университетъ, столь много обѣщавшій съ самаго начала, доведенъ былъ въ послѣдствіи до крайняго разстройства, изъ котораго не иначе можетъ и освободиться, какъ совершенно новымъ преобразованіемъ его. Много разъ я былъ также деканомъ и сочленомъ университетскаго правленія. Изъ учебныхъ же должностей исправлялъ я не одну только профессорскую по части теоретической и практической философіи, но сверхъ того избранъ былъ университетскимъ совѣтомъ для обученія нѣмецкому и латинскому языкамъ и словесности. Наконецъ, по порученію того же совѣта, сочинялъ я различныя книги для гимназій и издалъ латинскихъ классиковъ. Не ограничиваясь этими занятіями, писалъ я иныя многія сочиненія, по собственному побужденію, и издавалъ ихъ своимъ издательствомъ. Сверхъ всего этого, по особенной просьбѣ студентовъ, равно какъ и нѣкоторыхъ ученыхъ изъ городскихъ обывателей, а особенно священниковъ греко-россійской церкви, преподавалъ я у себя въ домѣ частнымъ образомъ свою философію, въ извѣстные часы, удовлетворяя просьбѣ съ удовольствіемъ и поставляя ее себѣ за честь. Какъ изустныя мои уроки, такъ и мои сочиненія принимаемы были съ такимъ одобреніемъ, какимъ не пользовался ни одинъ изъ прочихъ профессоровъ. Не безызвѣстно, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Амвросій купилъ значительное количество моихъ сочиненій для раздачи ихъ греческому духовенству, ибо онъ видѣлъ, что духъ моей философіи есть духъ благочестія, добродѣтели и христіанства. Это же самое побудило и священниковъ греческой церкви просить меня о преподаваніи имъ уроковъ изъ моей философіи. Многіе изъ петербургскихъ ученыхъ выписывали мои сочиненія. И эта то благопріятная для меня молва, эти то лестныя отзывы ученыхъ любителей христіанскаго благочестія были причиною, что Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ благоугодно было послать мнѣ въ подарокъ за мои сочиненія драгоцѣнную табакерку, съ изъявленіемъ Ея

милостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія. Всѣ эти обстоятельства служатъ доказательствомъ не только моей невинности, но и моихъ отличныхъ услугъ. Что же касается до обвиненій, каковымъ подверглись тѣже самыя книги, то тутъ не моя вина, но злоба оклеветателей. Всякій кто бы ни прочелъ мои сочиненія, всякій увидѣлъ бы, что, при составленіи и изданіи ихъ, имѣлъ я не иное какое либо намѣреніе, какъ только желаніе споспѣшествовать распространенію добродѣтели, благочестія, христіанства, любви къ отечеству и благу человѣчества вообще. Столь священное, столь благотѣльное намѣреніе заслуживало бы не наказанія, но одобренія и награды. Въ дополненіе всего вышесказаннаго нельзя не замѣтить, что всѣ мои сочиненія изданы были съ одобренія университетской цензуры, исключая одного „*О славнѣйшихъ гражданахъ города Рима*“, хотя я и просилъ подвергнуть его цензурѣ, но оно однакожъ не было разсматриваемо цензурою по той причинѣ, что всѣ сочиненія, поручаемыя какому либо профессору университетскимъ совѣтомъ, издаются безъ разсмотрѣнія цензуры, на основаніи университетскихъ по сему предмету постановленій. Какимъ-же образомъ можно было, послѣ сего, обвинять меня даже и въ томъ, что я, какъ иностранецъ, по моему невѣдѣнію частныхъ россійскихъ соотношеній, можетъ быть, и не досмотрѣлъ чего либо въ моихъ сочиненіяхъ? Положимъ, что есть въ моемъ естественномъ правѣ нѣчто такое, что не соотвѣтствуетъ Россійскому законоположенію, образу правленія, особливимъ какимъ либо намѣреніямъ гражданскимъ или церковнымъ; но за это долженъ бы былъ отвѣтствовать цензоръ, а не я, который, какъ чужестранецъ, могъ и не знать всѣхъ Россійскихъ соотношеній въ подробности. Цензоръ же этого сочиненія былъ профессоръ Успенскій, природный россиянинъ, ревностный патріотъ, человѣкъ весьма свѣдущій въ россійскомъ законоположеніи и обучавшій въ Харьковскомъ университетѣ россійскимъ правамъ. Но отъ этого профессора никогда не требовано было отвѣта за цензуру одобреннаго имъ сочиненія, чему однакожъ надлежало бы быть по необходимости, еслибы хотя одно изъ представленныхъ на мое сочиненіе обвиненій было основательно, а особенно то обвиненіе, по которому книга моя должна заключать въ себѣ явные порицанія россійскихъ постановленій. Цензоръ Успенскій никогда бы не пропустилъ, никогда бы не оставилъ въ моей рукописи ничего такого, что имѣло бы хотя нѣкоторое отдаленнѣйшее сходство съ обвиненіемъ подобнаго рода. А потому и одно это обстоятельство, что цензоръ упомянутой книги никогда не подлежалъ никакой отвѣтственности—ни доносу, по содержанію книги, хотя онъ и долженствовалъ бы быть по сему дѣлу судимъ преимущественно,

такъ какъ природный россиянинъ и профессоръ русскаго права, ко-
ему нельзя было не знать всего вообще, что противно Россійскимъ за-
конамъ и постановлѣнiямъ, а потому и одно это обстоятельство слу-
жить неосторимымъ доказательствомъ не только моей невинности, но
вмѣстѣ и того, что сочинитель обвиненiй, вопреки своему внутреннему
сознанiю о моей невинности, хотѣлъ уязвить меня посредствомъ кле-
ветанiя. Онъ долженъ былъ умолчать о лицѣ цензора, ибо предвидѣть,
что еслибы онъ рѣшился обвинять и цензора, то не могъ бы довести
меня до предполагаемаго имъ несчастiя; цензоръ принужденъ бы былъ
сильно защищаться противъ такого обвиненiя, а чрезъ то обнаружилъ
бы и мою невинность. Изъ этого явствуетъ, что, съ какой бы сто-
роны ни разсматриваемо было мое дѣло, отовсюду очевиднѣйшимъ
образомъ усматривается моя невинность.

Но для чего исчисляю я всѣ эти обстоятельства? Пусть лучше
ислѣдована будетъ самая книга; пусть сличены будутъ доношенные пункты
съ самими мѣстами книги; пусть, по крайней мѣрѣ, бѣглымъ образомъ
прочтена будетъ вся книга, и тогда окажется само собою, что обвини-
тельные пункты суть не иное что, какъ явная клевета и что доселѣ
ни одна книга подобнаго содержанiя не написана была съ такимъ чув-
ствомъ нравственности, христіанскаго благочестiя и преданности къ
отечеству, какъ это потомъ окажется само собою, что вся книга не
иное что заключаетъ въ себѣ, какъ священный Его Императорскаго
Величества союзъ, представленный въ полной системѣ; тогда окажется
само собою, что если такіе наставники, каковъ сочинитель книги, бу-
дутъ изгоняемы изъ Россіи, то и всѣ благотѣлнѣйшія и благора-
зумнѣйшія учебныя заведенiя, учрежденныя Его Императорскимъ Ве-
личествомъ для образованiя Россійскаго народа и поддерживаемыя Его
щедротами и отеческою попечительностію, по необходимости, должны
будутъ разрушиться; ибо какіе уже послѣ сего должны будутъ оста-
ваться въ Россіи учителя? или какіе люди вновь опредѣляемы будутъ
къ учительскимъ должностямъ? Если я, по моимъ правиламъ и ученію,
былъ развратителемъ Россійскаго юношества, совершенно заслуживав-
шимъ то наказаніе, каковое меня постигло; то надобно послѣ этого
избирать и опредѣлять такихъ учителей, которые бы отвергали добро-
дѣтель, благочестіе, христіанское ученіе, любовь къ отечеству и вну-
шали бы такія же мысли и расположенiя обучающемуся у нихъ юно-
шеству, и такимъ образомъ поспѣшили бы изъ мужественнаго Рос-
сійскаго народа образовать такой народъ, каковы были французы во
время революціи. Но, какъ кажется, такое точно и имѣютъ намѣреніе
всѣ тѣ находящіеся въ Россіи порицатели моихъ и моимъ подобныхъ

сочиненій, которые съ явнымъ безстыдствомъ, возстають и на сочиненія, и на сочинителей, доводя и самыя семейства этихъ послѣднихъ до глубочайшаго несчастія; въ противномъ случаѣ всякій, читающій изданныя мною книги, долженъ бы былъ крайне изумляться, разсуждая объ участи, постигшей меня въ Россіи.

И такъ, я надѣюсь, что во уваженіе моей невинности, подтверждаемой всѣми обстоятельствами, — моей службы, какую я проходилъ при Харьковскомъ университетѣ въ продолженіи тринадцати лѣтъ, — и моей отличнѣйшей ревности и неоспоримыхъ заслугъ, оказанныхъ мною университету, удостоенъ буду и я той же милости, какую Его Императорское Величество общалъ въ утвердительной грамотѣ университета всѣмъ подобнымъ мнѣ профессорамъ предъ лицомъ цѣлой Европы. Въ грамотѣ сказано, что такимъ профессорамъ, въ вознагражденіе ихъ службы, обращается годовое ихъ жалованье въ пенсіонъ по смерти. Этою Высочайшею милостію я бы былъ достаточно вознагражденъ за всёъ несчастіе, за всёъ страданіе, въ какія низринули меня зложелательство и клевета. Этою же милостію приобрѣло бы и Россійское правительство наивысшее къ себѣ уваженіе и разсѣяло бы всѣ предосудительныя мнѣнія иностранцевъ, къ каковымъ подало поводъ вышеупомянутое мое приключеніе.

Если же, по какимъ либо, для меня совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, лишенъ я буду навсегда всякой милости, то прошу усерднѣйше, по крайней мѣрѣ, не задерживать долѣе остатка моего имуществъ, назначаемого мною въ пользу моей жены и моего сына. Вѣрныя копіи съ векселей на полученіе его препровождены мною къ господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Голицыну. По полученіи же денегъ, прошу покорнѣйше выдать одну половину изъ нихъ моей женѣ, находящейся теперь въ Петербургѣ, а другую переслать къ моему сыну, обучающемуся теперь, подъ моимъ надзоромъ, медицинскимъ наукамъ въ Іенѣ. Деньги, принадлежащіе сыну, могутъ быть переданы въ Веймаръ, на имя тамошняго великогерцогскаго правительства, которое, по своему человѣколюбію, будетъ употреблять ихъ такъ, чтобы сынъ мой могъ, при этомъ пособіи, окончить свои науки. Для себя самого я не оставляю ни одной копейки. Жертвую собою Іисусу Христу, коего ученіе я защищалъ и за имя коего претерпѣваю мое теперешнее несчастіе. Буду утѣшаться тѣми священнѣйшими истинами, которые составляютъ мое вѣроисповѣданіе и которыя изложены мною въ приложеніи В: онѣ, подобно ангеламъ хранителямъ, будутъ охранять меня на пути къ лучшей жизни и сопровождать до самаго престола того Судіи, предъ которымъ не можетъ

не быть посрамлена всякая клевета. Я довольно богатъ и тѣмъ, что имѣю своимъ покровителемъ и другомъ самого Бога. *Тотъ слишкомъ любостыжливъ*, какъ говоритъ учитель церкви Августинъ, для кою не довольно имѣть самого Бога.

Наипреданнѣйшій слуга, преждебывшій профессоръ философіи и латинской словесности при Харьковскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ *Иоаннъ Шада*.

Іена. 2-го Февраля 1820.

Такова оправдательная записка Шада. За нею помѣщены образцы его религіозной поэзіи. Вотъ одинъ изъ такихъ образцовъ.

Въ этихъ стихахъ, сочиненныхъ мною для собственнаго моего назиданія, говоритъ Шада, заключаются всѣ тѣ священныя истины, на коихъ основана моя философія. И потому они для меня суть мое вѣроисповѣданіе.

Природа, человѣкъ, Богъ-Творецъ и Искупитель.

Сколь сладостна, сколь восхитительна брачная пѣснь твоя, любезный соловей! Рѣки радостей текутъ въ душѣ моей, внимающей твоему пѣнію,—рѣки радостей, упоевающихъ блаженныя души, оглашаемыя пѣніемъ лика ангеловъ.

Сколь невинны твои радости, сколь чужды всякаго прискорбія, уязвляющаго сердце человѣка, и сколь чисты, непорочны твои увеселенія. Ты живешь безъ скорби, безъ заботъ, близъ маленькаго ручейка, въ своей зеленолиственной кущицѣ.

Ты не знаешь никакого неистоваго побужденія; твоя пища и твоя супружеская любовь суть твои единственныя заботы и вмѣстѣ удовольствія. Сколь любезны твои шуточные подражанія, каковыми ты, сидя на тонкой, колеблющейся вѣтви, отвѣтствуешь въ часы веселыхъ пѣсней или супругѣ твоей, или твоимъ собратіямъ!

Ты живешь въ этой рощицѣ совершенно свободенъ, не зная ни неволи, ни принужденности: и юная Нонна (инокиня), смотря на твое состояніе, съ сердечнымъ уныніемъ говоритъ сама въ себѣ: „О! если бы была я столь же счастлива, какъ и ты“.

Твоя супруга, исполненная матерней попечительности, сидитъ день и ночь въ гнѣздѣ, для будущихъ птенцовъ своихъ, и, можетъ быть, къ заутреннему утру уже сдѣлается матерью. Какую радость долженъ ты чувствовать тогда, какъ радостныя пѣсни дѣтей твоихъ будутъ раздаваться въ сей же самой рощѣ, въ твоемъ присутствіи!

О! дай Боже, чтобъ никакой жестокой человѣкъ не могъ похитить изъ сей благословенной колыбели дражайшихъ младенцевъ твоихъ. Его алчность ничѣмъ такъ не утѣшается, какъ добычею невинности и кровію дѣтей твоихъ.

Удалившись отъ страны невинности и свободы, онъ ни мало не чувствуетъ своихъ оковъ, своего порабощенія той блистательной образованности, которая заставляетъ его служить прихотямъ порока, издѣваться надъ невинностію и стыдиться природы.

Всякій, черпающій мудрость изъ кладязей буйства и утоляющій алчбу благополучія болотною грязью неестественности, — всякій такой, по необходимости, гнушается истинными удовольствіями человѣчества, и съ скотскою надменностію погрязаетъ въ нечистотахъ порока.

Единая добродѣтель есть чистѣйшій и неизобильный источникъ, протекающій по пустынѣ сего свѣта, — источникъ всякаго благословенія, есть вѣрнѣйшій руководитель, возводящій къ матернимъ нѣдрамъ природы и увѣнчивающій розами радостей, достойныхъ цѣли человѣка.

О природа! отъними отъ насъ тяготу неестественности и чрезъ искусство научи насъ искусству быть тѣмъ, что ты, — ты, которая, будучи дочерію безпредѣльнаго духа, представляешь образъ его божественности и составляешь самую душу духовъ.

Всѣ вещи суть чада божественнаго разума, суть прелестнѣйшіе звуки вѣчной гармоніи, суть такіе исполнители воли существа Всевѣтнѣйшаго, которые, не зная сами своего назначенія, достигаютъ вѣрно своей цѣли и составляютъ симпатическое цѣлое.

Самый прахъ есть одежда божества, но Его существо наиболѣе усматривается въ человѣкѣ. Онъ лишенъ своего прежняго мѣстопробыванія за грѣхъ, но борьбою и побѣдою надъ ангеломъ тьмы онъ долженъ возвратить потерянное небо и вознестися къ Богу.

Путь къ высочайшему достоинству Бога идетъ чрезъ глубину ада, гдѣ нго креста обращается въ престолъ блаженства. Изъ нощи рождается день; изъ заблужденія стремленіе къ мудрости; изъ сраднаго гніенія безконечная жизнь.

Преступленіе, погрузившее человѣка въ глубину растлѣнія, возбудило въ его сердцѣ божественную искру свободы, удобовозрастающую въ пламенное море рвенія ко всякому благу. Одна минута свободнаго преодоленія драгоцѣннѣе пребыванія въ колыбели невинности и самыхъ прелестей вѣчнаго дѣтства.

Если небо невинности уже потеряно, то всякій человѣкъ, какъ раждаемый въ нечистотѣ порока, раждается на подвигъ брани. Очень низко было состояніе невинности, въ сравненіи съ тѣмъ солнцеобразнымъ величіемъ добродѣтели, каковое приобрѣтается покаяніемъ и пламеннымъ рвеніемъ брани.

Крайняя цѣль человѣка есть быть Богомъ, и потому ни что земное не удовлетворяетъ его, ни даже благоденствіе Эдема. Вѣчная любовь, покрытая кровавою одеждою, возводитъ его отъ самаго края гибели до престола Бога, въ благолѣпнѣйшій и образъ Бога.

О Божественная любовь! Ты дыханіемъ устъ твоихъ, въ пустотѣ ничтожества сотворила вселенную. Ты, свѣтомъ лица твоего, озарила милліоны солнцевъ. Ты хочешь,—и расширяются міры, исполненные блаженнѣйшихъ сладостей для духовъ безчисленныхъ.

Но ахъ! человѣкъ, украшенный твоимъ подобіемъ, поселенный въ раю сладостей, тебѣ не покоряется; возвергаетъ вину непокорства на Творца своего и Ты, о безпредѣльная любовь.—Ты умираешь, за его преслушаніе, на Голгофѣ.

Любовь безъ жертвы—адъ: одною только полнотою чаши горестей утоляются ея радостныя страданія. И самъ Богъ, какъ бы не довольствуясь собственнымъ блаженствомъ, находитъ свое нынѣшнее блаженство въ томъ, чтобъ видѣть его пожертвумъ на его алтарѣ.

Преступленіе слезнымъ окомъ помаваетъ Сыну Божію снизойти съ престола величества до униженія сына земнородныхъ. Ужаснися, небо! Богъ низходитъ умереть въ прахъ, дабы воздвигнуть прахъ изъ гроба и вознести до высоты Божія сына и наслѣдника.

Творецъ міра, всесвятый, умираетъ на древѣ крестномъ, подобно отягченному проклятіемъ грѣшнику; умираетъ, терпя наказаніе за чужія преступленія; умираетъ въ видѣ агнца, заколаемаго отъ сложенія міра.

Блаженствуй, преступленіе, единственный источникъ горестей! ты будешь отселѣ цвѣсти во святилищѣ и приносить плодъ сыновъ Божіихъ. Блаженствуйте, бездны, вмѣстилища преступниковъ. Кровь искупителя, пролитая на крестѣ, претворяетъ васъ въ обители небесныя.

Сей великолѣпный театръ міра представляетъ мнѣ нынѣ въ Творцѣ моемъ отца и друга—искупителя; такъ, всѣ твари суть зеркало любви, печать вѣчнаго примиренія положена на всей вселенной.

Да воинствуетъ убо всякой, омытый кровію Христовою, да умерщвляетъ силу грѣха, и всего себя да посвятитъ кресту Распятаго, ибо симъ только способомъ приобрѣтается вѣнецъ побѣды и престолъ богоподобія въ царствѣ славы.

XII.

Послѣднія ходатайства.

Ни записка, ни религіозная поэзія цѣли не достигли: Шадъ снова получилъ отказъ. Послѣ этого онъ замолкъ на 7 лѣтъ. Но съ воцареніемъ Императора Николая Павловича сдѣлалъ новую послѣднюю попытку напомнить о себѣ и о своемъ злосчастномъ дѣлѣ. Въ 1827 году онъ отправилъ на имя министра народнаго просвѣщенія слѣдующее письмо. „Изъ сочиненій моихъ, которыя я Вамъ за два года переслалъ, безъ сомнѣнія Вы усмотрѣть изволили, что я не за какое либо преступленіе, но чрезъ коварное оклеветаніе отъ должности моей былъ отставленъ безъ всякой законной причины, и былъ высланъ изъ Россіи, не зная обвиненій, которыми непріатели мои меня оклеветали. Сочиненія мои, сочтенныя развратными, содержатъ совсѣмъ противное и доказываютъ не только мою невинность, но и заслуги мои Харьковскому университету, и кто ихъ со вниманіемъ прочитаетъ, тотъ удостовѣрится ясно, что одна живѣйшая ревность къ добродѣтели, вѣрѣ христіанской и русской имперіи ихъ одушевляють.

Но такъ какъ обстоятельства, которыя за два года справедливости и благосклонному сердцу Вашего Высочайшаго Превосходительства причиняли препятствія, теперь перемѣнились; то я съ полнымъ упованіемъ дерзаю повторить покорнѣйшую мою просьбу о ежегодной пенсіи, которую Его Императорское Величество блаженной памяти *Государь Императоръ Александръ I* каждому профессору въ Харьковѣ, безъ вины своей больше служить не могущему, въ законахъ университетскихъ назначилъ. Въ нихъ же предписано слѣдующее: 1) Если проф. безъ вины своей болѣе служить не можетъ, то получаетъ половину жалованья своего, т. е. 1000 руб. пожизненной пенсіи. 2) Если же онъ приобрѣлъ себѣ особенныя достоинства въ продолженіи своей службы, то опредѣлено ему полное жалованье по 2000 руб. Сочиненія мои служатъ явнымъ доказательствомъ моихъ заслугъ Харьковскому университету. Основываясь на этихъ университетскихъ узаконеніяхъ, которыя блаженной памяти Государемъ Императоромъ Александромъ I утверждены, ходатайствомъ Вашего Высочайшаго Превосходительства осмѣливаюсь просить Его Императорское Величество нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Павловича какъ блюстителя законовъ и справедливости всемилостивѣйше опредѣлить мнѣ по заслугамъ моимъ пожизненную пенсію. За эту Высочайшую милость, при старости моей и безпрестанныхъ болѣзняхъ столь необходимую, до смерти буду питать

глубочайшую благодарность, и она послужить мнѣ поощреніемъ къ довершенію того, что я прежде въ Россіи философскими моими сочиненіями хотѣлъ привести въ дѣйствіе, а именно—христіанской вѣрѣ противъ нынѣшняго вольнодумства дать непоколебимую подпору. Хотя бы я могъ дожить до глубокой, старости, однакожъ, имѣя уже 69 лѣтъ отъ рожденія, немогу долго пользоваться пенсією, слѣдуемой мнѣ по статутамъ университетскимъ. Вашему же Высокопревосходительству пріятно будетъ чувство усладить по крайней мѣрѣ послѣднія лѣта жизни гнусною клеветою угнетеннаго человѣка. Уповая на эту Высочайшую милость съ особеннымъ къ особѣ Вашей благоговѣніемъ пребуду Вашего высокопревосходительства глубочайшій читатель коллежскій совѣтникъ и профессоръ философіи при Іенскомъ университетѣ Иванъ Шадъ.

Іена. Февраля 27. 1827.

P. S. Я имѣлъ счастье въ 1816 году въ Харьковѣ говорить съ Его Императорскимъ Величествомъ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, тогдашнимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ въ то самое время, какъ соперники начали на меня въ С.-Петербургѣ доносить, и я имѣлъ счастье вручить ему свои сочиненія съ просьбою, въ которой все изъяснилъ, что принадлежитъ до обвиненій и покорнѣйше просилъ, чтобы сочиненія мои строжайшимъ образомъ были изслѣдованы и мнѣ позволено бы было оправдаться, потому что непріатели мои старались тогда довести дѣло до того, чтобы меня безъ всякаго разысканія судили. Его Императорское Величество соизволилъ мнѣ послѣ въ Берлинѣ чрезъ тамошняго посланника объявить, что онъ къ сожалѣнію не можетъ въ этомъ дѣлѣ дать помощи, потому что обстоятельства не позволяютъ вмѣшиваться въ него. Я немогу себѣ представить, чтобы Его Императорское Величество нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ милостивѣйшія свои намѣренія въ разсужденіи меня перемѣнилъ, особенно когда теперь совсѣмъ въ Его Высочайшей состоитъ власти принять мою всенижайшую просьбу о ежегодной пенсіи. Если же мнѣ сверхъ чаянія по нынѣшнимъ законамъ Россійскимъ нельзя ожидать отъ Милости Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича ежегодной пенсіи, то я ласкаю себя надеждою, что по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ вознаграждены будутъ потери, внезапнымъ отрѣшеніемъ меня отъ должности причиненныя, ибо я чрезъ это неожиданное удаленіе изъ Россіи лишился всего своего имѣнія и претерпѣваю теперь во всемъ крайнюю нужду, не получая никакого жалованья и безпрестанно находясь въ болѣзненномъ состояніи.

Пересмотръ дѣла Шада былъ порученъ извѣстному Ширинскому-Шахматову, который, ознакомившись обстоятельно со всѣми документами, далъ о немъ слѣдующее заключеніе: „Чтобы изъяснить по совѣсти какое нибудь рѣшительное мнѣніе о дѣлѣ Шада и объ участи, достойно или безвинно его постигшей, должно бы кромѣ присланныхъ ко мнѣ бумагъ разсмотрѣть и доносъ г. Дегурова и бывшее въ совѣтѣ Харьковскаго университета производство и непринятія этимъ совѣтомъ мнѣнія профессоровъ Каменскаго и Рейта, наконецъ должно бы еще прочесть и книги г. Шада, какъ тѣ, которыя были напечатаны въ Россіи, такъ и другія, изданныя имъ въ Германіи, объ нихъ упоминается въ отношеніи князя А. Н. Голицына къ графу Канодистріа ¹⁾. Вы скажете, что это невозможно, и я согласенъ съ вами, но безъ этого также невозможно (мнѣ по крайней мѣрѣ) объявить Шада виноватымъ или невиновнымъ. Въ запискѣ министра просвѣщенія, по которой судилъ комитетъ министровъ, и въ донесеніи попечителя обвиненія на него въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что, сличая ихъ съ отвѣтами Шада, мудрено рѣшить о степени основательности или неосновательности его оправданій. Я замѣтилъ только, что эти обвиненія становятся сильнѣе, переходя изъ одной бумаги въ другую, изъ донесенія попечителя въ записку, которая внесена въ комитетъ министровъ, а потомъ изъ этой записки въ отношеніе къ графу Канодистріа. Замѣчаю еще, что изъ дѣла не видно, возвращены ли Шаду 10800 руб., которыхъ онъ требовалъ съ какихъ то должниковъ его“.

Въ 1828 г. въ Петербургъ пріѣхалъ сынъ Шада и подалъ прошеніе такого содержанія:

Всемиловѣйшій Государь!

Отецъ мой, коллежскій совѣтникъ Иванъ Шадъ, теперь экстраординарный профессоръ въ Іенѣ, служилъ тринадцать лѣтъ профессоромъ философіи при Харьковскомъ университетѣ и всегда имѣлъ счастье пользоваться уваженіемъ своего начальства. Въ 1813 году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій предписалъ ввести Логикѣ его, сочиненную на латинскомъ языкѣ, не только въ Харьковскомъ университетѣ, но и во всѣхъ гимназіяхъ Россійской Имперіи и Ея Императорское Величество блаженной памяти Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, увѣряясь о пользѣ его сочиненій, благоволила въ 1816 году наградить заслуги его драгоценнымъ подаркомъ и одобрить его труды чрезъ министра народнаго просвѣщенія

¹⁾ Leben und Schicksale des unwürdigen Verters Sincerus и пр.

графа Разумовскаго всемилостивѣйшею и лестною похвалою. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того отецъ мой лишился всего своего немаловажнаго имѣнія неожиданнымъ и внезапнымъ отрѣшеніемъ отъ должности и удаленіемъ изъ Россіи и нынѣ на семидесятomъ году отъ роду претерпѣваетъ во всемъ крайнюю нужду, не получая никакого жалованья и безпрестанно находясь въ болѣзненномъ состояніи. Въ 1816 году, въ то самое время, когда непріатели его начали въ Санктпетербургѣ доносить на него, имѣлъ онъ счастье представляться въ Харьковѣ Вашему Императорскому Величеству и поднести Вамъ свои сочиненія, Ваше Императорское Величество благоволило въ 1817 году въ Берлинѣ чрезъ тамошняго Россійскаго посланника приказать объявить отцу моему о принимаемомъ Вами въ несчастномъ положеніи его участіи. Нынѣ, Всемилостивѣйшій Государь, дерзаю утрудить Ваше Императорское Величество этою всеподданнѣйшею просьбою и ласкаюсь надеждою, что всемилостивѣйшее благорасположеніе Ваше въ пользу несчастнаго моего отца не переменилось; осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о вознагражденіи отца моего за потери, понесенныя имъ при внезапномъ отрѣшеніи его отъ должности, и этою Монаршею милостию усладить послѣднія лѣта жизни добродѣтельнаго человѣка и усерднаго слуги. Въ твердомъ упованіи на Высочайшую милость. Вашего Императорскаго Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій Германъ Густавъ-Фридрихъ Шадъ, докторъ философіи.

Санктпетербургъ.

Февраля 1-го числа 1828 г.

Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ заключенія попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Церовскаго и тотъ далъ отъ себя слѣдующій отзывъ.

На предписаніе Вашего Высокопревосходительства отъ 24 текущаго февраля, съ препровожденіемъ въ копіи всеподданнѣйшаго прошенія доктора философіи о вознагражденіи отца его, служившаго профессоромъ философіи при Харьковскомъ университетѣ, за потери, понесенныя имъ при внезапномъ отрѣшеніи его отъ должности, честь имѣю отвѣтствовать, что вышеозначенное всеподданнѣйшее прошеніе п. Шада, я нахожу заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что старость и болѣзнь отца его, котораго я имѣлъ случай видѣть въ бытность мою за границею,—при весьма недостаточномъ его состояніи, дѣйствительно требуютъ пособія. И потому я полагаю бы вознаграждать его исходатайствованіемъ Высочайшаго соизволенія на выдачу ему изъ хозяйственной суммъ Харьковскаго университета десяти ты-

сячъ рублей единовременно, съ опредѣленіемъ въ пансіонъ по смерти половину жалованья, какое онъ получалъ въ семъ университетѣ по должности ординарнаго профессора, т. е. по одной тысячѣ рублей въ годъ изъ университетской же суммы, на пенсіоны назначенной.

Такое мнѣніе мое честь имѣю предать лучшему благоусмотрѣнію Вашего высокопревосходительства. Попечитель *Ал. Перовскій*.

28 Февраля 1828.

Казалось, обстоятельства па этотъ разъ складывались вполнѣ благоприятно для несчастнаго Шада, но въ дѣйствительности вышло иначе—просьбу Шада велѣно было оставить безъ послѣдствій.

XIII.

Общее заключеніе.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ можно признать убѣдительными оправданія Шада по поводу взведенныхъ противъ него обвиненій. Несомнѣнно, что они способны поколебать основу тѣхъ доносительныхъ пунктовъ, которые направлены противъ его сочиненій—*„De viris illustribus urbis Romae“*, *„Institutiones juris naturae“*. Последнее сочиненіе дѣйствительно представляетъ попытку примиренія вѣры и разума. Задачу его самъ Шадъ опредѣляетъ такъ. „Чти божественную мудрость, выразившуюся въ священномъ писаніи, преимущественно въ новомъ заветѣ, я отвергаю и признаю ложною и гибельною всякую философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Св. Писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначаемыхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ святымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры, которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія измѣненія временъ и мнѣній чловѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состарѣться и съ ними умереть“. Таково было міросозерцаніе Шада въ *это время*. Въ приводимыхъ выдержкахъ изъ своего „Естественнаго права“ онъ въ цѣлахъ самооправданія подчеркиваетъ свою христіанскую философію. Но напрасно онъ старался убѣдить, что его книга написана въ духѣ воззрѣній министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына—между ними была цѣлая пропасть. Шадъ нѣсколько съузился теперь, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда писалъ свою автобіографію и отца Синцера, сферу разума, но все таки отводилъ ему видное мѣсто, а главное ратовалъ за его свободу. На первыхъ страницахъ своей книгѣ

онъ трактуетъ о правахъ человѣка, которыя выводитъ изъ права, требуемаго разумомъ— „жить согласно со своею природою“. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя, даже вооруженная сила не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественной природой. Существенными условіями общественной и гражданской жизни являются для него не только забота о собственномъ удобствѣ, но и ненарушимость взаимныхъ правъ, а также мудрость. Разумъ долженъ ограничивать и умѣрять заботу о собственномъ удобствѣ во имя общаго блага. Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о нашемъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленія къ мудрости, но и обязано облегчать его всякими мѣрами и доставлять къ этому всѣ средства. А потому нельзя придумать ничего болѣе нелѣпаго какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному, а тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка; намъ принадлежатъ всѣ наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежатъ всѣ усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы; намъ принадлежатъ доказательства для утвержденія свитыхъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣли добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ“. Онъ вполне убѣжденъ въ необходимости свободы мысли. Ни одно постановленіе, говоритъ онъ, не можетъ имѣть такой силы, чтобы обязать абсолютною необходимостью признать за истину, безъ собственного испытанія и удостовѣренія въ достаточности доказательствъ, то, что предлагаетъ законодатель, хотя бы онъ самъ и убѣжденъ былъ въ истинѣ требуемаго; истина не можетъ быть передаваема, какъ вещь, или предписываема, а принимается только по свободному изслѣдованію и убѣженію. Отсюда естественно вытекаетъ свобода совѣсти и полная терпимость въ дѣлѣ религій. Государь, говоритъ Шадъ,

обязанъ предоставлять подданнымъ безъ всякаго различія свободу слѣдовать тому вѣроисповѣданію и обряду, въ истинѣ, превосходствѣ и пользѣ которыхъ каждый изъ нихъ наиболѣе убѣжденъ. Въ вопросѣ о свободѣ мысли, воли и дѣйствій Шадъ придерживается средняго, либеральнаго, но не радикальнаго пути: популярныя сочиненія, рассчитанныя на широкую публику, по его мнѣнію, нуждаются въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, но университетское преподаваніе и наука должны быть вполне свободны; исходя изъ этого положенія, онъ сильно ратуетъ за латинскій языкъ, недоступный для толпы. Государь, говоритъ Шадъ, обязанъ не болѣе ограничивать свободу въ устномъ или письменномъ сообщеніи мыслей другимъ, какъ того требуетъ общественная польза, такъ какъ благоразумная и скромная свобода этого рода должна быть почитаема однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ совершенствованія общественнаго благосостоянія и народнаго образованія. Такимъ же прогрессистомъ, подъ часъ даже крайнимъ, является Шадъ и въ сферѣ своихъ воззрѣній на семейную жизнь. Отъ родителей онъ требуетъ обязанности давать соответственное образованіе своимъ дѣтямъ. Отъ высшихъ сословій, занимающихъ общественныя должности и имѣющихъ по своимъ привилегіямъ, богатству, внѣшнимъ отличіямъ и власти, большое вліяніе на остальныхъ гражданъ, общество можетъ требовать высшаго и разнообразнаго образованія и имѣетъ право предписать самыя средства для его достиженія; въ наказаніе же, за невыполненіе этого требованія, они могутъ быть низводимы въ низшія сословія. Но, съ окончаніемъ образованія, должна прекратиться и зависимость дѣтей отъ родителей. До сихъ поръ, говоритъ онъ, еще остаются слѣды стараго тиранническаго убѣжденія, что сыновья обязаны рабскимъ отношеніемъ къ родителямъ за свое рожденіе, воспитаніе и образованіе, и убѣжденіе объ ихъ равноправности съ родителями, по достиженіи совершеннолѣтія, многими признается юридическою ересью. Шадъ всѣми силами убѣжденія возстаетъ противъ рабства. Рабство въ собственномъ смыслѣ, говоритъ онъ, по которому человѣкъ разсматривается какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были, и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не только у нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По законамъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т. е. безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязатель-

ство безъ всякаго права; такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества; при томъ оно не основано и на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть ничто иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни. Человѣкъ долженъ относиться къ человѣку съ любовью, уваженіемъ и благоговѣніемъ, какъ совершеннѣйшему творенію Бога-Творца природы, ему подобному. Вообще все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ представляетъ, по вѣрному замѣчанію академика Н. А. Лавровскаго, „неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія свободы“¹⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что эти идеи принадлежали не столько самому Шаду, сколько всей тогдашней наукѣ естественнаго права; въ основу этой послѣдней положена была философія и изъ нея выводились уже нормы юридическаго характера. Но Шадъ счумѣлъ внести и сюда не мало новаго и оригинальнаго, благодаря своему сильному, ясному и творческому уму. Сказать *новое слово* побудили его тогдашнія политическія обстоятельства освобожденія Европы отъ тираніи Наполеона. Счастливое измѣненіе обстоятельствъ, братскій священный союзъ государей подавалъ ему надежду на появленіе новаго порядка вещей, новой формы государства, управляемаго *согласно вѣчнымъ законамъ разума*; подъ вліяніемъ всеобщаго подъема духа и онъ рѣшился освободить науку естественнаго права отъ господствовавшихъ въ ней опшибокъ, созданныхъ французскою философіей. Возможность же установленія истинныхъ понятій о естественномъ правѣ Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукою о нравственности и религіи и этому посвящена его книга. Такова одна оригинальная сторона его сочиненія. Другая заключается въ томъ, что онъ вооружался здѣсь противъ механической теоріи государства, господствовавшей въ его время, и опровергалъ положеніе, будто бы государство создано только для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности; идею права онъ старался органически слить съ идеей обязанности. Такимъ образомъ, книга Шада о естественномъ правѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно отличалась отъ аналогичныхъ сочиненій другихъ писателей. Но этой разницы не желали отмѣчать тѣ лица, которыя доносили на книгу и старались выискать въ ней неблагонамѣренныя мѣста; они игнорировали религіозный элементъ въ ней и подчеркнули исключительно раціоналистическій — тотъ духъ свободы, за который стоялъ

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. 1873, кн. 2-я, стр. 45—53.

Шадъ и который не соответствовалъ уже реакціонному настроенію и какъ самого Императора Александра I-го, такъ и окружавшихъ его государственныхъ дѣятелей; то, что считалось совершенно естественнымъ и даже поощрялось 4—5 лѣтъ тому назадъ, теперь признавалось вреднымъ и неблагонамѣреннымъ. Скоро открылся настоящій походъ противъ всѣхъ наукъ и въ особенности противъ сочиненій по естественному праву. Въ 1817 году министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и при немъ учрежденъ ученый комитетъ, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе книгъ въ духѣ спасительнаго согласія между вѣрою, знаніемъ и властію. И этимъ комитетомъ были осуждены книги—*„Всеобщая мораль или обязанности человека, основанная на его природѣ“*, *Метафизика* Лубкина, *Логическія наставленія* Лодія, *Естественное право* Куницына, *Книга о должностяхъ человека и гражданина*¹⁾. Особенно любопытенъ приговоръ надъ сочиненіемъ о метафизикѣ проф. Казанскаго университета Лубкина. „Авторъ желалъ согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, восходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же напротивъ того исполнены заблужденій, ложныхъ началъ и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхъчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простираť виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленные и подлежащія произвольному толкованію дѣлають книгу Лубкина подозрительною“¹⁾.

Такимъ образомъ, книга Лубкина была осуждена за то, къ чему стремился въ своемъ сочиненіи Шадъ, т. е. за попытку примирить вѣру съ разумомъ. Вопреки Ломоносову, который заявлялъ, что наука не противорѣчитъ религіи, здѣсь прямо онѣ признавались противоположными, другъ друга исключаящими началами. Извѣстный Магницкій предалъ суду профессора Казанскаго университета Солнцева за его курсъ естественнаго права и призналъ особенно разрушительными тѣ мысли, которыя высказывалъ раньше Шадъ. Авторъ, по словамъ обвинителя, старался держаться его инструкціи и основывалъ свой курсъ на священномъ писаніи, но все-таки смѣшалъ божественное уче-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Иссл. и статьи, I, стр. 203.

ніе съ мнѣніями человѣческими, пшеницу съ плеведами. „Практическій разумъ, утверждающій, что 1) естественная свобода состоитъ въ правѣ располагать своимъ лицомъ, своими душевными и тѣлесными силами, своими способностями и всѣми своими дѣйствіями, не подлежа вышнему со стороны другихъ ограниченію, или 2) что по самому понятію о свободѣ и равенствѣ, которыя составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не имѣетъ безусловнаго права понуждать другого дѣлать что-либо противъ его воли—подобенъ древнему змію, прельстившему праматерь Еву, а чрезъ нея и праотца Адама. Естественное право излагаетъ права и обязанности властителей и подвластныхъ, выводимыя изъ началъ разума; но разумъ не можетъ быть руководителемъ: онъ обязанъ благоговѣнно внимать и со страхомъ повиноваться верховному законодателю“. Характерно, что тотъ же Магницкій, который высказалъ это сужденіе, совѣтовалъ поступить и съ извѣстными профессорами Петербургскаго университета Германомъ и Раупахомъ также точно, какъ поступилъ комитетъ министровъ съ Шадомъ, т. е. выслать ихъ за границу. При этомъ онъ рекомендовалъ правительству не обращать особеннаго вниманія на общественное мнѣніе, „ибо въ характерѣ шумныхъ мнѣній нашей публики всегда примѣтити можно два направленія: первое—слухи, разсѣиваемыя для впечатлѣній на мнѣніе вышшаго правительства, дабы увлечь его въ свой смыслъ; и потомъ второе—не далѣе какъ на другой день послѣ рѣшительнаго его поступка молчать или думать согласно съ нимъ; сія неискренняя и политическая, такъ сказать, угодливость замѣняется у насъ доселѣ, *по счастью* (!?), то нравственное чувство, которое должно соединять мнѣніе добрыхъ гражданъ съ мнѣніемъ правительства; побужденіе не такъ чисто, но послѣдствія равно полезны“. Намъ нечего прибавить къ этому откровенному циничному замѣчанію Магницкаго; можно думать, что онъ имѣлъ нѣкоторые основанія высказать такое сужденіе о русскомъ обществѣ своего времени, т. е. той именно эпохи, когда Шадъ дѣлалъ безплодныя попытки къ своей реабилитаціи. О настроеніи министерства народнаго просвѣщенія ярко свидѣтельствуетъ разрушительная въ сферѣ просвѣщенія дѣятельность того же Магницкаго, Рунича и другихъ. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, Шадъ не могъ быть оправданъ; истинная причина безуспѣшности его попытокъ лежала не въ слабости его доводовъ — онъ, вообще говоря, представилъ достаточно данныхъ если не для полнаго своего оправданія, то по крайней мѣрѣ для пересмотра дѣла, а такового только онъ и добивался,—а въ той реакціи, которая нависла тяжелой свинцовой тучей надъ просвѣщеніемъ и бѣдными русскими университетами во вторую половину цар-

ствованія Императора Александра I-го. Старый философъ Шадъ, пребывая за границей, не представлялъ себѣ всей силы этой реакціи и продолжалъ напоминать о себѣ и своемъ злосчастномъ дѣлѣ при всякомъ случаѣ русскому правительству, которое оставалось глухо къ его мольбамъ о возстановленіи нарушенной справедливости. Былъ, правда, одинъ моментъ (уже въ царствованіе Императора Николая Павловича) когда для него блеснулъ лучъ надежды: за него поднялъ голосъ попечитель Харьковскаго университета А. Перовскій—этотъ видный литераторъ своего времени, очевидно, почувствовалъ пѣтеть къ такому крупному дѣятелю науки, какимъ былъ Шадъ, котораго онъ самъ видѣлъ за границей; но и на этотъ разъ надежда обманула старца и онъ сошелъ въ могилу, не добившись своей реабилитации.

Не отрицая нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ въ характерѣ Шада, мы однако должны сознаться, что это былъ человѣкъ большого и самостоятельнаго ума, цѣлою головою стоявшій выше своихъ товарищей профессоровъ, съ сильною волей и характеромъ и большимъ запасомъ кипучей энергіи, которая направлена была главнымъ образомъ на дѣло просвѣщенія. Въ Россіи передъ нимъ открылась самая широкая арена для его просвѣтительной дѣятельности, и онъ оказалъ пріютившему его Харьковскому университету дѣйствительно цѣнныя услуги въ качествѣ профессора. Противъ него были выставлены въ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ обвиненія во вредномъ направленіи сочиненій и предосудительномъ поведеніи его въ дѣлѣ докторскихъ промоцій. Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ мѣстъ, можетъ быть, и слѣдовало признать неудобными въ книгахъ, предназначенныхъ для учащагося юношества, но эти мѣста легко было изъять, или недопустить книгъ въ видѣ школьныхъ пособій; во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдовало карать за это автора, который дѣйствовалъ *bona fide*, руководствуясь, какъ это видно изъ его объясненій, чистыми нравственными побужденіями, и въ особенности карать такъ жестоко. И попечитель округа, и многіе члены университетскаго совѣта не соглашались съ философскими воззрѣніями Шада, но признавали все-таки за нимъ, какъ за представителемъ науки, свободу научнаго изслѣдованія и выраженія своихъ мыслей; и это потому, что безъ такой свободы не можетъ быть и правильнаго прогрессивнаго развитія самой науки. Сочиненіе же Шада о естественномъ правѣ (также точно какъ и его „Логика“) представляетъ изъ себя не столько учебникъ, сколько серьезный научный трактатъ, изложенный въ формѣ систематическаго курса, нѣсколько разъ устно излагавшагося студентамъ, а теперь обработаннаго для печати. Да и другой его болѣе популярный трудъ, дополненная имъ христоматія Ломонда (*De viris illu-*

sribus urbis Romae) предназначался имъ, нужно думать, и для студентовъ университета,—въ такомъ случаѣ едва ли можно было поставить въ особенную вину Шаду то, что онъ перепечаталъ изъ латинскихъ классиковъ эпизодъ о цѣломудренныхъ Римскихъ женщинахъ.

Что касается обвиненій Шада по дѣлу о докторскихъ диссертацияхъ Ковалевскаго и Гриневича, то здѣсь констатированъ только самый фактъ плагіата, но не доказано самаго важнаго, — чтобы Шадъ руководился тутъ корыстными побужденіями; по крайней мѣрѣ самъ онъ даетъ этому факту, имъ не отвергаемому, иное объясненіе. Можетъ быть, что Шадъ не былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ — взятки въ то время, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, составляли къ сожалѣнію довольно распространенное явленіе въ Харьковскомъ университетѣ и къ нему относились довольно снисходительно, — но Шадъ не былъ изобличенъ во взяточничествѣ ни въ данномъ дѣлѣ, ни въ другихъ случаяхъ и тахіиш, на что давали право факты, это оставить его „подъ подозрѣніемъ въ этомъ обвиненіи“.
